

Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования и науки Республики Татарстан
ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный
педагогический университет»

Этничность
Межэтнические процессы
Диалог культур

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции

Набережные Челны
2016

ББК 63.5
Э 91

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «НГПУ».

Редакционная коллегия

Ф.З. Мустафина, кандидат педагогических наук, доцент, Ректор
НГПУ

Д.Ш. Гильманов, кандидат педагогических наук, доцент, первый
проректор НГПУ

Н.М. Асратян, кандидат философских наук, доцент, старший научный
сотрудник НГПУ

А.Г. Мухаметшин, доктор педагогических наук, профессор (отв.
редактор)

И.Д. Илалова, начальник редакционно-издательского отдела НГПУ

Э 91

Этничность. Межэтнические процессы. Диалог культур:
Сборник материалов Всероссийской научно-практической
конференции / Отв. редакторы Н.М. Асратян, А.Г. Мухаметшин,
Д.Ш. Гильманов. – Набережные Челны: НГПУ, 2016. – 243 с.

Сборник научных трудов составлен в рамках реализации культурно-образовательного проекта «Диалог культур» для специалистов дошкольного, среднего, среднего специального, дополнительного и высшего профессионального образования.

Авторы являются учеными-исследователями в области философии, этнологии, истории, культурологи. В сборнике раскрываются различные аспекты этнокультурной проблематики в Татарстане и современном российском обществе.

Сборник издан в рамках реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства Российской нации и этнокультурное развитие народов России» и государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014-2020 годы».

ISBN 978-5-98452-144-4

© Кол. авт., 2016
© ФГБОУ ВО «НГПУ», 2016

НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДИЗАЙНУ

С.М. Арефьева

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского
(Приволжского) федерального университета,
г. Набережные Челны,

Т.В. Васильева

Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны

Статья посвящена проблемам внедрения национально-регионального компонента в процессе обучения дизайну. В ней раскрываются различные варианты преподавания, приводящие к успешности обучаемых при овладении содержанием учебного материала. Внедрение интерактивных методов активизирует познавательный интерес всех участников учебно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: *национально-региональный компонент, методы обучения, дизайн, изобразительное искусство.*

Одним из важных направлений учебно-воспитательной работы на всех ступенях подготовки к жизни подрастающего поколения является регионализация, где национальная составляющая выступает одной из значимых факторов общенационального уровня. Это своеобразный ответ современной глобализации, где кажущийся позитивный эффект не всеми участниками процесса осознается однозначно. Утверждение прав человека, демократических норм его жизни приводит к необходимости сохранения своей идентичности в рамках регионализации, где структурирование государственного

пространства выступает в единстве с идеологией, которая нейтральна по отношению к интеграции страны, что подтверждается событиями на Украине, в Грузии, Сербии и др. странах.

В XXI веке Российская Федерация сохраняет национальное своеобразие регионов и создает условия для вхождения их в мировую культуру, создавая концепцию «новой регионализации» — активного участника мировых процессов. Таким образом, национально-региональный компонент является своеобразным положительным звеном существования нашего государства. Внесение его в процесс обучения в виде системы, а не как фрагмент, позволит сохранить «лицо» многонациональной страны. Например, изучаемые явления художественной жизни мировой истории давать в соотношении с отечественными событиями и явлениями.

При рассмотрении уже имеющихся методов работы по внедрению национально-регионального компонента в процесс обучения, можно выделить некоторые способы:

1) наглядные (натурные, изобразительные, знаковые), представленные в виде чертежей, диаграмм, макетов;

2) вербальные (словесные), даваемые при изложении материала мирового искусства в соотношении с культурой коренного населения в виде упоминаний, ссылок;

3) специально-оборудованные (технические, натурные и т.д.).

Интерактивный метод на сегодня активно внедряется в практику. Немаловажное значение он имеет в процессе обучения изобразительной грамоте и основам дизайна. Так, игра в различных вариантах позволяет добиться хороших результатов. Например, при изучении темы «Силуэт» использование принципа *театра теней* облегчает поиск

образа. Или, игровая ситуация по раскрепощению творческого потенциала в ходе разъяснений понятия «пятно». Поиск образов в *кляксах*, которые должны иметь национальную идентичность (типаж).

Частично-поисковый метод дает положительные результаты не только на аудиторных занятиях, но и на внеклассных мероприятиях (посещениях творческих мастерских и встреч с носителями культуры), причем не всегда из сферы пластических искусств, позволяет накапливать знания, расширяет кругозор, позволяет приобщиться к культуре своего региона через носителей национальной идентичности. Приобщение к истокам культуры через экскурсии и к местам исторического и культурного прошлого в ходе учебной практики погружает обучающихся в среду. Использование фактов, событий исторического и культурного прошлого народов данного региона через предметно-бытовую среду можно осуществлять, например, через изучение орнамента, который является частью историко-художественной культуры, т.к. он выражал отношение человека к миру и систему ценностей. А также через выполнение с натуры натюрморта или через преобразование предметной среды в дизайн-проектах, так сказать - ее «осовременивание».

Расширение учебного материала происходит через поисковые формы и методы художественно-исследовательской работы. Например, в ходе изучения конкретных тем, заданных как преподавателем, так и выбранных самими обучающимися. Это иллюстрация периода современной истории своего региона, народа при создании станковых композиций. Это проектирование интерьеров и дизайн-объектов при выполнении практических заданий, таких как: создание дизайн-проекта гостиничного комплекса «Нижняя Кама», концептуальный дизайн дорожной развязки проспектов Сююмбике и

Дружбы Народов г. Набережные Челны и т.п., где важными являются широко используемые в педагогике соревновательные технологии: – конкурсы, фестивали, брейн-ринги и проч. Это всевозможные дизайн-кейсы «мозгового штурма» работы в группах по выработке оптимального решения творческих задач – изменений шаблонов и традиционного восприятия национальной культуры (создание по заданному модулю новых инноваций).

Информационно-развивающий метод реализуется в ходе решения тестов. Например, поиске новых мотивов при изучении темы *линия*, где способы преобразования образа фиксируются в фор-эскизах с закрытыми и открытыми глазами; левой и правой рукой одновременно, и проч. приемы оформляются в цифровом формате.

Ротационные ситуации, где приветствуются самые дерзкие решения, позволяют по-новому взглянуть на создаваемые творческие композиции. Например, при изучении деревянной архитектуры своего края под вопросом: «Как мотивировать баранов узнавать новые ворота»? Варианты ответов, как: создание информационной архитектуры и нового организованного пространства за счет введения графического информационного кейса, несомненно, внесет разнообразие в обучение. Понятно, что конкретный состав методов, способов педагогического обучения и воспитания, включение в систему образовательного процесса материалов населения региона должны быть обусловлены типом образовательного учреждения.

Список литературы:

1. Арефьева С.М. Процессы регионализации в дизайне / Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции «Гуманитарная составляющая профессионального образования». – Казань:

государственное учреждение «Научный центр безопасности жизнедеятельности детей», 2010, часть II. - С. 7-9.

2. Дизайнерское образование / История, теория, практика/под общ. ред. В.Р. Аронова, В.Ф. Сидоренко. – М.: МГТУ им. Косыгина, 2007.

3. Каплунова С.Г. Региональный компонент государственного стандарта общего образования. //http://festival.1september.ru/articles/505796/

4. Кувалдин В.Б. Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения : уч. пособие / В.Б. Кувалдин; МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Магистр, 2009.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

З.Д. Асратян

Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны

Статья посвящена анализу некоторых аспектов западноевропейского вообще и британского в частности концептуального мира на примерах из современной британской художественной литературы. Концепт в художественной литературе рассматривается как индивидуально-авторская интерпретация окружающего мира. В работе анализируются лингвострановедческие концепты, отражающие коллективное бессознательное страны, нации, народа. Показаны различия в некоторых базовых концептах в Британии и России.

***Ключевые слова:** современная британская художественная литература, толерантность, концепт, понятие, лингвострановедческий концепт.*

Концептология в отечественной лингвистике стала развиваться во второй половине прошлого столетия и к настоящему моменту достигла определенных результатов. Однако это направление в том виде, в котором оно существует в отечественной лингвистике, практически не получила развития в зарубежных исследованиях, за исключением ряда работ в славистике (А. Вежбитская). И тому есть серьезные причины, и главная из них заключается в том, что «понятие» и «концепт» обозначают во многих языках одно и то же и рассматриваются лингвистами как синонимы.

В отечественном языкознании эти понятия не совпадают. Об их отличии пишут практически все исследователи, занимающиеся данной проблемой (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, и т.д.). По мнению С.Г. Воркачева, концепт «в самом общем виде сводится к понятию как совокупности существенных признаков, “погруженному” в культуру и язык» [1, с. 12]. Однако, как справедливо отмечали Ю.С. Степанов и С.Г. Проскурин, для понятий характерны существенные и необходимые признаки, в то время как концепты могут включать и несущественные признаки [2, с. 14-30].

Мы под концептом понимаем определенное представление о предмете или явлении, которое национально и индивидуально детерминировано и отражает картину мира народа и/или индивида.

В художественной литературе отражаемый мир преломляется через его авторскую интерпретацию и тем самым концептуализируется. Передавая свою, индивидуальную, картину мира художник отражает не только свои собственные представления об окружающем мире, но и те представления, которые характерны для его культуры, его народа. И в этом случае мы будем говорить

не просто об индивидуально-авторском концепте, а о концепте лингвокультурном.

В данной работе мы рассмотрим лингвокультурный концепт толерантности, как он представлен в современной английской литературе через призму причинно-следственных отношений: преступления и наказания.

В нашей отечественной культуре со времен Ф.М. Достоевского преступление всегда ассоциируется с наказанием. А многолетняя история страны ГУЛАГовского периода, да и современная раздутая и далеко не всегда справедливая система наказания усиливает в нашем общественном сознании эмоциональность в восприятии проблемы.

Поэтому, когда в рамках сотрудничества с Оксфордско-Российским фондом наши вузы стали получать и читать современную британскую литературу, некоторые аспекты жизни в Англии, отраженные в этой литературе, у нашего российского читателя вызвали недоумение.

Так, в романе Хилари Ментел «Опыт в любви» (Hilary Mantel *An Experiment in Love*) [3] во время пожара в общежитии университета сгорает студентка Линетт, которая не сумела покинуть горящее здание. Другая студентка, Кармел, от имени которой ведется повествование в романе, во время пожара видит, как у Карины, которая жила с Линетт в одной комнате, выпадает из кармана ключ от этой комнаты. Кармел понимает, что Карина заперла комнату с Линетт, и поэтому та не смогла покинуть горящее здание. При этом Карина выносит из пожара лисью шубу Линетт. Однако дальнейшие рассуждения Кармел для нашего читателя выглядят, по меньшей мере, странно: *She knew I would not give her away. After all, I said to myself, I don't know that she is a murderer. Just because she has the key, it doesn't mean she turned it in*

the lock. (Она понимала, что я не сдам ее. В конце концов, я сказала себе, что не знаю, была ли она убийцей. То, что у нее был ключ, вовсе не означает, что она заперла дверь) [3, с. 246]. И Кармел не предпринимает никаких попыток выяснить, что же произошло на самом деле. У такого поведения могло бы быть объяснение, если бы Кармел и Карина были близкими подругами. Однако Кармел не любит Карину и очень хорошо относится к Линетт. Вопрос, было ли совершено преступление, остается открытым, без всяких попыток прояснить ситуацию. У российского читателя возникает вопрос, что это: толерантность или равнодушие.

В романе Джулии Дарлинг «Дочь таксиста» (*Julia Darling The Taxi Driver's Daughter*) [4] девочка – подросток, пятнадцатилетняя Карис вместе со своим дружкой Джорджем забираются в чужие пустые дома и развлекаются там, как им хочется. И только когда Карис понимает, что Джордж может совершить убийство, она одумывается. Джорджа арестовывает полиция, однако Карис, сдав его, не испытывает никаких угрызений совести по поводу разбоя, который они с Джоржем устраивали в чужих домах.

Герой романа Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре» (*Sebastian Faulks A Week in December*) [5] Хассан аль Рашид, сын одного из богатейших людей Великобритании, становится террористом. Он едет на пароме во Францию, где покупает необходимые для производства бомбы химикаты, привозит их в Лондон и готовится взорвать бомбу в одной из больниц города. Бомбы в больницу должны принести другие террористы, Хассан несет взрыватели. И хотя его в какой-то мере смущает то, что взрыв будет в больнице, однако останавливает его не это. На мосту через Темзу в сумрачном и туманном Лондоне он сталкивается с велосипедистом, быстро летящим по мосту

с выключенными фарами. И леденящее чувство близкой смерти оказывается отрезвляющим для Хассана: он выбрасывает взрыватели в Темзу. Мы вновь видим, что преступления останавливают не моральные соображения, а элементарный животный страх смерти.

Похоже, что в британской культуре концепты преступления и наказания совсем не так тесно связаны друг с другом, как в российской.

Есть и еще один аспект в британской мусульманской культуре, на который хотелось бы обратить внимание. Это различие между исламом отцов и детей.

Семья Хассана очень хорошо вписалась в британскую жизнь: его любящих и глубоко верующих родителей принимают в самых известных домах Лондона и даже приглашают на прием к королеве. Отец Хассана считает веру, ислам, глубоко личным делом и совсем не готов навязывать другим свои взгляды. Иное дело Хассан. Будучи рожденным в Великобритании, он не ассоциирует себя с британским обществом, а под влиянием радикальных исламистов готовит себя к джихаду, когда любой другой человек, не разделяющий его взглядов, – кафир, а значит, – враг. Врагами становятся целые страны. Даже его собственный отец, который не разделяет идеи радикальных исламистов, по его мнению, глуп: *He had been on the verge of saying things he would have regretted. Thank God the old fool had gone to bed. (Он чуть было не сказал ему то, о чем бы пожалел потом. Слава богу, что старый дурак пошел спать.)* [5, с. 261]. Такое отношение к отцу выглядит странным для мусульманской культуры, где очень трепетное отношение к старшим и особенно к родителям. Достаточно вспомнить слова главы Чеченской республики Р. Кадырова, который как-то сказал, что если бы его отец велел ему прыгнуть с высотного здания, он сделал бы это, не задумываясь ни на минуту.

Мы можем усомниться в надежности рассказчика в романе С. Фолкса, принимая во внимание то, что писатель не принадлежит к мусульманской культуре и может быть не вполне корректным, создавая свой персонаж. Однако рассказ другого британского писателя, Ханифа Курейши, у которого восточные корни, рисует похожую картину. Сын нарратора рассказа «Мой сын – фанатик» (*My Son the Fanatic*) Али также безжалостно относится к своему отцу: *In a low, monotonous voice, the boy explained that Parvez had not, in fact, lived a good life. He had broken countless rules of the Koran. (Низким, монотонным голосом парень стал объяснять Парвезу, что тот, на самом деле, не жил праведной жизнью, что он много раз нарушал законы Корана.)*

Таким образом, молодые люди, родившиеся в Великобритании, гораздо больше своих отцов склонны к радикализму, при этом основа нравственных критериев, семья, отходит на второй план. Совершенно очевидно при этом, что кто-то очень серьезно поработал с этими молодыми людьми. Концепт радикального исламизма, нашедший отражение в британской литературе, обязательным образом включает такого/их наставника/ов.

Список литературы:

1. Воркачов С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминсистема // Политическая лингвистика. 2014. № 3. Екатеринбург. С. 12-20.
2. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. - М.: Наука, 1993. - 158 с.
3. Mantel Hilary *An Experiment in Love*. London: Harper Perennial, 2004.
4. Darling Julia *The Taxi Driver's Daughter*. Penguin Books, 2004.
5. Faulks Sebastian *A Week in December*. London: Vintage, 2010.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Н.М. Асратян

Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны

В условиях высокой динамики социокультурных трансформаций постоянный мониторинг национального развития и межнациональных отношений позволяет создавать прогностические модели этих процессов, а также научно обоснованные принципы управления ими. В статье рассматриваются некоторые ключевые аспекты методологии и методики этносоциальных и этнокультурных исследований в многонациональной городской среде (г. Набережные Челны).

Ключевые слова: *межэтнический диалог, социокультурные трансформации, этнополитические и этносоциальные исследования.*

При кажущейся картине общественной стабильности современные процессы характеризуются все более интенсивным и массовым включением в них крупных общественных слоев, затрагивают и активизируют новые потоки людей. В них содержится заряд огромного внутреннего социального динамизма. В отличие от советского периода, когда сколько-нибудь существенных изменений следовало ожидать лишь в результате решений различных управленческих органов, особенностью нынешнего периода является то обстоятельство, что сами общественные сдвиги обуславливаются активизацией новых людей, больших групп населения, вытекают из серьезных изменений в их общественном сознании и социальном поведении.

Общественные явления в наши дни все более отчетливо приобретают тенденцию широкого социального самодвижения. Однако действия индивидов и больших общественных слоев являются внешней проекцией их представлений, субъективных пристрастий, оценок. Поэтому социологический анализ этих процессов должен исходить из того, что объективные характеристики складывающейся общественной ситуации теснейшим образом переплетаются, а временами и сливаются с субъективными оценками самих участников этих процессов. Речь идет о том, что в общественном сознании, и прежде всего, конечно, на его социально-психологическом уровне с высокой степенью адекватности отражается состояние современных общественных отношений во всей их противоречивости. В то же время приходится учитывать, что быстро изменяющиеся общественные реалии влекут за собой существенные сдвиги в соотношении структурных элементов, составляющих общественное сознание.

Сложность современного методологического подхода состоит в том, что теоретическая строгость социального исследования совершенно не тождественна догматизму любой окраски, а многообразные феномены общественной психологии, выявляемые в ходе эмпирических обследований, в своей противоречивой совокупности не должны втискиваться в какие-либо узкие и односторонние теоретико-идеологические рамки. Их интерпретация должна быть очищена от абстрактных стереотипов, трактующих социальные процессы либо как исключительно непротиворечивые и бесконфликтные, либо только как неискоренимо антагонистичные.

Это означает, что о состоянии и динамике социальных перемен, о реальных тенденциях и противоречиях общественного развития мы можем с

высокой степенью точности судить лишь тогда, когда строгость теоретико-методологических принципов проверяется и проявляется через призму эмпирического материала, в котором рельефно и концентрированно представлены многообразные оценки массы респондентов.

Это также означает, что сознание больших социальных слоев, в котором порождаются и обнаруживаются социальные смыслы, имманентно представляет собой фактическую самооценку общественной ситуации. Последняя может с достаточной достоверностью раскрываться и определяться как индуктивная трансформация соответствующего ряда операциональных значений, в качестве которых выступают оценочные суждения респондентов.

Сказанное выше полностью относится к проблематике этнополитических и этносоциальных исследований, межэтнических отношений. При этом следует иметь в виду, что в тех пластах сознания больших общественных слоев, которые связаны с этой проблематикой, происходит своего рода фокусирующий эффект. В оценках, касающихся межнациональных отношений, находят, и нередко в эмоциональной форме, своеобразное интегральное отражение экономические, социально-бытовые, культурные, языковые и другие процессы. Точнее, степень эмоциональности восприятия во многом зависит от того, как протекают эти процессы. Кризисные явления в обществе, либо устойчивый рост, несомненно, накладывают свой отпечаток на восприятие национальной и межнациональной проблематики, хотя сводить характер такого восприятия лишь к причинам социально-экономического порядка было бы, разумеется, упрощением.

В условиях огромной многонациональной страны происходит постоянное разрастание широкой сети

межэтнических связей и объективно складывается тенденция расширения сфер межнационального общения. Наличие прогностических моделей развития этих процессов и использование научно обоснованных принципов управления способствуют взаимообогащению материальной и духовной культур народов страны. В то же время стихийность, непрогнозируемость и неуправляемость этих процессов могут приводить и приводят на практике к осложнениям, конфликтным ситуациям, к непониманию социокультурных запросов других наций.

Особенно выпукло, а для многих неожиданно и болезненно это проявилось в 80-90-е годы XX века, когда резко обнажились многие проблемы, уже длительное время существовавшие в общественных отношениях. Гласность уже не позволяла замалчивать негативные аспекты в общественных процессах и по-прежнему выпячивать или преувеличивать только позитивные тенденции. Сложилась ситуация, когда, с одной стороны, многие проблемы, в том числе и в сфере межнациональных отношений, требовали неотложных решений, а с другой, - ощущался серьезный недостаток в новых подходах к анализу существующих противоречий.

Это привело к тому, что, к сожалению, в обществе нарастала дезориентация, растерянность, на фоне которой деструктивные силы всячески гипертрофировали сложившиеся проблемы, не только не решали, но нагнетали и усугубляли трудности. В конечном счете им удалось достичь целей, разрушительных для нашей государственности. Все это лишь подчеркивает необходимость и постоянную актуальность теоретических и эмпирических этнополитических и этносоциальных исследований.

Исходя из этих посылок, начиная с 1990 года, нами проводятся регулярные мониторинговые исследования в Татарстане, главным образом в Набережных Челнах.

Особенности этнической структуры Набережных Челнов накладывают существенный отпечаток на характер межнациональных отношений в городе и являются одним из исходных моментов наших исследований. Сложившийся главным образом в результате строительства КамАЗа и последующего бурного промышленного развития города этнический состав требует систематических специальных исследований, позволяющих заметить возможность нарастания трудностей в межнациональных отношениях, увидеть способы удовлетворения языковых, культурно-образовательных, религиозных, экономических и других потребностей проживающих в городе национальных общностей.

С учетом существенного преобладания в городе двух крупных этнических групп – русской и татарской – межнациональная ситуация в целом здесь объективно определяется характером взаимоотношений между ними. Поэтому в наших исследованиях главный акцент делается именно на этой стороне межнациональной проблематики. Наличие же в городской среде огромного числа небольших национальных групп со своими специфическими проблемами и разнородными потребностями требует, чтобы были учтены позиции и интересы их представителей, но изучаются они в общем контексте основных межнациональных проблем.

Социологические методы исследования позволяют репрезентативно зафиксировать соответствующие оценки представителей различных национальных и социальных групп, возрастных категорий, принимать управленческие решения, направленные на профилактику возможных

осложнений в этой сфере. Мониторинг общественного мнения осуществляется по обширному кругу проблем:

- состояние и динамика межнациональных отношений в городе, соотнесение их с многообразными сложными процессами в республике и в стране;
- языковая ситуация в городе, отношение к двуязычию разных групп населения, качество преподавания русского и татарского языков в школе;
- этнические проблемы семьи и брака;
- отношения людей в многонациональных коллективах;
- роль республики в России, вопросы ее статуса.

Из множества полученных данных здесь вкратце хотелось бы выделить несколько следующих.

При изучении гендерного аспекта проблемы выявляется, что мужчины более спокойно, а женщины более обостренно относятся к межнациональным проблемам. Порой в оценках одной и той же ситуации различия оказываются весьма заметными, что, по-видимому, следует объяснять более высокой степенью эмоциональности женщин, тем, что они в большей (возможно, временами и преувеличенной) степени проявляют чувство обеспокоенности, а также тем, что им в большей степени присущ здоровый консерватизм.

Достаточно интересен, на наш взгляд, образовательный и социально-профессиональный аспект рассматриваемой проблемы. Здесь обнаруживается, что рост образования обостряет восприятие межнациональной проблематики. Впрочем, сам по себе фактор образования хотя и влияет на восприятие межнациональной ситуации, однако важнее все же связанный с образованием социально-профессиональный статус. Данные наших обследований показывают, что более острое восприятие проблемы присуще социальным группам,

преимущественно связанным с гуманитарными, административно-управленческими видами труда, т.е. теми, чья деятельность связана с работой с людьми. Инженерно-техническим работникам межнациональные проблемы видятся в более благоприятных тонах. В еще большей степени это относится к рабочим. Немаловажной причиной такого положения является то обстоятельство, что современные проблемы национального развития сопряжены не столько с производственно-технической, сколько, главным образом, с культурно-гуманитарной проблематикой.

Небезынтересна определенная эволюция, фиксируемая в наших исследованиях, взглядов татарского населения Набережных Челнов в вопросе роли и статуса Республики Татарстан. В период «перестройки» большинство татар высказывалось за обретение статуса союзной республики, но большинство русских с этим не соглашались, понимая, что это означает фактический выход из состава Российской Федерации. В настоящее время преобладающее большинство и русских и татар считают нынешнее положение в целом вполне оптимальным, но при этом полагают, что их республика могла бы играть и несколько более самостоятельную роль.

Обстоятельное рассмотрение этих и других вопросов, их неотложное и интенсивное изучение становится необходимой предпосылкой оптимизации межнациональных отношений в городе и регионе.

Список литературы:

1. Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование как проблема современной педагогической науки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008., №68. – С. 100-116.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Полн. собр. соч. Т.3. - М.: Мысль, 1990.

3. Гумилев Л.Н. О термине "этнос". Этнос как явление // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. - Л., 1967.
4. Джурицкий А.Н. Педагогика межнационального общения. - М., 2007.
5. Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. - 1986. - № 3.
6. Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. - М., 1951.
7. Миланова Е.В., Рябчиков А.М., Чебоксаров Н.Н. и др. Страны и народы: земля и человечество: Общ. обзор. - М., 1978.
8. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. - М.: 2003.
9. Семенов В.М., Матюнина Е.В. Национальные и этнические культуры в конфликтных процессах в России // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – №2.
10. Токарев С.А. Проблемы типов этнических общностей: (К методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. - 1964. - №11.
11. Этнография народов Волго-Уралья: учебное пособие / Г.Р. Столярова, Т.А. Титова, Л.С. Токсубаева. - Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОПИРАЙТЕРА

А.Б. Бушев

Тверской государственный университет, г. Тверь

Статья посвящена практике преподавания связей с общественностью по программе бакалавриата, проблемам преподавания материала и проблемам

исследовательской работы в пиаре. Работа ставит вопрос о текстовых компетенциях и культурологическом бэкграунде подготовки такого специалиста. Практический материал статьи представлен студенческими проектами в пиаре – программой ивентов ко Дню родного языка и паблик рилейнз с сфере туризма, иллюстрирующими культуросообразные и межкультурные навыки.

***Ключевые слова:** связи с общественностью, исследования в связях с общественностью, проекты, культурологическая и межкультурная компетенция.*

1. Введение. Модель журналистики рекламного типа и её тексты

Настоящая статья ставит своей целью рефлексию над целями и средствами обучения в такой новой сфере социальной коммуникации, какой является пиарналистика (журналистика по связям с общественностью), характеризующаяся прежде всего особым подходом к функциям медиа, а также цифровым этапом, интерактивностью, трансграничностью и конвергентностью своего контента и принципиально новыми фигурантами, задачами, средствами коммуникации, появлением SM-маркетинга.

Предметом многих современных исследований (например, [3]) являются модели PR и журналистики и их анализ с точки зрения прежде всего социально-ролевой теории коммуникации. Осмысление социальной коммуникации, ее моделей (прежде всего механической модели речевых актов, символической модели, далее интеракционистской модели и, наконец, модели обмена смыслами) присуще и герменевтике с ее постоянным фокусом на процессе и смысле коммуникации. Особенно интенсифицировала эту рефлексию цифровая революция последних десятилетий, качественно преобразовавшая

коммуникацию.

«Журналистами» зачастую называют разных участников массовых социальных коммуникаций: пиар-специалистов, пропагандистов, копирайтеров, авторов и редакторов корпоративных текстов. При этом теряется ключевая сущность понятия - её гражданская составляющая. И.М. Дзялошинский, например, выделяет три основных вектора отношения журналистики к аудитории: влияния (журналистика управления), информирования (рыночная журналистика) и соучастия (гражданская журналистика) [3, с. 9-10]. В первых двух случаях журналист отчужден от аудитории и воспринимает её объектом воздействия. В третьем случае журналист и аудитория - равноправные субъекты взаимоотношений. Во втором случае, интересующем нас в этой статье, «рыночная журналистика» приближается к практике продаж товаров и услуг. В этой модели она представляет собой различные формы работы с информацией в сфере массовых коммуникаций. Вспомним, что еще Ю. В. Рождественский задачами риторики считал умение разбираться в массе текстов, окружающих человека, и умение строить такие тексты [7]. Таким образом, обучаемый вновь поставлен перед задачами не только понимать, но и репродуцировать и продуцировать контент, самому оперировать с ним.

Настоящая статья обсуждает специфику преподавания теории и практики пиара по программе бакалавриата в российском университете. Актуальность такого обсуждения диктуется новизной самой программы и подготовки специалистов такого профиля.

Связями с общественностью в классическом определении являются искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности (С. Блэк). При этом

связи с общественностью являются, во-первых, манерой поведения, а во-вторых, - способом информирования и коммуникации, направленным на установление и поддержание доверительных взаимоотношений, основанных на взаимном знании и взаимопонимании между группой, рассматриваемой в ее разных функциях и видах деятельности, и аудиториями, которые она затрагивает. Задачей практической деятельности выступает создание доверительного отношения к явлению, проекту или личности. Предметом же науки выступают особая область деятельности людей (поведение людей в реальном социально-экономическом процессе), коммуникационный процесс (принятие решений в сфере коммуникативного пространства), функции менеджера по связям с общественностью, структура его профессиональных качеств (коммуникативное лидерство, ответственность, гибкость мышления, высокая общая культура).

Для эффективного осуществления PR-деятельности специалист по связям с общественностью должен обладать теоретическими знаниями, необходимыми для работы в данной сфере. Проблема заключается в том, что профессия специалиста по связям с общественностью получила официальный статус только в 2003 году, а на российском рынке PR-услуг более 70 % специалистов не имеют профильного образования. Этот факт еще раз подтверждает мнение о том, что в работе такого рода специалиста важны не только теоретические знания, а и его практические навыки, которые приобретаются только с опытом работы. В любом случае, специалист по связям с общественностью должен в совершенстве владеть навыками устной речи и приемами ораторского искусства, уметь вести телефонные переговоры и деловую переписку, знать правила организации официальных приемов, деловых встреч, презентаций и других PR-мероприятий.

Важным условием успешной работы PR-специалиста является наличие у него таких качеств, как: честность, целеустремленность, трудолюбие, чувство ответственности, коммуникабельность, решительность, умение убеждать других в своей правоте, энергичность, работоспособность, независимость, требовательность к себе и подчиненным, позитивное отношение к людям, а также – умение идти на разумный компромисс. Кроме этого специалист по связям с общественностью должен соблюдать нормы профессионального поведения и этики во взаимоотношениях с коллегами, представителями различных категорий общественности и работниками средств массовой информации. Общие правила профессионального поведения PR-специалистов закреплены в специальных кодексах, принятых в разное время соответствующими международными организациями.

При разборе теоретических положений пиара можно ориентироваться на вышедшие в последние годы работы А.В. Кочетова, Д.В. Ольшанского, А. Н. Чумикова, М.А. Шишкиной, И.Л. Викентьева, Г.Л. Тульчинского, В.Г. Королько, А.П. Ситникова, С. Катлипа и А. Центера, И.М. Синяевой, А.Д. Кривоносова, Э.П. Галумова, Г.Г. Почепцова. Отметим и недавние публикации в этой интересующей нас области некоммерческих культурных проектов [1; 3; 4; 5; 8].

2. Многомерность современного профессионализма в пиаре

Ключевыми компетенциями пиарщика являются умение создавать материалы и умение организовывать. При этом сферы применения технологий пиара различны. По сути это несколько видов профессиональной деятельности, объединенные сходными технологиями и задачами: *GR, investor relations, corporate relations, media*

relations, special events, image making, crisis management, message management, государственный пиар.

Так, например, различаются виды ивентов, организуемые в различных подотраслях пиара. В медиарилейшнз нас интересуют технологии работы с прессой: пресс-клуб, деловая встреча, круглый стол, неформальные встречи, работа пресс-секретаря, виртуальная пресс-конференция в Интернете, пресс-тур, брифинг, пресс-завтрак, пресс-клуб, пресс-пул, встречи с главным редакторами, день прессы, встреча с журналистами без галстуков, конкурс, информационное спонсорство, тематический образовательный семинар, видеоконференции и телемосты, технологии создания информационного повода. Пиар в коммерческом секторе предполагает изучение организации иных ивентов: выставки, конкурсы, викторины, лотереи, аукционы, фестивали, соревнования, праздники, специальные дни, недели, месячники, форумы, съезды, конференции, симпозиумы, семинары, ток-шоу, презентации (товара, услуги, персонала, структуры), корпоративные мероприятия, промо-акции.

Общность технологий пиара может проследиваться в создании тождественных документов: пресс-релиз, спонсорский пакет, приглашение, пресс-кит, итоговый отчет. При обучении нельзя ограничиваться лишь жанром пресс-релиза, одинаково важны все информационные материалы паблик рилейшнз: бэкграундер, пресс-релиз, медиа-кит, feature, case history, by-liner, round-up article, заявление интервью, репортаж. Важно не только создать пресс-релиз, но и способствовать распространению информации: разослать пресс-релиз, помочь журналисту разработать определенную тему, устроить утечку, провести пресс-конференцию, провести презентацию, организовать посещение места события.

Особняком среди технологий пиара стоит **имиджелогия**. Имидж понимается как личина, маска у Макиавелли и личное обаяние у Лебона. Маркетолог Ф. Котлер имидж понимает как восприятие компании и ее товаров обществом, в основе имиджа корпорации – формирование корпоративной философии и культуры, разработка тех средств, которые позволяют идентифицировать организацию или предприятие с декларируемыми ими ценностями. Известна многомерность имиджа организации: образ руководителя, образ персонала, социальный имидж организации, имидж продукции и услуг, деловая культура, внешняя атрибутика, бизнес-имидж. Главное предназначение имиджелогии – научно обосновать, как создавать привлекательный имидж, как выстраивать модели достойного поведения. Важно не просто поговорить об имидже, о том, что следует мыть шею и уши, чистить обувь и т.д., а изучить технологии имиджелогии: позиционирование, манипулирование, мифологизация, эмоционализация, формат, вербализация, детализация, акцентирование, архаизация, замена целей, подача противоречивых сигналов, дистанцирование, метафоризация, визуализация. Здесь явственен выход к темам мифа (Адлер, Юнг, Лосев, Голосовкер и т.д.) – на практике вспомним партийный миф зеленых, государственные мифы, семейные мифы, детские мифы, исторические мифы. Необходимо продемонстрировать, как политики создают мифы героя, простого человека, шармера, отца, покровителя, кумира, хозяина, фаворита, виртуоза, удава, дьявола, царя, партайгеноссе, печника., симулятора, понтера, домоуправа, умника, расстриги.

Особым видом пиара является **спонсорство** – предоставление финансовой поддержки для заслуживающих этого событий и людей. Спонсорство для рекламы (soap operas), спонсорство для маркетинга

(спонсор оказывает материальную поддержку тому, что интересует потенциальных потребителей), для пиара (показать социальную ответственность).

Совершенно особым видом является **антикризисный пиар** с его принципами: скоростью и работой на опережение, информационной открытостью, честностью, инициативой и координацией, работой с несколькими уровнями – СМИ, потребители, партнеры, правительство. В условиях рисков пересматривается вся деятельность антикризисного пиармена: реклама, медиарилейшнз, лоббизм, маркетинговые и социальные исследования, управление репутацией организации, создание имиджа и фирменного стиля, брендинга, внутрикorporативный пиар, планирование спонсорской деятельности, нейтрализация негативных воздействий, обратная связь с потребителем, собственно антикризисный пиар.

3. Практика пиара в бакалавриате

Ниже представляется возможным охарактеризовать два практических проекта студентов направления «Реклама и связи с общественностью» Тверского университета за 2016 - 2017 гг. Наши собственные интересы лежат в области теории и практики пиара некоммерческих проектов [1; 2].

1. Разработка программы проведения Дня Родного языка. Студентами предложены следующие ивенты для университета:

- Соревнование «скороговорочка», лотерея, ораторский конкурс, чтение древнерусских текстов, презентации поэтов России, мастер-класс по шитью российских нарядов, демонстрация фильма «Моя прекрасная леди».

- Литературный концерт, концерт песен, танцев, стихотворений, вечер родного языка, конкурс среди

начинающих юных поэтов, мастер-класс по написанию стихотворений.

- Пресс-конференция известных писателей, лекция или мастер-класс по риторике для всех желающих.

- Аукцион по покупке редких книжных изданий.

- Занятия по постановке дикции.

- Викторина на знание этимологии и истории языка.

- Мастер-класс по оформлению издания в старорусском стиле.

- Обучение народным танцам, изготовление игрушек, подобных «бабушкиным»; выступление представителей фольклорного творчества – песни, частушки.

- Стилизованный бал с речью определенного века. Флешмоб народного танца. Показ лубков.

- Обучение словесным играм прошлых веков.

- Организация выставок, связанных с тверскими авторами. Слайды, видеоролики, презентации; раздавать брошюры и буклеты по истории Тверского края.

- Организовать экскурсии по местам, где бывали известные поэты.

- Устроить викторину для школьников по русской литературе.

- Мастер-класс по деловому общению.

- Фестиваль кино на русском языке.

- Развивающие игры для детей на запоминание, изучение новых слов.

- Чтение детских книг.

- Акция. Любой школьник или студент может написать о своем отношении к творчеству любимого автора. Лучшее сочинение будет напечатано в газете.

- Организовать ярмарку «русская еда».

• Устроить музейную ночь – во все музеи вход свободный.

- Демонстрация картин тверских художников.
- Устроить день русских игр.
- Проведение диктанта для детей.
- Вручение тематических ручек, блокнотов, награждение победителей редкими книгами.

- Конкурс чтецов.
- Вечер памяти преподавателей.
- Русский язык и современные информационные технологии.

- Создание соцрекламы.
- Устроение акций в книжных магазинах.
- Трансляция круглого стола по региональному телевидению со зрительским интерактивом.

- Бесплатные киносеансы с показом классики российского и советского кино.

- Раздача буклетов, закладок и других промо-материалов.

- Акции в социальных сетях.
- Митинг-шествие.
- Мастер класс по каллиграфии устаревших слов.
- Семинары библиотекарей по инновационным формам работы по продвижению чтения.

- «Читай – город» – бесплатные пособия с интересными фактами о русском языке.

- Радиопередача о варваризмах, жаргонизмах и орфоэпии.

- История Дня славянской письменности.
- Знакомство с азбукой в детских садах.
- Бессмертный полк с портретами известных мыслителей.

- Вставка древних рукописей.

- Мастер-класс по стихосложению.
- Мастер-класс по печати.
- Презентация рукописей писателей.
- Вечер знакомства с народными промыслами.
- Вебинары.
- Фоторафические выставки.
- Конкурс из слов: слово, но другое (например из слова марш - шрам).
- Конкурс рисунков, посвященных дню родного языка.
- Творческий конкурс *эссе на заданную тему*.
- Подготовить филологический факультет для экскурсии: разместить на стендах и стенах корпуса интересные и редкие факты о русском языке.
 - Обмен книгами бук-кроссинг.
 - Помощь начинающим писателям, голосование за лучшую работу, публикации.
 - Русская опера.
 - Раздача буклетов со списком книг, которые должен прочитать каждый.

4. Пиар и реклама в туризме

Как импульс к этой работе возможно задание студентам по представлению презентаций по городам и странам. Например, создание коллективного проекта презентации той или иной страны, создание раскадровки рекламного ролика по предлагаемому путеводителю или буклету. Первоначально не всегда знакомые студентам народные промыслы (Хохлома, Палех, Дымково, Кубачи, Гжель, Уральские самоцветы, Торжокское золотое шитье, Мстера, ростовская финифть, тульские пряники, Федоскино, Жостово, филимоновская игрушка, вологодские кружева, Великий Устюг, изделия из северной кости, Холуй, Павлов Посад) после задания создать

рекламный плакат о выставке становятся хорошо визуально понятными.

Памятные места, связанные с творчеством деятелей культуры (Ясная Поляна, Карабиха, Спасское-Лутовниново, Константиново, Старая Русса, Михайловское, Тарханы, Болдино, Середниково, Шахматово, Переделкино, Рождественно, Коктебель, Абрамцево, Поленово, Куоккала, Домотканово, Вязники, Захарьино, Берново, Ивановка, Знаменско-Раек, Талашкино, Гаруса и т.д.) стали материалом для создания радиорекламных роликов.

Итак, тематика объявлений может быть связана с народными промыслами, тематика презентаций – с объектами культуры. Современные музейные технологии предусматривают интерактивные ивенты. Полезно было посмотреть на опыт крупнейших музеев мира и России и опыт малых музеев (Мультимедиа Арт-музей, Московский музей современного искусства, музей Д ‘Орсэ, Государственный музей народов Востока, музей ВМФ, Музей петербургского авангарда, Центр современного искусства «Гараж», музей Art4ru, Смоленский музей льна, Петербургский музей кофе, интерактивные музеи). При посещении мероприятий обратная связь со студентами возможна при помощи эссе: так возникло задание написать эссе о посещении делового центра библиотеки по теме «Тверские гастрономические бренды» (снеток, гарюга, налим, коврижки, ржевская пастила, пряники и т.д.). Обсуждается возможность организации пресс-туров, которые поначалу в представлении студентов ничуть не отличаются от увеселительных поездок с целью осмотра достопримечательностей.

Брендинг города обсуждается как брендинг города литературы, музыки, ремесел, дизайна, медиа, кино. Здесь велики возможности

страноведческой и краеведческой информации. Отдельное занятие строится по тематике хозяйствования и благотворительности (Аваевы, Морозовы, Слатинский, при этом особенно информативным является посещение краеведческих институций). При занятиях по брендингу территории необходимым становится обращение к путеводителям, травелогам. Здесь прежде всего можно назвать книги В. Познера, Ж. Агалаковой, В. Цветова, В. Глускера, А. Павловской, П. Муратова, П. Акройда и т.д.

В связи с различными мероприятиями проводится прицельное определение целевой аудитории, которое, как показывают исследования [4], дается не столь уж и просто.

Так, например, в результате методики брейнсторминга студенты отмечают, что целевые группы дней малого среднего бизнеса в Твери - предприниматели 22-45 лет, студенты экономических специальностей, потенциальные предприниматели, потенциальные инвесторы, СМИ, организации, занимающиеся поддержкой предпринимательства. Происходит расширение ядра целевой аудитории.

Обучаемыми предложены следующие пиар- и рекламные предложения: пресс релизы, реклама по ТВ, в Интернете, афиша, интервью с участниками, трансляция в прямом эфире, рассылка рекламы в тематических группах, радиореклама, раздача листовок, наружная реклама, SMS-рассылка (форма индивидуализированного обращения), баннеры, флаеры, реклама на транспорте, промоакции. Победителю в категории «лучший бизнес-план» полагается ссуда. Создан слоган « Научим быть успешным». В программу мероприятия рекомендовано включить квест-игры, мастер-класс по книгам, круглые столы, лекции, игры, семинары, тренинги, фуршет, выступления музыкальных коллективов, благотворительный вечер, форсайт-сессию, торжественные церемонии открытия,

закрытия, вручения призов, приглашение почтенных гостей, презентации, выставки, приглашение известных лиц.

Так, относительно способов привлечения туристов в Тверь (семинар в рамках дней малого среднего бизнеса в Твери) обучаемыми рекомендовано пригласить чиновников, представителей турагенств, СМИ, креативные рекламные агентства, работников музеев, владельцев ресторанов и кафе, потенциальных туристов. Методы рекламы такого семинара предусматривают e-mail, - рассылку приглашений, наружную рекламу, рекламу на радио, ТВ, в газетах и журналах, на официальном сайте Тверской области. Могут быть запланированы следующие мероприятия: выступления чиновников по ТВ, семинары, экскурсия на Селигер, создание фильма-биографии города, экскурсии по достопримечательностям, привлечение официальной группы гидов и волонтеров, официально открытия спортивной арены, бассейна, других объектов, ежегодное проведение массовых соревнований, поездки на теплоходе, партизанский маркетинг, мастер-класс от владельцев тур – снаряжения, новое реалити-шоу «Хождение за три моря», даже создание искусственной Индии (рассказ о быте, национальный мейк-ап, возможность купить национальную одежду, зоопарк).

Вместе с тем отмечается, что для туристического брендинга необходимо благоустройство города (иначе весь *experiential tourism* будет представлять собой туризм по руинам), создание туристических центров, устройство голосования и других возможностей услышать мнения горожан, развитие детского и подросткового отдыха, велотуров, охоты и рыбалки, палаточного туризма. Предложено даже (очевидно, с оглядкой на русскую историю) создание сакральных объектов – святых врат!

5. Выводы

Нами приоритизируется текстовая деятельность – как оформить пресс-релиз, листовку, презентацию, годовой отчет, каталог, программу, что немаловажно при всем разнообразии мыслимых сфер деятельности для пиарналистики.

Субстанцией пиара является публичная коммуникация, а целью – формирование эффективной системы публичных дискурсов социального субъекта, обеспечивающей оптимизацию его взаимодействия со значимыми сегментами его социальной среды (его общественностью). Это деятельность, для которой нужны по меньшей мере два рода компетенций – организационные и журналистские. Вне зависимости от сферы пиара (медиарилейшнз, бизнес-пиар, политический пиар, государственный пиар, пиар в кризисных состояниях, *GR*, *IR*, *SR*, *image making*, *special events* и др.), важным является осознание жанров документов пиар-текстов. Как создавать пресс-релиз, как разработать буклет, листовку, наружную рекламу, презентацию, радиорекламу, сценарий телевизионного ролика?! В своей классификации А. Д. Кривоносов и соавторы в качестве пиар-жанров выделяют пресс-релизы, приглашения, бэкграундеры, лист вопросов и ответов, факт-лист, биографию, байлайнер, письмо, поздравление, заявление для СМИ, пресс-кит, брошюру, проспект, буклет, листовку, имиджевую статью, имиджевое интервью, кейс-стори [6].

Среди собственно рекламных жанров особенный интерес вызывает реклама в Интернете: медийная реклама, баннер, гиперссылка, анимированная реклама, поисковая интернет-реклама, создание профильного аккаунта, группы, кампании, геоконтекстная реклама (*location-based advertising*), вирусная реклама, *rich media*, *pop-up windows*,

pop-under, открывающиеся дополнительные вкладки, сайты-визитки.

Интерес к рекламе в новых медиа (например, [5]) не отменяет мастерства в рекламе в медиа старых, заслуженных. Так, например, понимания требуют особенности радиорекламы как фрагмента жизни или минипьесы, истории, связанной с программированным событием и демонстрирующем его социальную и личностную полезность, «рекомендацию» эксперта или популярной персоны, относящуюся к программируемому мероприятию, интервью с идеологами, организаторами, активными участниками мероприятия, рекламные стихи и песенки.

И даже всевозможного рода мероприятия в пиаре тоже требуют текстов определенного жанра. Текстами особого рода сопровождаются все компоненты пиар-кампаний: благотворительные акции, конкурсы, церемонии вручения призов, презентации, чайные банкеты, OPEN AIR ивенты, официальные открытия, флешмобы, распространение наружной рекламы, интервью в прессе, создание интернет-игр, брифинги, пресс-конференции, пресс-туры, презентации, выставки, конференции, совещания, шоу, спонсорство, продакт-плейсмент, спонсорство, горячая линия, промоакции (непрямая реклама, sales promotion, consumer promotion, trade promotion, merchandizing, sampling), выставка-ярмарка, прием, клубный вечер, деловой завтрак.

Список литературы:

1. Бушев А.Б. Выставки русского искусства и СМИ: визуальная герменевтика// СМИ в онтологическом и культурном пространстве славянского мира: сб. материалов научно-практ. конф. Под общей ред. проф. Е.Н. Брызгаловой. - Тверь: Твер. Гос. ун-т, 2013. - С. 3-17.

2. Бушев А. Б.. Культурная работа библиотеки:

проекты памяти В.А. Морозовой //Речевая коммуникация в современной России : материалы III Международной конференции (Омск, 27-30 июня 2013 г.). В 2 т. Т. 2. Книга и мировая культура / [под ред. О. С. Иссерс]. – Омск, 2013. - С. 10-19.

3. Дзялошинский И.М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. - М.: Престиж, 2006. - С. 9-10.

4. Жарченков С. Своя целевая аудитория : как ее найти и как с ней работать// PR в России, 2015. - № 3 - С. 6-9.

5. Виноградова М. Лайк за лайк. Вопрос-ответ: как продвигать свой канал в Instagram// PR в России, № 2 - С. 6-8.

6. Кривонос А. Д., Филатова О. Г. , Шишкина М. А./ Основы теории связей с общественностью. - М.: Питер, 2010. - 320 с.

7. Рождественский Ю. В. Основы риторики. М.: Добросвет, 1996. - 480 с.

8. Тульчинский Г. Л. , Шекова Е. Л. Менеджмент в сфере культуры: Учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. — СПб.: Издательство «Лань»; «Издательство Планета музыки», 2009. — 528 с.

МУЗЫКАЛЬНАЯ СЦЕНА КАК ПРОСТРАНСТВО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ

А.Р. Гарифзянова

Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Елабуга

Статья посвящена не только тому, как «этничность» (язык, традиции, культура) может служить созидательным ресурсом для творческой

деятельности молодежи, но и тому, как сама по себе музыка является сферой межэтнической коммуникации и солидаризации молодежи. В этом смысле используемые ресурсы этнокультуры превращают одних участников музыкальной сцены в создателей аутентичной музыки, а других - в тех, кто копирует популярный музыкальный язык в рамках татарской музыки.

Ключевые слова: молодежь, музыкальная сцена, этноресурсы, музыкальный язык, культурные практики, этничность, респондент, социология молодежи, локальность, кейс.

В этой статье мы хотим рассмотреть, как через культурные практики и интересы формируется татарский «музыкальный язык» современной молодежи и в чем выражается в повседневной жизни участников музыкальной сцены, как интерпретируется самими информантами их собственное творчество в контексте этой специфики. Объектом исследования является казанская музыкальная сцена, основными информантами в представленном кейсе стали участники группы Baradj.

Первый (разведывательный) этап исследования, по результатам которого была написана данная статья, проводился весной 2016 года¹ в городе Казань. За время исследования в рамках музыкального кейса было взято 7 интервью: у участников музыкальной группы Baradj, представителя рэп музыки и одно экспертное интервью с музыкантом «со стажем», которые что стали ценным материалом для дальнейшего анализа. Общение с некоторыми из информантов продолжалось посредством

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФ «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» Центром молодежных исследований ВШЭ, руководитель – Омельченко Е.Л.(2016-2017)

личной переписки в социальных сетях. При изучении музыкальной сцены значительную роль сыграли материалы СМИ, официальный сайт группы Baradj² и паблики в социальной сети ВКонтакте: «Татарча рок³» и «Татар рэпы⁴». Но особое место, по нашему мнению, имело включенное наблюдение, в рамках которого мы побывали на репетиции музыкантов Baradj в гаражно-строительном комплексе «Юлдаш – 2» и на общегородском мероприятии «Мин татарча сойлэшэм». В ходе анализа выяснилась недостаточность собранной информации, в результате чего было взято дополнительное биографическое интервью с музыкальным коллективом Baradj и проведено еще одно включенное наблюдение на их выступлении на концерте в Набережных Челнах. Во время всего исследования наши наблюдения фиксировались посредством дневниковых записей, фото и видео съемки.

Процесс взаимодействия «глобального» и «локального» является ключевым элементом в культурных практиках и интересах современной российской молодежи. По словам Х. Пилкингтон, «пристальный интерес к глобальным горизонтам часто удовлетворялся в транслокальных стилевых или музыкальных предпочтениях молодежи» [3, с.185]. Музыка является пространством, где ярко обнаруживается межкультурное взаимодействие. Казалось бы, барьеры межкультурной коммуникации преодолены молодежью и сейчас есть множество путей взаимосвязи с глобальной культурой, в том числе и благодаря Интернету. Кроме того, музыка является ярким языком коммуникации, вокруг которого

²Сайт музыкальной группы «Барадж» <http://baradj.ru/>

³Паблик Вконтакте «Татарча рок» <https://vk.com/ttrock>

⁴Паблик Вконтакте «Татарча рэп» <https://vk.com/ttrap>

могут объединиться молодые люди с разным культурным капиталом и жизненным опытом. Для молодых людей «музыка становится своеобразным символически значимым пространством личной свободы, свободы от контроля и власти, кроме того, общий интерес к музыке становится почвой для развития разного рода других практик, как, например, спортивных, коммуникативных, потребительских, досуговых [1, с. 352; с. 353]. Согласно Омельченко Е., в настоящее время к различным молодежным сообществам и тусовкам следует применять «сценовой подход». В рамках субкультурного подхода исследователи редко обращались к местам тусовок субкультур, а в сценовом подходе - это один из важнейших фокусов изучения. «Наиболее показательна музыкальная сцена, поскольку именно в музыке, пожалуй, больше чем в других видах искусства, видна взаимосвязь слушателей и зрителей, проявляющаяся через общие коды, цитаты и отсылки.» Музыка, по мнению Омельченко Е., не создается в отдельном пространстве, она рождается в процессе взаимодействия группы, зрителей и слушателей – всех тех, кто может ее понять и получить удовольствие [2].

Молодежная музыкальная татарская сцена – это целый дисплей разных стилей и направлений этномузыки. Наибольший исследовательский интерес вызывает вопрос, каким образом формируется специфика этнокультурных музыкальных сцен молодежи, и как конструируются границы между ними? Применение родного языка в качестве инструмента создания культурного продукта, а также использование народного фольклора и истории в музыкальных сюжетах, накладывают определённый отпечаток на коммуникативные практики и интересы тех, кто непосредственно включен в эту музыкальную сцену и коммуникацию вокруг нее.

Рассматривая любые направления молодежной музыкальной сцены (на примере казанского кейса), мы часто сталкивались в интервью с делением «сцены»: на представителей городской татарской культуры (элитарная культура), и татарской деревенской культуры («аул татарлары») со своей спецификой производства культурных кодов и традиционных норм поведения. В принципе, этот поиск аутентичности, а значит, - неповторимости является свойством «сцены». По мнению Е. Омельченко, в контексте каждой сцены есть нечто настоящее, маркируемое как правильное и единственно верное, и это будет оформляться или интерпретироваться участниками по своему, в зависимости от локального, географического контекста [2]. Локальная специфика казанской татарской музыкальной сцены заключается, на наш взгляд, в этом делении: городская «элитарная татарскость» воспроизводится через музыкальное творчество группы Baradj, что является, в свою очередь, частью татарского андеграунда, а татарская эстрада (попса) отвечает интересам деревенской аудитории татар. Baradj, с одной стороны, используя народное творчество и историю как источник вдохновения, упоминали о том, как вдохновлялись в детстве деревенской жизнью, посещая бабушку, какое влияние оказала традиционная аутентичная татарская песня под гармонь. Однако, при этом, воспроизводят в собственном творчестве скорее европейский культурный музыкальный продукт, ориентированный на городских татар и даже более того – на аудиторию не знающих татарский язык. Именно поэтому нам видится, что они являются не только представителями татарской альтернативной музыки, но и их образ жизни, связанный с творчеством, конструирует некую элитарность, что делает их музыку необычной, а сама группа воспринимается другими участниками сцены

как ни на кого не похожая. С чем же связана эта элитарность? С одной стороны, как говорилось выше, эта взаимосвязь с элитарностью нам видится с производством культурного продукта: сочетание европейского музыкального стиля (тяжелый металл) с болгарскими мифами/легендами на татарском языке – это сложные культурные коды, и мейнстрим часто не понимает такую музыку. Сцена «прививает определенные правила поведения», и эти правила касаются и музыки. С другой стороны, истоками элитарности, на наш взгляд, является бэкграунд участников группы Baradj, их прошлое, их окружение. Важными являются семейные истории участников группы. Мы выявили, что все музыканты воспитывались в достаточно свободных от стереотипов семьях с высоким социальным и культурным капиталом. Так, например, барабанщик группы рассказывал с восхищением о том, какое влияние на него оказала поездка в Америку (в 10 классе его отец отправил на месяц в Америку для практики языка). Для другого участника большим событием стал тот факт, что его средний брат «играл на акустической гитаре во дворах». Один из основателей группы отметил, что у него «очень много родственников, которые связаны с художественной деятельностью», а «родители в рекламной мастерской... делают рекламу». Гитарист группы также подчеркнул влияние родителей на его выбор: «папа мой - музыкант потомственный», «мама - преподаватель по классу фортепиано».

Помимо семейных стратегий, повлиявших на их выбор, источником элитарности в самопрезентации себя в публичном пространстве является и образование и то, чем участники сцены зарабатывают деньги. Все участники группы имеют незаконченное высшее образование. Для всех причиной незавершённого высшего образования

является неудовлетворенность образовательными услугами, которые предоставлял тогда вуз, или нормативность/ограниченность образовательного пространства.

Респондент: Я учился, я на самом деле учился полтора курса, я отучился по специальности информационные технологии КФУ... После полутра лет я понял, что это бессмысленно, потому что за 5 лет, которые ты проводишь в университете, в айти индустрии меняется всё десять раз (смеется). Какой смысл там тратить свое время, просто я перестал учиться, там такая долгая история была потом с армейскими всякими вопросами, ну и по итогу получилось так, что я начал заниматься переводами (M_23_татарский_булгар_постметалл).

Все участники группы Baradj зарабатывают творческими проектами или заняты в интеллектуальной сфере. Например, один из них занимается переводами, другой - разработкой сайтов, а один из основателей группы занимается дизайном. Все, в общем, зарабатывают деньги на основе фрилансерства, отрицательно относятся к офисной работе и многие профессиональные навыки приобрели благодаря самообразованию:

Респондент: Я сейчас по жизни самоучка постоянно, и вот эту профессию мне в институтах не преподают... (M_32_музсцена_татарский_булгар_постметалл_барадж_Гарифзянова_Казань_3).

Исходя из жизненных стратегий участников сцены, мы можем наблюдать взаимосвязь между биографическим прошлым, которое состоит из семейных историй, образовательного пути, профессионального выбора и тем, какие «коды, цитаты, отсылки» они транслируют через свою музыку, которые, безусловно, сложны по своей сути и олицетворяют некую элитарность.

Таким образом, музыкальная молодежная сцена Татарстана представлена различными направлениями и стилями. Благодаря официальной группе в социальной сети «ВКонтакте», посвященной татарскому року «Татарча рок», мы выявили в процессе рекрутинга несколько известных в молодежных кругах республики группы и сольных исполнителей. Так, популярными являются группа Alqanat – тяжелый металл, Mubai в стиле фьюжн (сочетание джаза и других стилей), Azat Sound System, сочетающий этно-рок с элементами джаза, Baradj, играющие в жанре post-folk – metal. В настоящий момент помимо музыкальных молодежных групп также появилось немало молодых исполнителей, чья музыка отличается от обычной татарской эстрады или татарского рока, особенно касается это текстов песен, и этот культурный продукт напоминает скорее своеобразный синтез какого-то европейского музыкального стиля и элементов традиционной татарской мелодии:

Респондент: Рок, в стиле рок тексты никто не писал и сейчас тоже сложно с этим. Недавно только вот появились два исполнителя Радиф Кашапов и Oscar, тексты песен которых действительно соответствуют рок-н-ролльному духу (М_40_музсцена-андеграунд_эксперт).

В Татарстане среди молодежи также пользуется популярностью татарский рэп. Для татарского рэпа характерна, в основном, романтическая лирика⁵, поэтому аудитория рэперов, по мнению информантов, - это девушки.

⁵ Например, культурный продукт в стиле рэп, создаваемый внутри молодежной сцены Татарстана, отличается от татарского рэпа певицы Татарки, продвигающей свои песни через youtube в Сети (настоящее имя Ирина Смелая).

Таким образом, современная молодежная музыкальная сцена условно состоит из нескольких направлений. Первое - это альтернативное направление (или андеграунд сцена), которое включает в себя такие стили, как рок со всеми из него вытекающими жанрами, и татарский рэп. Следующее направление – «чистая» эстрада, состоящая из популярной татарской молодежной музыки. Третье направление – это «альтернативная эстрада», куда входит и вся электронная и клубная музыка (татарские дискотеки, например). Внутри татарской рок-сцены, согласно участникам сцены, должны быть определенные правила того, как могут взаимодействовать друг с другом музыкальные коллективы. Вопросы иерархии не озвучиваются, но они незримо и символически присутствуют на сцене. В ходе нашего исследования выяснилось, что этнокультурная молодежная сцена конструирует свой собственный «музыкальный язык», для которого характерны аутентичность, перформативность и культурные повседневные практики. Актуальными оказались локальные особенности музыкальной сцены, выражаемые, в том числе, в доступности этнокультурных ресурсов: знание татарского языка, культуры, фольклора, истории, а также важно нахождение группы в столице республики – Казани, что откладывает отпечаток на индивидуальных интересах, практиках и стратегиях. Музыкальный стиль группы Baradj основывается на сочетании в музыке этнокультурных ресурсов с мировым музыкальным направлением в современной молодежной музыке. Анализ интерпретаций музыкальных практик, формирующихся внутри музыкальных молодежных сцен Татарстана, дает нам возможность увидеть и сравнить те различия (границы) в смыслах, которые молодые музыканты вкладывают в то, что они играют и используют в своем творчестве. Музыка, таким образом, становится

тем контекстом, где непросто происходит символический обмен культурными ценностями/кодами/впечатлениями и реализация своих творческих индивидуальных интересов, но она является и сферой «чистого искусства», где конструируется аутентичный образ татарской этничности (элитарной) и создается пространство межэтнической солидаризации музыкантов и слушателей с абсолютно разными жизненными стратегиями и культурным капиталом.

Список литературы:

1. Гарифзянова А. Р. Субкультурные ресурсы и практики молодежи как преодоление социальных ограничений (на материалах этнографического исследования компании скинхедов) // Журнал исследований социальной политики. - 2011. Т. 9. - № 3. - С. 339–364

2. Омельченко Е. Молодежный вопрос. Елена Омельченко о субкультурах и молодежных сценах // См.: <http://sh.spb.hse.ru/youth/rnf/news/197068421.html> (дата обращения: 25.11.2016)

3. Пилкингтон Х. Обратная сторона Луны? Глобальные и локальные горизонты / В кн. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры/Перевод с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. – СПб: Алетейя, 2004. - С.153-185.

ТЕМА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПОСТСОВЕТСКОМ СОЗНАНИИ: СТОЛКНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО И ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

Р.М. Гибадуллин

Набережночелнинский институт Казанского
(Приволжского) федерального университета,
г. Набережные Челны

Статья посвящена проблеме состояния социальной памяти в постсоветской России о второй мировой войне. Автор рассматривает эту проблему на примере научно-популярных исторических изданий. В статье анализируются основные подходы к осмыслению итогов второй мировой войны, к оценке роли в ней собственной страны. Делается вывод о непростом соотношении в позиции постсоветских российских историков гуманистических и националистических ценностей.

Ключевые слова: *вторая мировая война, национализм, гуманизм, фашизм, антифашизм, дискурсы*

По признанию одного из наиболее авторитетных российских историков А.О. Чубарьяна, гуманистические тенденции в истории, проблемы ненасилия и морали всё больше привлекают внимание мировой историографии, научной и культурной общественности разных стран, особенно, когда речь идёт о подведении итогов XX века и будущем человечества [4, с.17, 317]. Такой подход к истории в значительной степени основан на убеждении в том, что она должна способствовать взаимопониманию и мирному сосуществованию людей, а не милитаризации и фашизации их сознания. С этой точки зрения исключительно важным является осмысление нравственных уроков второй мировой войны, имеющих

общечеловеческое значение. Для России это особенно актуально. Не только потому, что память о войне здесь стала одним из определяющих факторов социальной идентичности, но и потому, что эта память долгие годы деформировалась тоталитарным государством, которое стремилось подчинить её задачам имперской политики и использовать в качестве инструмента идеологической мобилизации в глобальном противостоянии двух систем.

В постсоветской России представления о второй мировой войне перестали основываться на коммунистической идеологии. Однако отказ от неё не устранил созданный ею тоталитарный образ войны, поскольку его стала подпитывать другая разновидность тоталитаризма – государственный национализм. В то же время по мере либерализации общественного сознания начал пробивать себе дорогу взгляд на войну через призму общечеловеческой, гуманистической морали, свободный от мобилизующих тоталитарных идей. Подобные общественные дискурсы проявились в разнообразной форме: от научно-исторических трактовок до художественных образов в литературе и кино. В результате, в оценке итогов и уроков второй мировой войны сложилась противоречивая ситуация, отражавшая извечный ценностно-идеологический раскол в российском обществе: между приверженцами официальной националистическо-патриотической, военизированной традиции и сторонниками гуманистического и демократического идеалов. В переживаемый Россией переломный исторический момент этот принципиальный и всегда болезненный для неё внутренний конфликт, носивший в советский период латентный характер, не мог не выйти на поверхность общественной жизни. Тема войны стала лишь своеобразным индикатором идейных поисков и связанных с ними противоречий.

Переосмысление итогов второй мировой войны с позиций гуманизма и демократии как антинационалистический дискурс. В России осмысление итогов второй мировой войны с позиций гуманизма и демократии всегда было сопряжено с противостоянием официозу, не поощрявшему такие подходы. Советская власть видела в них, прежде всего, «происки Запада», который своими антинационалистическими, пацифистскими и либеральными идеями якобы стремился подорвать коммунистическую доктрину и военно-патриотическую гордость советской страны. В постсоветский период официальная идеология, уже не будучи коммунистической, тем не менее не перестала быть охранительной в отношении военной патриотики и по-прежнему чуждой общеевропейским подходам к теме войны. С другой стороны, влияние этих подходов в России стало более значительным и существенным, чему не в последнюю очередь способствовали открывшиеся возможности международного сотрудничества в гуманитарной сфере. В этом отношении показательны научно-издательские проекты, выполненные в рамках такого сотрудничества. О заключённых в них общественных дискурсах мы можем судить на примере двух изданий, приуроченных к юбилеям окончания второй мировой войны (1995 г. и 2005 г.). Эти издания могут считаться вполне репрезентативным источником, поскольку в них присутствуют разные категории авторов. Так, если в первом издании российскую сторону представляла официальная академическая структура, во втором – научная общественность, объединённая на неформальной основе. Зарубежными же партнёрами российской стороны в одном случае являлись историки США и Великобритании, как бы выражавшие точку зрения бывших союзников, победивших в войне, а в другом –

учёные из Германии и частично из Италии, то есть из тех стран, которые, напротив, потерпели поражение.

О начале важных изменений в историографии свидетельствовал посвящённый 50-летию окончания второй мировой войны совместный коллективный труд известных историков России, США и Великобритании «Союзники в войне. 1941-1945», опубликованный в издательствах «Сен Мартин прес» (1994 г.) и «Наука» (1995 г.). Представляют интерес вступительные статьи организаторов издания, которые выражают их согласованную позицию, основанную на характерном для окончания «холодной войны» стремлении «в поисках нового синтеза и нового единства человечества» преодолеть прежнее идеологическое противостояние. Было признано, что «в этом трудном, сложном и противоречивом процессе необходим учёт... опыта... истории второй мировой войны и великой коалиции, которая тогда объединила миллионы людей на всех континентах» [3, с.16]. Так, отмечалось, что значение «феномена антигитлеровской коалиции и его место в истории XX века» определяется «общечеловеческим и общедемократическим факторами», которые получили окончательное выражение в создании ООН.

В этой связи указывалось на имевший место во время войны вынужденный идеологический компромисс СССР с Западом, потребовавший наиболее радикальных уступок от советской стороны. Компромисс стал возможным благодаря отступлению СССР от своей официальной классовой доктрины, с позиции которой в 1930-е годы идеи прав человека, принципы демократии и пацифизм разоблачались и осуждались как чуждые для советского общества проявления буржуазного либерализма [3, с.6]. В «Предисловии к русскому изданию» заметно стремление российского автора подтвердить приверженность СССР

«общечеловеческим и общедемократическим», по сути, либеральным идеологическим установкам участников антигитлеровской коалиции. С этой целью подчёркивалось, что «на протяжении всей войны лидеры Советского Союза резко осуждали нацизм не только за его агрессию, но и за его расовые теории, и за преступления перед человечеством», за его «антигуманную, человеконенавистническую сущность» [3, с.6,7]. Таким образом, монография позволяет зафиксировать важный сдвиг в мировоззрении российских историков, которые вслед за своими западными коллегами начали признавать решающую роль ценностей демократии и гуманизма в противостоянии человечества фашизму в ходе второй мировой войны.

Начавшееся международное сотрудничество в осмыслении уроков второй мировой войны под таким углом зрения выявило и то, что основные трудности сближения на этом пути будут связаны с необходимостью преодоления националистических подходов. По мнению британского историка Д. Рейнолдса, именно они привели к тому, что «война заняла центральное место в мифологии о национальной исключительности, нашедшей отражение в таких обобщающих понятиях, как битва над Англией, американское производственное чудо и Великая Отечественная война советского народа» [3, с.22]. Характерно, что мысль о пагубности «такого сочетания патриотических легенд и политической идеологии» для научной объективности была высказана британской стороной. Российская же сторона эту проблему не затронула, очевидно, потому, что, представляя официальную структуру – Институт всеобщей истории РАН, она не могла противоречить идеологической политике своего государства, которое как раз в это время принялось возрождать военно-патриотические традиции

советского образца, открыв в канун 50-летия Победы мемориальный комплекс на Поклонной горе и возобновив проведение военных парадов.

Однако, за пределами официальных структур научная общественность, будучи независимой от идеологического заказа, рассматривала культивируемый государством военно-патриотический подход к истории как узконационалистический, препятствующий осмыслению второй мировой войны на основе общечеловеческих принципов гуманизма и демократии. Примером такой идеологической оппозиционности является подготовленное журналами «Неприкосновенный запас» (Россия) и «Ост-Европа» (Германия) совместное издание «Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа» (2005 г.), в котором авторы, представители самых разных научных дисциплин (философии, истории, социологии, антропологии, права, музыковедения, литературоведения, киноведения, журналистики), анализировали развитие социальной памяти о войне в разных странах за последние десятилетия. Общая направленность издания как антинационалистического проекта была обозначена идеей «общевропейского обмена между существующими традициями памяти» [1, с.10]. Такой подход имел под собой нравственную цель: не допустить использование темы войны в националистических целях, поскольку это ведёт к милитаризации и дегуманизации общественного сознания, вымыванию из него подлинных уроков войны как трагедии всеобщего страдания и преступления, которые не должны повториться в истории человечества.

С этой точки зрения очень важными представляются выводы о принципиальных различиях между российской и западноевропейской традициями восприятия второй мировой войны. Так, по мнению итальянского историка М. Феретти, в европейских обществах «память о войне

была выстроена и положена в основу национальной идентичности, ...чтобы передать и укрепить в сознании людей те ценности свободы и демократии, которыми питался антифашизм и во имя которых он сражался». В СССР же «память о войне была выстроена так, что на первом плане оказывалась не борьба за свободу, но героизм советского народа», «возрождённая национальная мощь России, вновь обретённое величие Государства». Поэтому «память о войне стала сначала в Советском Союзе, а потом в России носителем не демократических ценностей антифашизма, но...традиционных националистических ценностей», преобразовав «миф о Москве – третьем Риме... в миф о спасительной миссии СССР... по отношению ко всему человечеству» [1, с.137]. Более того, «патриотизм был навязан как единственный контекст, в котором можно прославлять героизм народов СССР, и стал... в послевоенное время инструментом подавления того самого духа свободы, который воодушевлял бойцов» [1, с.141].

При этом М. Феретти обратила внимание на определённую деформацию образа фашизма, нацизма в российском общественном сознании, произошедшую в советский период под влиянием коммунистической идеологии. «Знак равенства, установленный между капитализмом и нацизмом, привёл к тому, что нацизм оказался лишён своей самой существенной черты, своей движущей пружины, а именно радикального расизма» [1, с.140]. В европейских же обществах, по мнению М. Феретти, такой образ фашизма является ключевым в осознании второй мировой войны как «трагедии для западной цивилизации, ...для той модерности, которой так гордились на Западе и которая породила бесчеловечное варварство, когда-либо встречавшееся в истории». Именно в контексте осознания этой трагедии к европейцам

приходит сегодня понимание того, что в ходе войны «на карту были поставлены не только свобода народов и их интересы, но и нечто более существенное: свобода человека как таковая и защита западной цивилизации в целом, понимаемой как наследие ценностей, родившихся в эпоху Просвещения...и положенных затем в основу послевоенной европейской демократии» [1, с.144].

Этот европейский взгляд на положение вещей в России совпадает с оценками российских авторов. Так, социолог Л. Гудков, опираясь в своей статье на данные полевых исследований, подтвердил, что в социальной памяти россиян о второй мировой войне преобладает формируемый государством националистический дискурс. В полном соответствии с ним победа в войне «для подавляющего большинства опрошенных, для общества в целом» выступает как «главный символ, интегрирующий нацию», «самое замечательное событие в истории России, как считают её жители, опорный образ национального сознания» [1, с.89,93]. Л. Гудков убеждён, что именно «по мере роста собственно русского национализма... война стала постепенно укладываться в традиционные рамки русского “мессианства” и “соперничества” с Западом», в связи с чем «в националистической риторике позднего советского времени... и в постсоветское время» стали типичными утверждения о том, что «СССР, разгромив фашизм, защитил европейские народы от угрозы уничтожения, как в своё время Русь, разгромив татаро-монгольские орды, стала щитом для Европы» [1, с.95].

Наиболее глубоким в работе Л. Гудкова является вывод о том, что «державная интерпретация победы 1945 года», тема войны в целом играют структурообразующую роль в сознании российского общества. Автор указывает на два аспекта этой роли: общекультурный («война как культура») и политический («легитимационные функции

войны»). Во-первых, «война стала для России суррогатом “культуры” – смысловым полем, где отыгрываются важнейшие темы и сюжеты современности» [1, с.99]. В этой связи речь идёт о массовой самоидентичности, в которой экстремальная ситуация войны и подвига в отличие от «спокойного и благополучного времени» гипертрофированно рассматривается как форма наиболее полного проявления «русскими своего национального характера и душевных качеств» [1, с.100]. Во-вторых, по мнению Л. Гудкова, «война и её жертвы сакрализовали в глазах российского общества не только армию как... несущую конструкцию всего советского и постсоветского режима власти, но и сам принцип... командно-иерархической модели социального порядка, не признающего автономности и самоценности частного существования, групповых интересов...» [1, с.103].

При этом российский социолог отметил важную роль идеологических манипуляций в обеспечении такого тоталитарно-националистического дискурса войны: все противоречившие ему исторические факты и связанные с ними вопросы были целенаправленно и «полностью вытеснены из массового сознания». В частности, вопрос об «ответственности руководства СССР за развязывание войны», которая «началась совместными действиями против Польши... союзников – гитлеровской Германии и Советского Союза». Или же осуждавшиеся в Европе «агрессивная природа советского режима, коммунистический милитаризм и экспансионизм, ставшие причиной исключения СССР из Лиги Наций после нападения на Финляндию» [1, с.95-96]. По мнению Л. Гудкова, результатом манипуляции массовым сознанием стало также то, что из него выпали представления об антигуманной цене войны, связанные с воспоминанием и переживанием её травматического опыта. Именно поэтому

«День Победы не стал днём поминовения, печальной памяти о погибших, человеческих страданиях и материальных разрушениях», а отмечается исключительно как «день победы, торжества советской армии над гитлеровской Германией» [1, с.95].

Проблема оценки роли СССР во второй мировой войне как ценностный и моральный выбор историка между национализмом и гуманизмом. Поскольку официальная историография, тиражировавшая националистическую трактовку роли СССР во второй мировой войне, всегда замалчивала «неудобные» для себя исторические факты, начавшееся в 1990-х годах их открытое обсуждение вызвало болезненную реакцию в обществе и раскол среди историков. Толчок этому дала официальная огласка ранее скрывавшихся обстоятельств начала войны: а) разграничение и согласование СССР и Германией непосредственно перед началом второй мировой войны зон своей запланированной экспансии и оккупации, зафиксированное в засекреченных протоколах к Пакту 1939 года; б) массовый расстрел польских военнопленных-офицеров (около 20 тыс. чел.) советскими карательными органами в 1939 году в Катюни (Белоруссия). Главным идеологическим раздражителем для официальных историков и контрапунктом общественной дискуссии стали научно-популярные работы В. Суворова, в которых доказывалось, что руководство СССР с конца 1920-х годов готовило завоевание Европы, планируя «милитаризовать страну, спровоцировать мировую войну, вступить в неё в самый удобный момент и остаться, в конечном счете, единственным победителем» [2, с.6].

Начавшие издаваться в России с конца 1980-х годов работы В. Суворова, несмотря на сложившуюся вокруг них почти скандальную ситуацию, способствовали определённой консолидации научной общественности, так

или иначе разделявшей его выводы. Это вылилось в 9-томную серию коллективных изданий под общей рубрикой «Правда Виктора Суворова» («Яуза-пресс», 2006-2011 гг.), объединивших исследования, в которых опровергались официально принятые в России трактовки тех или иных вопросов истории второй мировой войны. Важно подчеркнуть, что к изданиям был привлечен достаточно широкий и представительный круг самых разнообразных авторов. Например, в нём присутствовали и зарубежные учёные-историки, в том числе из стран, противостоявших в войне – США и Германии. Среди российских же авторов были как сотрудники ведущих официальных научных учреждений (научно-исследовательские институты РАН, Академия военных наук, РГГУ), так и не связанные с государственными структурами историки, включая тех, кто проживал за рубежом. Несмотря на различия между авторами, большинство работ выражало оппозиционный взгляд на состояние российской исторической науки в целом, содержало критику её внутренней неспособности преодолеть навязанные ей тоталитарные, националистические идеологемы. По мнению организатора и составителя изданий Д. Хмельницкого, значение дискуссии вокруг работ В. Суворова в том и состояло, что она высветила такое плачевное положение дел.

Анализируя содержание и характер этой дискуссии, Д. Хмельницкий отметил, что заключённая в ней «апелляция к нравственности немедленно превращает дискуссию из научной в идеологическую», придавая ей общественную остроту. Во-первых, поскольку антифашизм определяется не просто участием в антигитлеровской коалиции, а это «образ мышления, неприятие государственных режимов фашистского типа,... борьба за демократию», постольку встаёт бескомпромиссный вопрос: «Кто были советские люди в войне? Были ли они

антифашистами?». Или же «политические цели у советского правительства, а, следовательно, у Красной Армии, - были преступными» [2, с.316, 317]? Во-вторых, характер аргументации критиков В. Суворова говорит о том, что борьба с ним имеет националистическую подоплёку и ведётся «не за историческую правду, а за право на историческую гордость» [2, с.326].

Как же проявлялась националистическая защитная реакция на разоблачительную «правду Виктора Суворова», разрушавшую прежние патриотические иллюзии относительно роли СССР во второй мировой войне? Так, И.В. Павлова, рассматривая в своей статье переоценку постсоветскими историками этой роли в свете новых фактов, выделяет две противоборствовавшие позиции: «демократическую» и «великодержавную, антизападную». Противоборство сторон носило принципиальный характер, поскольку заключалось в различной ценностной интерпретации одних и тех же фактов. Например, сторонники «демократической позиции» (Д.Г. Наджафов), руководствуясь антифашистскими представлениями о том, что «базовой составляющей Второй мировой войны с самого начала была защита свободы и демократии против наступления сил тоталитаризма», осуждали действия СССР не только в канун войны, но и его послевоенную политику по насаждению коммунистических режимов в странах центральной Европы. Сторонники же «великодержавной, антизападной позиции» (М.И. Мельтюхов), напротив, признавая наличие у СССР изначальных экспансионистских устремлений, не считали нужным их осуждать и даже, более того, выражали сожаление о нереализованных «возможных перспективах советизации Европы» в результате «победоносной экспансии» СССР в 1939 году как об «упущенном шансе Сталина» [2, с.277].

Такое противостояние обнажало, прежде всего, проблему ценностного и морального выбора между национализмом и гуманизмом, что стало подлинным испытанием для мировоззрения российских историков. К сожалению, оказалось, что национализм явно превалировал, правда, не обязательно в форме «великодержавной позиции», откровенно пренебрегавшей гуманистическими и демократическими идеалами. Чаще всего российские историки были привержены более завуалированным формам национализма, к которым следует отнести, прежде всего, «прокоммунистический» и «объективистский» подходы, преобладавшие, по мнению И.В. Павловой, в постсоветской российской исторической науке.

Сторонники «прокоммунистического подхода», представлявшие самое старшее поколение историков (В.А. Анфилов, М.А. Гареев, Ю.А. Горьков, А.С. Орлов и т.д.), отстаивали вынесенный ими из своего коммунистического прошлого государственнический принцип необходимости «социально ответственной» позиции историка, а точнее, его идеологической ангажированности. Именно в этом они видели патриотическое моральное кредо историка, когда говорили о том, что «история – наука политическая», и историку «необходимо всегда помнить об интересах своего государства и заботиться о здравомыслии поколений, вступающих в жизнь» [2, с.274]. Это означало, что для историка престиж собственного государства должен иметь безусловный приоритет и перед требованиями научной объективности, и уж тем более перед ценностями демократии и гуманистической морали. На практике такая установка выглядела весьма неубедительно, так как сводилась к попыткам отрицать или просто игнорировать

ставшие уже очевидными негативные аспекты роли СССР во второй мировой войне.

Эти негативные аспекты более радикально преодолевались на основе «объективистского подхода», который позволял историкам уйти от самой проблемы выбора между гуманистическими и националистическими ценностными критериями в оценке второй мировой войны. Проблема такого внутреннего, по сути, социально-нравственного выбора была особенно трудной для историков, представлявших официальные структуры. Те из них, кто не желал открыто разрываться с идеалами гуманизма, демократии, и взяли на вооружение «объективистский подход», внешне выглядевший как нейтральный. В качестве примера И.В. Павлова приводит отношение А.Н. Сахарова, директора Института российской истории РАН, к проблеме оценки советской дипломатии 1939-1941 годов: «Мораль здесь ни при чём. В политике есть лишь результаты – победы или поражения» [2, с.267]. По этому поводу И.В. Павлова справедливо замечает, что стремление «избежать нравственной оценки действий сталинской власти» неизбежно «ведёт к оправданию действий власти» [2, с.267-268]. Можно лишь добавить: отказ от ценностного гуманистического отношения к истории ведёт к деградации исторической науки.

Этот имморализм и следование официозу, хотя и в менее выраженной форме, демонстрировал также А.О. Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН. Интересны, прежде всего, противоречия в позиции этого учёного. Они показывают пределы возможной свободы официального историка в том, чтобы следовать гуманистическим принципам. В данном случае учёный, внёсший признанный вклад в преодоление национальной замкнутости российской исторической науки и

приобщение её к общемировым демократическим и гуманистическим трендам, сам не имел возможности быть в этом до конца последовательным. С одной стороны, он призывал следовать гуманистическим идеалам и развивать соответствующие направления исследований, сожалея о сформировавшемся в советский период «крайне негативном отношении к мировому пацифизму и гуманизму, к идеям миротворчества, ненасилия, нравственности, морали» [4, с.17-18]. С другой стороны, когда А.О. Чубарьян говорил о необходимости сочетать «рассмотрение национально-государственных интересов... с вопросами морали, права и нравственности» [4, с.297], он не мог не осознавать, что это неизбежно ставит историка перед дилеммой ценностного выбора между националистическими и гуманистическими критериями изучения проблем. Более того, А.О. Чубарьян предостерегал, что «разговоры о несовместимости моральных категорий и политики вольно или невольно ведут к оправданию любых политических акций, если они могут быть объяснены соображениями политической целесообразности и высшими национальными интересами» [4, с.317].

Однако при этом учёный сам был недостаточно последователен в том, чтобы отстаивать принцип единства политики и морали. Например, отторжение вызвала у него идея, направленная на моральное оздоровление мировой политики – гуманистическая в своей основе идея покаяния стран, являвшихся главными участниками второй мировой войны и, в конечном счёте, несущих историческую и международно-правовую ответственность перед человечеством за её развязывание. Мы можем лишь догадываться об истинной подоплёке такой позиции А.О. Чубарьяна. Конечно же, в подобном вопросе историку приходилось считаться с официозом, категорически не

допускавшим того, чтобы в России начали осмысливать свою ответственность через призму таких понятий, как международные преступления и, прежде всего, преступления против мира.

Любопытно разъяснение А.О. Чубарьяном своей позиции, которое характеризуется следующим высказыванием: «Разговоры о покаянии, столь популярные ныне в ряде стран... вызывают крайне негативную реакцию в России. В принципе сама идея тотального “покаяния” и “извинения” представляется неконструктивной. Мировая история знает тысячи войн, конфликтов, преступлений, и невозможно представить себе, что случилось бы, начнись сегодня процесс массовых “извинений”» [4, с.327]. Как видим, авторский дискурс проявляется в стремлении с помощью смысловых манипуляций притупить психологическую остроту и нравственную глубину проблемы в её пацифистском понимании. Так, мысль о «тысячах войн, конфликтов, преступлений» во всей «мировой истории» явно призвана подменить, дезавуировать понятие самой страшной из войн, заставившей человечество начать осознавать свою коллективную ответственность. Выражения «популярные... разговоры о покаянии», «идея тотального “покаяния” и... массовых “извинений”» также использованы не случайно. Они эмоционально дискредитируют и опошляют подлинное значение темы покаяния как выражающей объективную потребность человечества в нравственных императивах мира. Кроме того, в намеренно нелепом образе «массового и тотального извинения» размывается особая ответственность ведущих государств, предопределявших предпосылки, причины, ход и итоги второй мировой войны.

Таким образом, позиции российских историков в постсоветский период в осмыслении темы второй мировой

войны в целом определялись столкновением националистического и гуманистического подходов, что в условиях усиливавшегося последовательного государственного национализма вызывало общее состояние растерянности, беспомощности в том, чтобы, оставаясь патриотом, сохранять способность оценивать историческую роль своего государства с общечеловеческих позиций.

Список литературы:

1. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 784 с.
2. Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. – М.: Яуза, 2006. – 352 с.
3. Союзники в войне. 1941-1945 / Отв. ред. А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. – М.: Наука, 1995. – 452 с.
4. Чубарьян А.О. XX век: взгляд историка / А.О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2003. – 563 с.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.Н. Денисов

Центр исламоведческих исследований АН РТ, г. Казань

В современном мире гармоничное состояние этноконфессиональных отношений в поликультурных регионах является гарантом национальной безопасности. В статье рассматривается современное этноконфессиональное положение дел в Республике Татарстан на двух уровнях (обыденном и программно-политическом). В ходе исследования выявляются

положительные и неблагоприятные аспекты и даются рекомендации для нивелирования последних.

Ключевые слова: *идентичность, межкультурный диалог, мигранты, Татарстан, толерантность, этноконфессиональные отношения.*

Этноконфессиональное положение дел в Татарстане является краеугольным камнем при формировании грамотной политики как на уровне региона (непосредственно РТ), так и на федеральном уровне (региональная политика по отношению к Татарстану). В связи с этим очевидно, что данный вопрос очень важен для изучения.

Стоит сразу отметить, что в Татарстане в целом благоприятное состояние этноконфессиональных отношений. Прослеживается стремление как населения республики, так и властей к внутреннему мониторингу ситуации и сохранению статуса-кво.

Хотелось бы выделить 2 уровня этноконфессиональных отношений в Татарстане: обыденный и программно-политический уровни.

Перед тем как рассматривать обыденный уровень, стоит отметить, что в национальном составе РТ по переписи 2010 года ярко выделяются 2 этноса (татарский и русский). При этом они примерно равны (татары – 53,2%, русские – 39,7%). Эти данные можно считать этнодемографическим фактором стабильности в регионе.

Среди населения республики высокий уровень толерантности. Это объясняется обилием факторов. Русский и татарский народы проживают на определённой территории уже достаточно долгий промежуток времени. Так же особенностью региона является историческое сосуществование разных этнических групп (не только татар и русских). Для Татарстана характерны интеграция и взаимодействия этнических культур с взаимообогащением

друг друга. Примером может служить придание национальным и даже религиозным праздникам массового характера (Сабантуй, Масленица). Население нашей республики с лёгкостью вступает в межнациональные браки (до 1/3 всех браков в Татарстане смешанные).

Придание национальным праздникам массового характера объединяет людей не только на чувстве групповой (в этом случае – национальной) идентичности, но и по принципу принадлежности к массовой культуре [8, с. 48]. Если мы возьмём, например, Сабантуй (праздник окончания весенних полевых работ), то увидим, что данный праздник начал приобретать черты именно массовой культуры. Сабантуй в Татарстане является не только национальным праздником татарской общины и общетюркским культурным явлением, но объединяет людей разной веры и национальности посредством взаимовлияния культур и приобщения других национальностей к культуре татарского народа.

Таблица 1 [10, с. 193]

Отношение к людям другой национальности и другой веры

	Москва	Татарстан
Уважение	31,5%	40,9%
Симпатия	12,4%	13,2%
Нет особых чувств	46,4%	50,3%

В Таблице 1 показан высокий уровень толерантности в нашем обществе. По сравнению с Москвой в Татарстане на 10,2% выше положительных ответов, связанных с отношением к людям другой национальности и веры.

О.В. Попова выделяет две модели политической идентичности. Первая – “я – другой – чужой – враг” и вторая – “я – иной – другой” [9, с. 143]. Вторая модель подходит Татарстану. В республике отсутствуют какие-то

особые конфликты между двумя крупными этносами (как на почве национальности, так и на конфессиональной почве). Другой этнос зачастую понимается не как “враг”, “чужой” или “другой”, а как просто “иной”. Под “другими” чаще всего имеются в виду представители других национальностей, которые проживают или проживали на территории другой страны (например, мигранты).

Особую роль в формировании спокойного этноконфессионального состояния в республике играет практически параллельный рост этнической и религиозной идентичности как у русского, так и татарского населения в регионе.

Таблица 2 [4]

Рост этнической идентичности

	Русские	Татары
1994	27,2%	50,5%
2011	67,4%	81,2%
Разница	+40,2%	+30,7%

Таблица 3 [5, с. 215]

Рост религиозной идентичности

	Русские	Татары
1990	28%	34%
2011	83,7%	84,4%
Разница	+55,7%	+50,4%

На наш взгляд, синхронное повышение уровня идентичности не может повлечь за собой ситуации, когда одна этническая группа будет доминировать над другой за счёт большего осознания себя как определённой общности и попирает права другой этнической группы. Более того, сам феномен усиления идентичности у двух национальностей объясняется первоначально ослаблением коммунистической идеологии, а затем развалом

Советского Союза и крушением идентичности “советского человека”. То, что титульный этнос и русское население вместе проживали в данном регионе задолго до образования СССР, и особая культура взаимного уважения и сотрудничества не позволили случиться событиям, которые произошли в Нагорном Карабахе или в Ферганской долине.

В дополнении к этому хочется отметить, что религия в Татарстане не является дезинтегративным фактором. Среди русских положительно к исламу относится около 90%, среди татар к православию более 70%. В какой-то мере здесь играет роль особая разновидность “татарского ислама”, который некоторые учёные называют “евроисламом” [6, с. 152]. Он объясняется традициями джадидизма, по которому в современном обществе должен быть высокий уровень образования, и постулируется его светский характер. Татарский ислам сближается с Западными трактовками ислама (ислам у боснийцев, у турок). При этом можно отметить и православную церковь (Татарстанская митрополия) и её миролюбивый характер по отношению ко всем национальностям и конфессиям.

На благоприятное состояние этноконфессионального положения в Татарстане также влияет консенсус по наиболее важным вопросам истории страны, ценностям, которые разделяют граждане; видение своего настоящего и ожидания от будущего.

При том, что обыденный уровень этноконфессиональных отношений является очень важным, не стоит забывать и о более высоком уровне – программно-политическом. Под ним понимаются разноплановые действия государства (в данном случае региональных властей) по обеспечению стабильности в описываемой сфере.

В первую очередь стоит отметить грамотное маневрирование властей республики в этноконфессиональной политике. В официальном календаре праздничных дней русские праздники (православные) наряду с татарскими (мусульманскими) имеют одинаковый статус выходного дня. В Конституции РТ также отмечено, что 2 языка имеют статус государственного (русский и татарский). Это означает, что в школах и в других учебных заведениях идёт преподавание этих языков практически в одинаковых объёмах, документооборот в органах государственной власти и МСУ ведётся на двух языках, и нет никаких преград в использовании того или иного языка в повседневной жизни. Это придаёт этноконфессиональным отношениям в Татарстане равновесный характер даже по лингвистической линии.

Особенно стоит отметить синхронную поддержку культуры и религии русского и татарского народа в Республике Татарстан. Можно привести множество примеров: – реставрация Благовещенского Собора и воссоздание мечети Кул Шариф, активное участие в возрождении Свияжска и Булгар, создание (в будущем) Исламской академии и воссоздание разрушенного собора Казанской иконы Божией Матери. Без сомнения, эта параллельная поддержка культуры и религии в Татарстане позволяет считать нашу республику в авангарде конструирования межэтнического и межконфессионального диалога в российском и постсоветском пространстве.

В дополнение к бытовому и программно-политическому уровню этноконфессиональных отношений в Татарстане стоит отметить и экономические факторы. Как известно, благосостояние населения и региона (в более обобщённом виде) напрямую влияет и на толерантное

отношение к другим национальностям и религиям. В нашей республике на благоприятное развитие межнациональных и межконфессиональных отношений влияют: высокие показатели экономического развития, высокий рейтинг инвестиционной привлекательности и достаточно высокий уровень жизни по сравнению с другими полиэтническими регионами.

При всём этом стоит отметить, что в этноконфессиональном положении дел в регионе не всё так гладко.

Во-первых, в последнее время общество в Татарстане поляризуется по шкале “умеренные – радикалы” по отношению к религии. В данной поляризации можно выделить 2 группы факторов: внутренние и внешние.

К внутренним факторам стоит отнести скачкообразный рост этнической и религиозной идентичности в Татарстане (и у русских, и у татар), что приводит к маргинализации отдельных радикально настроенных групп внутри республиканского социума. Так же под внутренним фактором следует понимать возрастающую урбанизацию и приток сельской молодёжи в крупные города (Казань, Набережные Челны) с сельско-патриархальными установками поведения. В городских условиях они ищут поддержку и опору на стороне и находят её в радикальных направлениях религии.

К внешним факторам следует отнести большой приток мигрантов и учёбу молодых татарстанцев в зарубежных исламских религиозных центрах.

Вопрос с мигрантами очень важен, так как позволяет проследить не только радикализацию по отношению к религии, но и по отношению к другим национальностям. Что касается первого, то здесь ситуация схожа с положением сельской молодёжи в городах. Мигранты “ищут себя” в религии и попадают на вербовку

радикальных проповедников. Интереснее обстоят дела со вторым пунктом (рост этнической ксенофобии). Мигранты, приезжая в республику, не хотят соблюдать местные законы и не уважают традиции и ценности, которые сложились в определённом регионе. Всё это ведёт к конфликтам между местными и приезжими.

В этом случае показателен конфликт 2013 года в Нурлате. Выходцы с Северного Кавказа спровоцировали драку с местным населением и полицией. Были пострадавшие с огнестрельными ранениями. Этот конфликт освещали многие республиканские СМИ [11], и этот конфликт вызвал общественный резонанс. Националисты (и русские, и татарские) воспользовались им для того, чтобы обвинить федеральные власти и республиканские в потворстве выходцам с Северного Кавказа и ненадлежащей защите интересов местного населения. На самом деле это излюбленная тактика националистов – попытка криминальный конфликт перевести в сферу политического (как в Кондопоге).

Особое беспокойство вызывает обучение выходцев из Татарстана в зарубежных исламских религиозных центрах. По данным журнала “Эксперт”, в 2012 году в Саудовской Аравии обучались 120 татар [2]. Никто не знает, какому “исламу” их там обучают, но после того как они приезжают обратно в Татарстан, они очень часто начинают фигурировать в сводках силовых структур.

Все эти факторы ведут к расшатыванию хрупкого баланса в этноконфессиональной сфере республики.

Кроме этого существуют некоторые проблемы на программно-политическом уровне регулирования межэтнических отношений. Наверное, самый шумевший пример - это с ситуацией преподавания 2 государственных языков (русского и татарского) в школе. Активисты-родители (под патронажем Общества Русской Культуры)

выступают против сокращения преподавания русского языка в школах и увеличения преподавания татарского языка. Данный латентный лингвистический конфликт не придаёт стабильности в этноконфессиональные отношения в республике Татарстан.

Важно так же отметить тенденцию распространения разного рода ксенофобских настроений в сети интернет среди молодёжи. По данным социологических опросов, в Татарстане среди местных жителей отрицательно относится к мигрантам примерно 25% [3, с. 87]. Можно привести в пример заголовки молодёжных интернет изданий, когда освещался конфликт в Нурлате в 2013 году (“Или мы, или нас”, “За что бьётся молодёжь в Нурлате”) [3, с. 88]. Как видно из заголовков, в них мало миролюбивого посыла.

Отчасти это связано с тем, что у современных молодых людей (не только в Татарстане, но и по всей России в целом) отсутствует толерантное восприятие меняющейся социальной реальности (в том числе и по миграционной обстановке). На это есть достаточно широкий перечень причин.

Во-первых, у граждан Советского Союза было своего рода “интеграционное” восприятие своего жизненного пространства. Разные этносы мирно и культурно существовали в рамках одного государства. Можно по-разному относиться к попыткам построить единую советскую общность [12, с. 145], но следует признать, что она сдерживала национализмы разных народов СССР и заглушала конфликты, которые проявили себя с ужасающим размахом в последние годы Советского государства и после обретения независимости некоторых бывших советских социалистических республик (например, Нагорный Карабах и Ферганская долина).

Во-вторых, социально-экономическое расслоение. После неудачных экономических реформ 1990-ых годов 20 века, к сожалению, население нашей страны стало стремительно беднеть. Поляризация общества не была объективна, так как являлась результатом процесса приватизации и “особенных” методов и способов её осуществления после 1991 года.

Данное расслоение очень сильно повлияло на восприятие мигрантов населением.

Люди видели социальную несправедливость, и это часто выливалось в экстремистскую деятельность. По мнению профессора С.А. Сергеева, например, разочарование от либеральных реформ способствовало формированию образа “униженности и упадка” России. Наглядным свидетельством стало “засилье” мигрантов. Молодое поколение впитывало эти домашние разговоры старшего поколения и вышло на улицы городов уже в лице “бритоголовых” [1, р. 340 - 341].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что этноконфессиональное состояние дел в Татарстане можно считать стабильным по многим причинам. Это связано и с тесной взаимной интеграцией, и с взаимодействием двух доминирующих этносов в регионе (бытовой уровень), и со стремлением региональных властей сохранять динамическое равновесие в регионе (политический уровень).

При всём этом существуют проблемы, которые требуют незамедлительного решения. К этим проблемам относятся снижение поляризации религиозных общин по линии “умеренные – радикалы”, предупреждение деятельности радикальных вербовочных сетей по отношению к мигрантам и местному населению и более гибкая этнолингвистическая политика в республике Татарстан. Создание в будущем Исламской духовной

академии в Булгарах видится верным шагом в политике предупреждения радикализации ислама в Татарстане.

Религия является базовой составляющей любой культуры. Основы культуры (свойственной для той или иной территории и этноса) даёт семья. Это подтверждается результатами социологического опроса Аиды Нурутдиновой из КФУ. Три четверти татарских детей и более 50% русских детей знакомятся с основами своей религии и приобретают веру благодаря семейному воспитанию [7, с. 119]. Так что получается, что семья – один из главных агентов воспроизводства этнокультурных ценностей. Вследствие этого хочется сделать рекомендацию республиканским властям активнее проводить целенаправленную политику в области семьи, материнства и детства, так как крепкая татарская и русская семья является гарантом сохранения традиционных, не искривлённых этнических и религиозных ценностей.

Список литературы:

1. Sergeev S.A. Русский оппозиционный внепарламентский национализм: все цвета спектра? // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2015. Volume 42, Issue 3. P. 298 – 320.

2. Гарсия Р. Волга впадает в Аравийское море: маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане [Электронный ресурс] // *Эксперт*. 2012. № 41. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/41/volga-vpadaet-v-aravijjskoe-more/>, свободный. – Проверено 16.03.2017.

3. Ефимова С.Р. Конструирование этнических конфликтов в молодёжной среде средствами массовой информации // *Власть*. - 2014. - №4. - С. 86 – 89.

4. Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.isras.ru/inab_2012_06.html, свободный. – Проверено 16.03.2017.

5. Мусина Р.Н. Современная ситуация в этнорелигиозном пространстве Республики Татарстан: религиозное сознание и религиозные практики // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы 9-й международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Выпуск 9 / под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул, 2015. - С. 214 – 217.

6. Нунуев С-Х.М. Риски религиозного экстремизма в политико-конфессиональных процессах (на примере Татарстана) // Власть. - 2015. - №10. - С. 151 – 156.

7. Нурутдинова А.Н. Интеграция и сохранение культур этнических групп Республики Татарстан // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. - 2012. Том 154, - кн. 6. - С. 117 – 121.

8. Нурутдинова А.Н. Народная культура как способ конструирования групповой идентичности (по материалам анализа печатных изданий Республики Татарстан) // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития. Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции (Махачкала, 13 марта 2016 г.). – Махачкала, 2016. - С. 48 – 49.

9. Попова О.В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // Политические исследования. - 2009. - №1. - С. 143 – 157.

10. Саблуков А.В. Этноконфессиональная толерантность как фактор российского социума // Вестник МГЛУ. - 2013. - № 2. - С. 192 – 200.

11. Станет ли Нурлат вторым Пугачёвым? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kazan.aif.ru/incidents/details/86947>, свободный. –

Проверено 16.03.2017.

12. Федосов Е.А. Советский человек: пропаганда или реальность // Русин. - 2014. - №4. - С. 139 – 151.

ФАБРИКА «ЛИПЕЦКИЕ УЗОРЫ» В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Ю.В.Есикова

МБОУ СШ № 61 им. М.И. Неделина, г. Липецк

В статье рассматриваются изменения этнокультурной специфики региона с момента появления производства деревянных изделий с хохломской росписью в г. Липецке, освещается история появления и производства первой продукции, начиная с 1971 года. Дан обзор деятельности первой творческой группы художников г. Семенов, возглавивших учебно-производственный цех новообразованного предприятия. Выявлена специфика поиска новых орнаментальных композиций для продукции «Липецкие узоры», базирующихся на тесной связи с особенностями исторически сложившихся элементов прикладного искусства Липецкой области.

***Ключевые слова:** этнокультурное образовательное пространство региона, этническая идентификация, поликультурная личность, идентичность художественных промыслов, хохлома, «липецкие узоры».*

Основой для характеристики этнокультурной ситуации региона является наличие многообразия этнокультурных ориентаций как следствие наличия различных региональных культур [11, с.193].

Приоритет в развитии этнокультурного образовательного пространства региона нацелен на реализацию формирования этнической идентификации и общекультурной национальной интеграции. Для успешной

реализации поставленных целей необходимо наличие поликультурной личности, условий для идентификации личности со своей исконной культурой и усвоения других культур, ориентацию на диалог культур, их взаимообогащение.

Подобная личность развивается в результате усвоения фактов региональной истории, культуры, духовных ценностей и традиций, художественных промыслов, развития языка, образования, сохранения культурной самобытности.

Состояние этнокультурной идентичности достигается через созданную народом социокультурную сферу, к которой относятся семья, дошкольные учреждения, школьные и средние специальные учебные заведения, национально-культурные центры, журналы и газеты, художественная и научная литература, научно-исследовательские и административные учреждения, промышленные предприятия, определяющие специфику региона и др. [12, с. 167].

Одним из предприятий, играющих особую роль в формировании этнокультурного пространства Липецкого края, является фабрика «Липецкие узоры». Более сорока лет фабрика выпускает художественные изделия хохломской росписи, формируя эстетические вкусы липчан. Экономические и социальные перемены, происходящие в России в последнее время, способствовали формированию выгодного рынка для реализации продукции отечественных художественных промыслов, таких как Елецкие кружева, романовская игрушка и деревянных изделий с хохломской росписью фабрики «Липецкие узоры». И отечественные и зарубежные предприниматели проявляют значительный интерес к данной продукции, и руководство фабрики регулярно получает крупные заказы на выпуск художественных

изделий предприятия. Они используются в качестве сувенирной продукции, либо в качестве популяризации фирменной продукции той или иной марки товаров. Фактически можно говорить о «бренде Липецкие узоры», который подразумевает существование культурной «почвы» для развития культурно-образовательного пространства как возможности этнической идентификации людей, населяющих регион.

В 1971 году благодаря выходу постановления партии и правительства о поддержке и развитии новых народных промыслов в стране появилось уникальное явление – художественная роспись «Липецкие узоры». Организованные Е.П. Чалых экспедиции в г. Семенов увенчались успехом. Создание благоприятной среды для приглашенных мастеров хохломской росписи (наделение жильем, всеми необходимыми условиями для творческой работы и т.д.) позволило привлечь в г. Липецк талантливых художников, токарей, резчиков по дереву. Они изъявили желание не только наладить производство этих товаров, но и обучить липецкую молодежь этому редкому ремеслу. Именно их следует считать основоположниками липецкой школы художественной росписи по дереву [5].

Художники пожелали отойти от традиционной хохломской росписи, предписывающей роспись по золотистому фону только красным и черным цветами. И пока мастера искали свой стиль, их нашел Липецк. Марфа Федоровна Синева, Зинаида Васильевна и Андрей Семенович Прытковы, Кузьма Иванович Левин – те самые, искавшие свой подчерк хохломские художники [4, с.10].

О популярности липецкой Хохломы в начале 1970-х гг. говорит и такой факт: когда первые изделия попали за границу, оттуда поступила масса заявок. В связи с увеличением количества продукции было намечено укрепить материально-техническую базу нового

производства. Был разработан проект строительства здания фабрики «Липецкая Хохлома» и в 1973 году сдан в эксплуатацию основной корпус, где размещалось 250-300 художников [2, с. 16,18].

Создание собственного стиля вызвало много критики. Уже нельзя было говорить о народном промысле, так как роспись была перенесена с исконной территории ее формирования. Однако теперь можно было говорить об уникальной художественной росписи, ставшей «визитной карточкой» города. При создании собственного художественного стиля росписи хохломы художникам фабрики «Липецкие узоры» пришлось столкнуться с рядом трудностей. [1]. Творческо-экспериментальная лаборатория под руководством Марфы Синевой разработала новые рисунки, образцы изделий. Как известно, художники отошли от настоящей Хохломской росписи, которая имеет только 4 основных цвета: черный, красный, зеленый и желтый (или золотой). А в наборах «Липецких узоров» наряду с основными стали использовать и другие всевозможные цвета: голубой, белый и др. Из характеристики узора главной художницей фабрики 1999 г. Валентины Петрищевой следует: «Липецкие мастерицы выработали свой стиль. Стиль этот – растительный орнамент, отличающийся многоцветием, яркостью, сочностью, теплотой тонов. Обращают на себя внимание симметрично пульсирующие, отдельно повторяющиеся сюжеты из гроздьев рябины, ягод, цветов. Новое звучание росписи «Липецких узоров» придает выбор мотивов орнамента. В нем появляются изображение птиц, бабочек, рыбок и фон.» [7].

Чтобы цвета оставались натуральными и яркими использовалась двойная лачка: сначала рисунок пишется по золоту, потом изделия покрывались бесцветным лаком. Мастера позаботились о сохранении культурной

идентичности жителей региона, они обратили внимание на исторически сложившиеся элементы прикладного искусства районов, вошедших в состав Липецкой области: вышивки, кружевоплетения, орнамента ткани, силуэтного рисунка растительных мотивов и животного мира. В художественном оформлении изделий использовался исключительно ручной творческий труд, основанный на варьировании, импровизации и авторском исполнении свободной кистевой росписи. Экспертная группа мастеров совершила поездку в город Елец с целью изучения построения композиции широко известных Елецких кружев. М. Синева разработала прекрасные узоры по мотивам кружев, которые получили всеобщее признание: изделия пользовались большим спросом. Творческие поиски мастеров шли не только по линии развития орнамента. Они много и плодотворно работали над созданием новых форм изделий. В ассортименте более 100 наименований изделий: чаши, бокалы, кружки, резные ковши, братины, ладьи, которые своей красотой радуют глаз, веселят душу, создают ощущение праздника [8].

«Роспись по текстуре» также создана художницами фабрики «Липецкие узоры». Роспись по текстуре - один из видов травочного письма с введением кудринных элементов. Сначала прописываются главные элементы, а затем по ведущей линии - дополнительные элементы. Разживка или обводка делается контрастным цветом. По ведущей линии вместо травки используются различные завитки, усики, нажимы. Краски используются преимущественно теплого цвета: красный, оранжевый, бежевый, так как сама текстура дерева имеет теплый оттенок. Роспись тульского самовара - это чисто липецкое достижение, получившее широкое распространение во всех регионах России с 1970-х годов.

«Как?! Пересадить «хохлому» из родной Горьковской области в далекий металлургический Липецк? Мыслимо ли это?». Искусствоведов стали привозить в Липецк с экскурсионными целями. После чего письменно заверили директора фабрики в том, что «...хохлома – успешно выполняет и перевыполняет план, ... несмотря на то, что производство рассредоточено в разных районах города, и в помещениях абсолютно непригодных» [9].

Несколько позже в публикациях о липецкой хохломе встречаются следующие, тревожившие корреспондентов вопросы: «Не профанация ли это, не нарушили ли липчане своим вторжением в Хохлому исконные художественные традиции старинного народного промысла?»

На этот вопрос предельно ясно ответили специалисты-художники, искусствоведы, мастера прикладного искусства, досконально изучившие продукцию липецкой хохломской ветви. Мнение их было единодушным: изделия липецких мастеров по своему художественному уровню ничем не отличаются от подобных же работ семеновцев - липчане свято соблюдают традиции, бережно хранят стиль и манеру Хохломы. Больше того, в чем-то липецкие мастера усложняют, обогащают известную Хохлому: порой более тщательная отделка, более подробный растительный орнамент.

Здесь есть свой авторитетный художественный совет, своя школа, куда принимается и где учится молодежь, наиболее одаренная и приверженная к изобразительному искусству. Руководит художественным коллективом член Союза художников СССР, лауреат Государственной премии РСФСР Марфа Федоровна Синева, посвятившая свою жизнь оригинальному народному творчеству» [3].

Таким образом, произведения фабрики «Липецкие узоры» можно назвать истинными произведениями искусства. Липецкий стиль был известен и признан в

нашей стране. В росписи не использовались такие традиционные хохломские элементы, как клубничка, трилистики. Стиль «Липецких узоров» отличается богатством сочных красок. Художники тщательно выписывают сюжеты, накладывая тени и создавая объем. Поэтому каждый элемент росписи, будь то листок или цветок, выглядит словно живой. В большинстве других школ роспись более плоскостная и не такая изысканная [6].

За 40-летнюю историю фабрика «Липецкие узоры» многократно являлась участником республиканских, зональных, областных, городских выставок, международных ярмарок, выставок. В поле зрения периодических изданий попали крупнейшие выставки и крупные заказы союзного значения, такие как ежегодные выставки на ВДНХ; крупные заказы к юбилейным и знаменательным датам нашей страны: Олимпиаде-80, XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов; выставки в Германии, Австралии. А также заказы фабрики к 850-летию г. Москвы, 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, к спортивным мероприятиям: «Кубок Кремля», «Хоккей с мячом» и т.д. Продукция фабрики постоянно обновляется. На сегодняшний день фабрика все больше стремится к выпуску вещей штучных, отличающихся сложной резьбой, росписью и неповторимым дизайном. С 2008 года начали возрождать лаковую миниатюру, художники пишут иконы и сказочные сюжеты.

Но, несмотря на все нововведения, будущее «Липецких узоров» будет во многом зависеть от экономической ситуации в стране [6, с. 30-31]. За последнее время фабрике удалось получить ряд крупных заказов как от российских, так и зарубежных партнеров. Такие деловые отношения стали возможны благодаря открытию собственного сайта фабрики «Липецкие узоры» в Интернете, на международном и общероссийском уровне

реализация продукции более успешна, нежели в регионе. По словам директора фабрики: « Продукция «Липецких узоров» - это, по сути, бренд города наряду с романовской игрушкой. И забывать об этом не патриотично».

История существования фабрики «Липецкие узоры» - уникальное явление в жизни региона. Художественная роспись, появившаяся как симбиоз традиционных промыслов края: кружевоплетения, глиняной игрушки, и в то же время перенесенный с исконной территории промысел – хохлома, - вместе получил и уникальную историю своего становления и развития в городе Липецке. Уникальный узор, придуманный мастерами, несет в себе не только эстетическую составляющую, но и способствует сохранению этнокультурной идентичности жителей города путем приобщения к специфичной культуре региона с одновременным освоением ценностей культуры и народных промыслов страны в целом. Кроме того, он формирует не только социальный, но и культурный статус региона новой духовности, нового взгляда человека на мир, на сообщество, на свое место в нем.

Список литературы:

1. Алексеева О. Сказки липецкой хохломы // «Ленинец» – 1985 – 1 июня - № 76.
2. ГАЛО. Ф. – 1 р 1690. Д. 7, л. 16, 18.
3. Коржов С. Очередь... за опилками // «Ленинское знамя» - 1986 – 11 апреля – № 51.
4. Кочкин Ю. С маркой «Липецкие узоры» // «Ленинское знамя» – 1976. – 13 июня - № 142.
5. Неверов И. О нежности, суровости, о снах и узорах // «Липецкая газета» – 2007. – 17 февраля. С. 3.
6. Некрылов А.А. Все краски радости от Липецких узоров // Неоновый город Л. – 2008. – № 4. - С. 30-31.
7. Николаев В. Как живешь хохлома? // «Ленинец» – 1971 - 16 октября - № 57.

8. Петров В. За трудовые успехи // «Ленинское знамя» – 1982. – 25 марта - № 70.

9. Покровских М. Есть такой промысел в России! // «Липецкая газета» – 1999. – 22 мая.

10. Порядина П. Когда работа – творчество // «Ленинское знамя» – 1981 – 27 февраля - № 38.

11. Традиционные и инновационные мотивы этнонационального сознания как факторы политической стабильности российского государства// Общество и этнополитика: Материалы Второй Международной научно-практической интернет-конференции, 1 апреля 15 июня 2009 г./ СибАГС; под ред. Л.В. Савинова. – Новосибирск: изд-во СибАГС, 2009. - С. 193-198.

12. Этноконфессиональная ситуация в Липецкой области// Макарьевские чтения: М-лы восьмой Международной конференции (21-23 ноября 2009 г.) (отв. ред. В.Г. Бабин).- Горно–Алтайск: изд-во ГАГУ, 2009. - С. 163-177.

ДИАЛОГ КАК СПОСОБ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ

Е.Д. Замахова

*Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны,*

Т.Ю. Фомина

*Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны*

В статье рассматриваются приемы и методы конструирования системы профориентационной работы с учащимися на уроках обществознания. Особое внимание уделено особенностям профориентации в условиях трансформации рынка трудовых ресурсов и личностной

значимости для учащихся активной позиции в профессиональном самоопределении. Доказывается необходимость конструктивного диалога в этом процессе. Дан анализ результатов применения в педагогической практике.

Ключевые слова: *кризис профессиональной идентичности, рынок трудовых ресурсов, сотрудничество, профессиональное самоопределение, деловые игры, проектная деятельность.*

Проблема выбора профессии является смыслообразующей на этапе поздней юности и связана с кризисом идентичности, выход из которого требует мобилизации личностных ресурсов. Перед учащимися старшей школы стоит задача не только определить будущую профессию, но и сформировать отношение к себе как к профессионалу, развить в себе умение сотрудничества в профессиональном сообществе. Это зачастую порождает серьезный внутрличностный конфликт, усиливающийся в некоторых случаях тем, что старшеклассник может слабо представлять будущую профессию, её сильные и слабые стороны. Выбирая профиль обучения, молодой человек вынужден сосредоточиться на тех предметах, которые будут необходимы при поступлении в вуз и уделять меньше внимания тем, которые, может быть, нравятся, но не входят в перечень вступительных испытаний. Не случайно важнейшим личностным результатом обучения школьника социально-гуманитарным дисциплинам ФГОС определил «осознанный выбор будущей профессии и возможностей реализации собственных жизненных планов; отношение к профессиональной деятельности как возможности участия в решении личных, общественных, государственных, общенациональных проблем».

Проблема выбора профессии должна учитывать особенности рынка труда. Отличительной чертой этого рынка в начале XXI века является чрезвычайная изменчивость структуры занятости. Постоянно происходит рождение новых профессий и устаревание тех, что ещё вчера казались очень перспективными. В профессиях, которые уже существуют на рынке, непрерывно возникают требования к новым компетенциям, происходит взаимопереплетение компетенций, присущих различным видам профессиональной деятельности, усиливается креативная и инновационная составляющие труда, что серьезно трансформирует модель будущего специалиста.

Выходу из кризиса профессиональной идентичности способствует налаживание конструктивного диалога обучающегося с будущими работодателями, учреждениями высшего образования, родителями, наладить который помогает такой интегральный предмет, как обществознание. Обществознание является комплексной дисциплиной, позволяющей согласовать психологические возможности, личностные потребности молодого человека с требованиями профессиональной деятельности, помочь активизировать разрешение проблем, стоящих на пути профессионального самоопределения. Этот предмет, на изучение которого отводится достаточное количество часов как в профильном, так и в базовом вариантах обучения, призван снять коммуникативные барьеры между участниками диалога. Для достижения заданных целей необходимо продумать систему работы по профессиональной ориентации, которая должна включать в себя диагностику, профессиональное консультирование, ориентацию на новые, перспективные профессии, соответствующие индивидуальным особенностям учащегося.

Рассмотрим каждый из названных компонентов. Если выпускнику основной средней школы необходимо определиться с профилем дальнейшего обучения, который во многом обусловлен склонностью к тем или иным учебным предметам, то ученик старшей школы должен наметить список специальностей и вузов, в которые он собирается поступать. Часто старшеклассники занимают пассивную позицию, откладывая этот выбор, или предоставляя возможность другим (родителям, друзьям) сделать его за себя. Активизации личностной позиции обучающегося способствует подготовка и защита проекта «Моя будущая профессия», где учащиеся должны собрать информацию о том, чем занимаются специалисты, о востребованности профессии на рынке труда, плюсах и минусах данной профессии, примерном размере заработной платы, вузах, ведущих подготовку по выбранной специальности. Такой проект создается в самом начале обучения в 10 классе и для учителя является важным диагностическим мероприятием. Педагогу в дальнейшем будет легче выстроить индивидуальные маршруты обучения с учетом предпочтений подопечных. Не все учащиеся делают проект по той профессии, которую они выбирают, просто потому, что ещё не определились с выбором. Публичное обсуждение проблемы, пример одноклассников, которые уже задумались о поступлении, стимулируют деятельность по профессиональному самоопределению.

Сориентировавшись в предпочтениях старшеклассников, необходимо как можно больше использовать сведения о выбранных ими профессиях при рассмотрении учебных тем «Характеристика предпринимателя», «Основные юридические профессии», «Рынок труда» и т.д. В ходе уроков ученики должны получить представление о профессиональной

специализации, о требованиях работодателей к профессиональным компетенциям.

В зависимости от выбранных профессий строится внеурочная деятельность с учащимися, которая предполагает подготовку к олимпиадам и конференциям, проведение экскурсий на предприятия, в органы государственной власти, высшие учебные заведения, деловые игры и тренинги. Подготовка к поступлению в вуз, необходимость сосредотачиваться на профильных предметах препятствуют формированию гармоничной личности. Если ученик собирается связать свое будущее с инженерными профессиями и информатикой, то предметы социально-гуманитарного профиля им в лучшем случае игнорируются. При ориентации на профессии социально-гуманитарного профиля не уделяется внимание предметам естественнонаучного цикла. Но сегодняшней экономике все больше требуются творческие работники с нестандартным подходом к решению задач. Творчество предполагает активизацию всех психических способностей: аналитического, образного мышления, эмоций, интуиции, неявных знаний. Образуется разрыв между потребностями рынка и подготовкой будущих специалистов. Преодолению этой проблемы способствует проведение интегрированных уроков, где устанавливаются межпредметные связи, формируется мировоззрение старшеклассников. Благоприятным в этом отношении является изучение теории познания, многие положения которой можно проиллюстрировать примерами из физики, математики, истории науки; экономики, имеющей тесные связи с математикой и правом.

Проведенные исследования показывают, что выбор профессии в основном осуществляется спонтанно. Учащийся ориентируется на сегодняшнюю престижность профессии и её доходность. Но рынок труда меняется

вместе с ускорением темпов экономического развития. Многие профессии быстро устаревают, уступая место новым, которые развиваются на стыке различных областей знания. Следовательно, будущим специалистам необходимо уметь адаптироваться к изменениям, обладать системным мышлением, быстро обрабатывать большие потоки информации. Прививать такие компетенции достаточно сложно. Совместно с Грук В.Ю. был проведен эксперимент по применению полученных в ходе оптических экспериментов знаний к философскому осмыслению современной картины мира. Харисова Руфина, два года изучающая процессы интерференции и дифракции в опытах с лазерами, написала работу, в которой попыталась осмыслить, как изучение оптических явлений повлияло на изменение картины мира. Жюри всероссийской конференции учащихся им. Н.И. Лобачевского отметило актуальность сочетания физики и философии в проведенном исследовании.

Помимо представлений о характере будущей профессии обучающемуся необходимо еще в школе научиться умению формировать устойчивые взаимоотношения с людьми, устанавливать контакты для решения определенных вопросов. В условиях глобализации мировой экономики будущему профессионалу необходимо иметь широкий круг знакомств с коллегами, партнерами, возможными конкурентами, которые могут разговаривать на разных языках, иметь разные убеждения, религиозные взгляды и т. д. Обществознание позволяет проводить дебаты, круглые столы, организовывать читательские конференции, - одним словом, применять методы, органично способствующие развитию коммуникативных компетенций

Из сказанного следует, что обществознание представляет наиболее удобную площадку для

формирования компетенций, востребованных для специалистов будущего. Предмет открывает широкие возможности для совместного творчества учителя, учащихся и их ближайшего окружения.

Список литературы:

1. Атлас новых профессий // <http://asi.ru/projects/7273/>
2. Бобровская О.А., Дорофеева Г.А., Бобровская Е.Н. Профессиональная ориентация как социальное явление // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 2366–2370. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86503.htm>.
3. Климов Е. А. Как выбрать профессию. - М.: Просвещение, 2011.
4. Назимов И.Н. ПрофорIENTATION и профотбор в социалистическом обществе. - М., 2012.
5. Примерные программы по предмету «Обществознание» // <http://window.edu.ru/resource/228/37228/files/11-2-s.pdf>
6. Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения. - М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «Модек», 2003.- 400с.
7. Сазонов А.Д., Калугин Н. И., Меншиков А. П. Профессиональная ориентация молодежи. – М., 2011.
8. Смирнова Е.Е. На пути к выбору профессии. – Санкт-Петербург, 2004.
9. Трошихина Е.Г. Тренинг развития жизненных целей. – Санкт-Петербург, 2006.
10. Чистякова С.Н., Родичев Н.Ф., Черкашин Е.О. Слагаемые выбора профиля обучения и траектории дальнейшего образования: / уч. пособие. – М., 2004.

ЯПОНИЯ: БИЗНЕС-КУЛЬТУРА И ДЕЛОВАЯ ЭТИКА

А.Н.Ковтунова

*Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*

Статья посвящена освещению специфики бизнес-коммуникаций с представителями японских предприятий, особенностям проведения деловых переговоров (установления предварительного контакта, организации встречи, особенностям приветствия, обмена визитными карточками и т.д.).

Ключевые слова: *бизнес-коммуникации, бизнес с Японией, деловой этикет, межкультурные коммуникации, японская деловая культура.*

В последнее время российские компании проявляют все больший интерес к Японии. Несмотря на хорошо известную осторожность японцев, медлительность в принятии решений, дотошность в проработке мельчайших деталей, наличие многих предубеждений, фактом остается то, что японские инвесторы и внешнеторговые партнеры обладают значительными финансовыми ресурсами и, за крайне небольшим исключением, ведут бизнес честно и добросовестно [3]. В этих условиях растет интерес к деловой культуре и этике бизнес-коммуникаций с представителями японских компаний.

Особенностями национального характера японцев традиционно считается консерватизм, дисциплинированность, верность и долг, вежливость, послушание, благопристойность, трудолюбие, самообладание, бережливость, коллективизм.

Истоки этого - в сложившемся в далекие века иерархически упорядоченном обществе. Оно

формировалось под влиянием конфуцианства и синтоизма. И, хотя в течение прошлого века, под влиянием бурного подъема экономики, технического прогресса, новых технологий, всеобщей глобализации, вековые традиции и стереотипы несколько размываются, ряд национальных особенностей все же продолжает быть визитной карточкой «Страны восходящего солнца». Это, безусловно, накладывает свой отпечаток на поведение японских бизнесменов, что нельзя не учитывать при взаимодействии с представителями японских компаний.

Основные характеристики бизнес-поведения японцев:

1. **Коллективизм.** Японцы являются приверженцами «корпоративного духа и групповой солидарности», учатся подавлять амбиции и не выпячивать свои сильные качества. Ценится умение работать вместе, мыслить одинаково, способность оправдать ожидания, настойчивость и упорство в достижении общей цели. Японская мораль считает узы взаимной зависимости основой отношений между людьми. Поэтому японские предприниматели привыкли судить о партнере прежде всего по его принадлежности к той или иной группе или группировке.

Коллективизм неотделим от иерархии. Каждый на своем месте. Информация следует сверху вниз и снизу вверх по вертикали в строгом соответствии с протоколом. С появлением электронной почты в системе наметились признаки хаоса, однако психология единства, нежелание выделяться и выпячивать себя по-прежнему незыблемы.

2. **Лояльность.** Она лежит в основе деловых взаимоотношений. На лояльность отвечают лояльностью. Компания обеспечивает работу на всю жизнь и неуклонный подъем по корпоративной лестнице. В процессе не происходит ничего впечатляющего, но главное - надежность. В ответ японские служащие предлагают

фирме усердие, самопожертвование и долгие-долгие часы совместной работы, совместного распития спиртного, игры в гольф, пения под караоке - на благо компании. Они считают фирму своим вторым домом, проводя здесь основную часть жизни, совершенно искренне соединяя глубинные интересы фирмы с подлинными своими личными целями и задачами [5].

3. **Сдержанность.** Недопустимость публичного выражения эмоций воспитывается у них с детства. Скрытность у японцев - не лицемерие, а норма поведения.

4. **Терпение.** Терпение в Японии считается одной из главных добродетелей, поэтому обсуждение деловых вопросов часто начинается с второстепенных деталей, и идет оно очень и очень неспешно. Японцы не могут говорить коротко и по делу. Они пускаются в длинные и пространные объяснения, которые нацелены на то, чтобы даже недалекий человек понял, о чем ему говорят. Сопровождения могут длиться невероятное количество часов. Японцы считают, что если они долго и чрезмерно подробно говорят об одном и том же, то тем самым уважают собеседника [2].

В традициях японских деловых людей - внимательно выслушивать точку зрения собеседника до конца, не перебивая и не делая никаких замечаний. В результате этого на первых этапах переговоров нередко бывает невозможно предугадать, какого мнения по существу вопроса будут придерживаться японские бизнесмены в ходе последующих обсуждений.

Японский деловой язык. Менеджеры японских предприятий предпочитают не отдавать прямых приказов, а «намекать» на то, что должно быть сделано. В японском языке подчиненные предложения обычно предшествуют главному, поэтому сначала обозначаются основания принятого решения, а уже потом – само решение. Со

стороны порой кажется, что подчиненные просто получают советы в очень вежливой форме. Других механизмов влияния, по сути, не требуется, так как иерархия и безусловное подчинение определяются самим статусом менеджера.

Другими средствами японского языка, к которым прибегают менеджеры для общения с сотрудниками, являются страдательный залог, используемый для достижения сверхвежливости; безличные глаголы, с помощью которых избегают прямого порицания; а в некоторых случаях и молчание, ясно указывающее подчиненному, каково мнение его начальника. Косвенная речь в Японии не пользуется популярностью, поскольку японцы разделяют убеждение, что все личные беседы конфиденциальны и их содержание не должно передаваться другим; и действительно, их язык не имеет форм косвенной речи.

Невербальное поведение. Стандартная дистанция при общении в Японии - от двух до четырех шагов.

Японцам крайне не импонирует манера прикосновения друг к другу во время общения. Поэтому похлопывания по плечу, широкие объятия неуместны.

Не следует удерживать длительный зрительный контакт с японскими партнерами. У японцев не принято в глаза смотреть более 10 секунд, иначе они расценят это как бестактное поведение, испуг или недоверие. Все остальное время взгляд должен удерживаться на уровне шеи. А подчиненный, выслушивая выговор начальника, опускает глаза и улыбается. То есть в японской культуре контакт глаз не является обязательным атрибутом коммуникации.

Да и молчание в Японии не рассматривается как вакуум общения, а расценивается как признак силы и мужественности. Не следует пытаться заполнить паузу самому. Если слово за японцем, но он молчит, - не

раздражайтесь: это будет расценено как грубость. Для японцев такая ситуация нормальна, обычно после взаимного молчания беседа становится более плодотворной.

Улыбка или смех в Японии могут означать разное - это и признак дружеского расположения, и выражение сдержанности, и открытое выражение эмоций, и признак неловкости. Улыбка японца может означать «я понимаю» и «я не понимаю». Поэтому никогда не стоит спешить с ее интерпретацией.

Важный элемент невербального общения для японца – это качание головой. Но эти движения не говорят о согласии человека с Вашим мнением, а показывают, что он понимает смысл слов.

Подготовка к встрече. Общение на этапе выбора потенциального партнера и подготовка к переговорам - существенный момент, определяющий успешность последующей коммуникации. Письмо с предложением сотрудничества, направленное в адрес японской компании, вступать в деловые отношения с которой ранее не приходилось, почти наверняка останется без ответа. Японские бизнесмены предпочитают непосредственный контакт с потенциальным партнером. Сказанное в большей мере относится к мелким и средним фирмам, чем к крупным корпорациям, однако по отношению и к тем и к другим почти обязательным способом знакомства является личная встреча с представителем компании в сочетании с направлением официального предложения о сотрудничестве. Для налаживания деловых отношений с интересующей вас японской фирмой уместно использовать широко распространенную в Японии практику знакомства через посредников. Лицо, выполняющее функции посредника, в общих чертах изложит японской стороне суть ваших предложений, расскажет о том, чем занимается

ваше предприятие, и о занимаемой вами должности. Очевидно, что посредник должен быть хорошо известен как вам самим, так и соответствующей японской компании. В роли посредника могут выступать знакомые вам японские бизнесмены, либо аккредитованные в Японии представители организаций вашей страны. Такая практика способствует тому, что японский партнер не будет рассматривать вас как совершенно незнакомое ему лицо и с большим вниманием выслушает ваши предложения. Потенциальный партнёр, к которому вы обратитесь устно или письменно по рекомендации посредника будет, считать своим долгом (т.е. гири - по отношению к посреднику) помочь вам.

Предлагая ту или иную сделку в деловых кругах Японии, необходимо подготовить подробнейшие справки о характере вашей деятельности, истории создания фирмы, бюллетени, газетные и журнальные статьи и любую другую документированную информацию, с положительных сторон высвечивающую деятельность вашего предприятия. Желательно все предоставляемые материалы переводить на грамотный японский язык.

Встреча и приветствие. Практика делового общения построена на точности и соблюдении правил. Поэтому опоздания на деловую встречу являются недопустимыми, сами японцы прибывают на деловые встречи заранее. Нормой считается, если японская делегация прибудет на несколько минут раньше, выражая свое уважение.

Японское приветствие – это поклон, а не рукопожатие. При этом считается, что чем ниже наклон – тем глубже уважение. Но на современном уровне переговорного процесса члены японских делегаций будут с вами здороваться за руку. Это необходимо учитывать, чтобы избежать «неудобных» ситуаций, когда японец

протягивает руку для приветствия, а мы складываем их для поклона, и наоборот. Но, если вам поклонились, то можно ответить неглубоким поклоном, чуть склонив корпус вперед и сложив руки перед глазами. При знакомстве с японцами называют имя и фамилию. Слово «господин» в Японии звучит как «сан», добавляемое в конце фамилии. Поэтому представиться можно как «Иван Иванов-сан». Обращение по имени к японскому коллеге недопустимо. После приветствия следует обмен визитками, далее все стороны рассаживаются за столом переговоров. Учитывая культурную иерархическую традицию, японцы рассаживаются по правилу «правой руки», т.е. глава, заместитель, участник и т.д. - по старшинству. В таком случае участникам вашей делегации имеет смысл аналогично распределиться за столом[4].

Визитные карточки. Визитная карточка – это важная часть церемонии приветствия, а церемониалу японцы придают очень большое значение. Обмен визитными карточками происходит в самом начале встречи, чтобы японцы имели возможность выяснить свое положение в обществе относительно партнеров. Получив вашу карточку, японец первым делом посмотрит, в какой компании вы работаете и какую должность занимаете. Он определит статус вашей фирмы по отношению к собственной, и ваш собственный должностной статус, а на основе этого выберет линию поведения.

Передают и принимают визитную карточку двумя руками.

Для японцев трудны европейские имена, поэтому визитку на переговорах нередко кладут перед собой, чтобы не забыть или не перепутать имя партнера.

Визитная карточка в Японии - ваше "лицо", ваше "второе я", поэтому обращаться с ней надо очень аккуратно. Если вы вручите японцу мятую, грязную

визитную карточку (пусть и с извинениями), то его мнение о вас будет отнюдь не самым высоким. Также почтительно относятся к визитке партнера: ее необходимо прочитать и тоже положить на стол до окончания переговоров [5].

Дресс-код. В одежде японцев очень ощутимы стремление к унификации, желание не выделяться, свойственные национальному характеру, а также традиции корпоративной «командной» этики, где все едины. Стиль костюма и внешнего вида в японском деловом мире весьма консервативен.

Конечно, условия зависят от конкретной компании, но в принципе дресс-код в Японии намного строже, чем в России. Представители традиционной японской компании обязательно носят черный костюм вне зависимости от погоды. Не так давно вышел новый закон, разрешающий носить на работу рубашки с коротким рукавом. Это связано с вынужденной экономией электроэнергии, при которой даже в чрезвычайную жару теперь в офисах не всегда используют кондиционеры. В некоторых компаниях женщинам запрещено носить приталенные костюмы – они должны быть абсолютно прямыми. Юбка обязательно должна закрывать колени. Женские аксессуары тоже запрещены. Макияж должен быть незаметен. Японки любят ярко краситься, сильно румянят щеки, почти у всех накладные ресницы. Но на работе женщина должна быть как можно менее привлекательной для мужчин. В некоторых местах регламентированы даже прически – женщины должны носить только короткие волосы, не закрывающие уши. Цвет волос – обязательно чёрный. Мужчинам, кроме длинных волос, не рекомендуется носить бороду и усы.

Вероятно, соответствие определенным правилам в одежде распознается как принадлежность к тому же самому деловому сообществу, кругу людей, с которыми

«можно иметь дело». При контакте с японскими бизнесменами костюм, рубашка и галстук обязательны, однако галстуки могут быть самых разнообразных расцветок, если костюм строгий — это не вызовет особого удивления. Японцы уважительно относятся к тем, у кого немного помята одежда, так как это свидетельствует о том, что человек много времени проводит на работе.

Одежда должна быть чистой, особенно ботинки. В самой Японии 99% сотрудников компаний ходят на работу в черных лакированных ботинках. Учитывая тот факт, что в доме японцы ходят без обуви, ей придается также церемониальный смысл защиты и чистоты помыслов.

Ведение переговоров. Японцы предпочитают вести переговоры командой, члены которой имеют разную специализацию. Состав японской команды может изменяться или увеличиваться, т. к. они хотят, чтобы клиента узнало как можно большее число сотрудников их компании.

Большое значение в японской культуре придается пунктуальности, точности. Точность на переговорах — будь то во времени их начала и окончания, или в выполнении обещаний, взятых на себя обязательств — одна из важнейших черт японского стиля ведения переговоров.

На переговорах будет присутствовать представитель старшего персонала, диктующий тактику, но эту роль редко играет тот, кто выступает. Решение, в конце концов, будет приниматься на основе консенсуса, поэтому ни один из членов их команды не будет проявлять свою индивидуальность. Они используют имя своей компании или «мы», но никогда «я».

Какой бы сильной ни была их команда, они будут обращаться в свой центральный офис за инструкциями.

Поэтому ни одно решение не будет принято на первой, а может быть, - и на второй встрече.

Иностранец, впервые встретившийся с японскими бизнесменами, бывает крайне удивлен медленным темпом деловых переговоров.

Переговоры начинаются с обсуждения вопросов, не имеющих никакого отношения к предмету встречи, и лишь через некоторое время, когда возникнет ощущение глубокого взаимного доверия, японская сторона постепенно переходит к официальной теме встречи. Тут положено обмениваться подарками.

Чем серьезнее выдвинутые на повестку дня предложения, тем больше внимания уделяется малозначимым деталям. За этим кроется традиционное стремление создать соответствующую атмосферу переговоров, установить «отношения сотрудничества» для облегчения процесса принятия главного решения, когда все второстепенные вопросы, не вызывающие особых разногласий, будут улажены к взаимному удовлетворению сторон. Терпение в Японии считается одной из основных добродетелей, в том числе и в бизнесе.

При проведении переговоров важно иметь в виду, что в Японии, когда вы слышите «да», это далеко не всегда означает действительное согласие. Японское «хай» — обычно переводимое как «да» — в ходе беседы употребляется довольно часто, но в смысле «так-так», «да-да» — т. е. скорее для подтверждения того, что вас продолжают слушать.

Если японский бизнесмен хочет сказать «нет», он обычно говорит, что «это трудно». Если японцы хотят ответить отрицательно, но не имеют веских аргументов, они ссылаются на плохое самочувствие, ранее данные обещания и т. п.

Японцы стремятся избегать обсуждений и столкновений позиций во время официальных переговоров, а также участия в многосторонних переговорах. При переговорах с более слабым партнером японские участники могут проявить склонность прибегать к угрозам. В целом для японской стороны мало характерны особые подвижки в позиции или значительные изменения в тактике при ведении переговоров.

На переговорах японцы часто стремятся избежать риска, что рассматривается ими как угроза для их чести, престижа, репутации. Стремление не проиграть может оказаться сильнее, чем желание одержать победу. В то же время они стараются максимально развить свободу маневра на переговорах, и личная смелость и решительность может ярко проявляться в дискуссиях. Характерной чертой японцев является чувствительность к общественному мнению.

В практике принятия решений у японцев проявляется желание избегать открытого столкновения противоположных взглядов. Решения эти обычно представляют собой не результат чьей-то личной инициативы, а итог согласования мнений всех заинтересованных лиц. Японцы, вне зависимости от занимаемой должности, стараются не противопоставлять себя другим, избегают открытого столкновения. Поэтому дискуссия обычно тянется долго, пока каждый ее участник шаг за шагом не изложит свою позицию, по ходу видоизменяя ее с учетом высказываний других. Цель дебатов в том и состоит, чтобы выявить различия во мнениях и постепенно привести их к общему согласию.

Если, несмотря на продолжительные дискуссии, кто-то все-таки выступает против данной инициативы, вопрос вообще не решается, а откладывается. Когда проблема становится безотлагательной, нижестоящие звенья

аппарата прежде всего смотрят: как поступали в подобных случаях прежде, и с учетом изменившейся обстановки готовят возможные варианты решения.

После того как японская компания приняла свое решение, их команда на переговорах ожидает от другой стороны быстрых действий, и многие критикуют партнера, если тот медлит. Они прекращают переговоры, если другая сторона ведет себя слишком грубо, нетерпеливо или не соблюдает протокол[1].

Деловые подарки. Бизнес-сувениры – это очень тонкая часть японской культуры. Есть отдельный вид этикета подарков, «Дзото», где расписаны виды праздников, типы подарков, церемония вручения, принятия и правила ответного подарка. Церемония обязательно учитывает иерархию, соответствие уровня как дарителя, так и одаряемого. Нарушение этих правил для иностранца допустимо, но нежелательно. Японские партнеры сделают скидку на незнание правил, а воспринимать будут как невежливость и низкий уровень культуры. Итак, подарок следует принимать обеими руками. Не принято дарить что-то партнёру сразу при знакомстве – лучше передать подарок при следующей встрече или при расставании. К тому же подарок не должен быть рекламой вашей фирмы. Наиболее приемлемы подарки в виде бутылки вина, дорогой авторучки, национальных продуктов вашей страны. Они должны быть упакованы таким образом, чтобы упаковка давала понять, что лежит внутри, но не отвлекала от ведения переговоров. Подарками следует наделять всех членов переговоров, а лицам с высоким положением следует преподнести нечто более ценное, чем всем остальным. Ответные подарки должны быть примерно той же ценовой категории и быть «фирменными». При разворачивании аккуратнее

обращайтесь с упаковкой – ей придаётся чуть ли не большее значение, чем самому подарку[5].

Неформальное общение. Японцы любят развлекать гостей и умеют делать это хорошо. Иногда деловым встречам может предшествовать развлекательная программа: экскурсии, рестораны. Не стоит уклоняться от нее, поскольку для японцев это возможность наладить личные контакты. К алкоголю в Японии отношение положительное.

Безусловно, японская деловая этика имеет свою специфику, и для достижения успеха в делах и во избежание жестокого разочарования в японских партнерах и в японцах вообще, необходимо иметь хотя бы поверхностное представление о том, как выглядит этот загадочный японский бизнес-этикет.

Список литературы:

1. Куланов А. Японский бизнес-этикет [Электронный ресурс] // Корпоративная имиджология. –2008. - №01 (02). – Режим доступа: http://www.ci-journal.ru/article/51/200801japan_b_etiket, свободный
2. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: Учебное пособие. - М.: Логос, 2002. - 224 с.
3. Павленко П.А. Японская деловая этика – как договориться с потомками самураев [Электронный ресурс]– Режим доступа: <https://www.kazedu.kz/referat/77416>, свободный
4. Романова Н.П., Брагин В.В., Романова И.В. Деловой этикет на Востоке. Настольная книга бизнесмена. – М.: Восток-Запад, 2005. – 256 с.
5. Этика делового общения в Японии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vladjc.ru/etika-delovogo-obshheniya-v-yaponii/>, свободный

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ПРАКТИК НА ПЛОЩАДКАХ ТОРГОВЫХ ЦЕНТРОВ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА

Д.В.Лапин

Новосибирский государственный технический
университет, г. Новосибирск

В публикации анализируются современные особенности городской среды. Площадкой для исследования стали торговые центры города Новосибирска. Современные торговые центры стали своеобразным пространством, симулирующим городскую среду. Основное внимание фокусируется на раскрытии механизмов, активизирующих межэтнические практики в пространстве торговых центров, которые имеют потенциальное влияние на этносоциальные процессы в городском сообществе.

Ключевые слова: *этничность, городская среда, торговые центры, пространство, город, поликультурность, межэтнические отношения.*

Во все времена сильнейшим по воздействию драйвером, с помощью которого разносились в ойкумене этнокультурные ценности, была торговая деятельность. В современных условиях глобализации, когда синхронно проходят процессы этнокультурной унификации и обособления, города становятся эпицентрами межэтнического противостояния. Одним из выходов из сложившейся ситуации, является активное формирование этнотолерантности среди жителей городов. Важнейшим вектором развития толерантности является обмен сведениями и фактами в контексте различных межэтнических практик.

По мнению Е.С. Дерига, «...переезд в другую страну на постоянное место жительства... неизбежно сопровождается конфликтом с чужой, иной культурой» [1, с. 136]. Сущестующие в городской среде этнические организации и сообщества активно транслируют свойственные их культурам традиции, нормы, обычаи среди горожан. Как утверждает Л.А. Осьмук, «человек, помещенный внутрь социокультурного пространства, прежде всего, чем перейти к конструированию окружающей действительности, должен понять, что его окружает» [3, с. 93].

В настоящее время в городах-миллиониках России действует широкая система разноформатных торговых центров, с одной стороны, являющихся питательной средой для межнациональных отношений, а с иной - средством презентации различных этнических сообществ. По мнению И.А. Мусиной и В.С. Горбуновой, «торговые центры синтезировали все функции и возможные способы проведения времени, предложив аналог городского центра под крышей - внутренние пространства торгового центра во многом копируют пространство улицы с магазинами, кафе, публичными местами» [2, с. 200].

За последние два десятилетия в крупнейшем муниципалитете страны – городе Новосибирске - данные тренды отчетливо проявили себя в рассматриваемой инфраструктуре. Город Новосибирск вошел в десятку рейтинга по обеспеченности населения площадями в торговых центрах современного уровня: кв. метров на 1000 жителей [4]. Обозначенные тенденции закономерны и в первую очередь связаны с миром городской повседневности.

Также наличие большого числа торговых центров актуально и для межкультурных отношений и сопряжено с широкими городскими этническими практиками.

Ключевая особенность среды города Новосибирска - динамичное увеличение числа жителей в связи с внутренней миграцией населения из регионов Сибири и Дальнего Востока (республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакассия, Якутия) и внешней из Казахстана и стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан). Как правило, люди приезжают в город с целью учебной деятельности в специальных и высших учебных заведениях и трудоустройства в различных секторах городской экономики.

Рассмотрим пространство входящих в содержание торговых центров подробнее. Так, ключевым пространством любого торгового центра является – **фуд-корт**. Этническая кухня встречает горожан на пространствах фуд-корт и ресторанных дворики в крупных торговых центрах, где представлены: панамериканская, паневропейская, паназиатская кухни. Необходимо отметить, что за последние годы вблизи учебных заведений (школ, учреждений дополнительного образования, молодежных центров, ССУЗов, ВУЗов и др.) появились павильоны в формате мини-кафе, являющиеся частью сферы «стрит-фуда», представленные большей степенью паназиатской кухни (шаурма, чебуреки, шашлык, лагман, люля-кебаб и др.). Также этническая торговля продуктами питания представлена сетью мультиформатных магазинов «Бахетле» (тюркская кухня) и магазинов «Добрянка» (славянская кухня). Основная функция объектов гастрономии – это знакомство горожан с этническими традициями кулинарии через систему мероприятий и проектов (розыгрыши по итогам межнациональных конкурсов, дегустация национальных продуктов, мастер-классы и др.). Ярким символом этнокультурного разнообразия является деятельность представителей этнических бизнес-структур в сфере

торговли. Так, в городе Новосибирске образовались рыночные площадки, устойчиво ассоциирующиеся в сознании горожан с межэтнической сферой (Центральный, Ленинский, Хилокский рынки и др.).

Этническая торговля на протяжении более 20 лет была представлена крупнейшим для Сибирского федерального округа оптово-розничным рынком «Гусинобродский вещевой рынок», так называемой «Гусинобродской барахолкой» (одежда, обувь, хозяйственные товары, продукты питания и др.). Но в 2015 году в связи с изменением федерального законодательства эти площадки были реформатированы, в связи с этим появились торговые центры: «НордСитиМолл», «Зима», «Невский», «Дружба» и др.[5].

Не менее важными являются концертные площадки торговых центров, где проводятся различные этнокультурные мероприятия (событийные) и проекты (системные) этнокультурных сообществ (см. таблица 1). Как видим из анализа количества мероприятий, большинство из них проводятся на тех площадках, которые имеют сцену и соответствующее оборудование. Данные обстоятельства помогают задействовать, с одной стороны, крупные творческие коллективы, а с другой - показать перед зрителями широкомасштабные концертные и театрализованные шоу-программы. Например, ежегодные национальные конкурсы красоты, проводимые «Интерземлячеством студентов города Новосибирска» (студенческие сообщества республик Алтай, Бурятия, Хакасия, Тыва, Якутия).

В торговых центрах, в пространстве которых не предусмотрено зонирование под сценическую площадку, проводятся выставочные мероприятия, мастер-классы, презентации, квесты, игры и др.

Подводя итоги исследования, необходимо обозначить, что торговые центры в городе давно стали элементом городского социокультурного пространства, в том числе пространством реализации различных межэтнических практик. Данное обстоятельство необходимо учитывать в своей работе органам исполнительной власти и институтами гражданского общества, организующими работу по развитию этнокультурной толерантности среди горожан.

Список литературы:

1. Дерига Е.С. Культурная гетерогенность или конфликт культур? К вопросу об интеграции учащейся молодежи из ближнего зарубежья в местное сообщество // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. - 2012. - №1. - С.128-136.
2. Мусина И.А., Горбунова В.С. Молл как новая форма общественного центра на примере города Пенза // ПНиО. - 2013. - №6. – С.200-205.
3. Осьмук Л.А. Взаимодействие социальных миров: К проблеме конвенциональных отношений. – Новосибирск: Наука, 2004. – С.93.
4. В каких городах России больше торговых центров [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://realty.rbc.ru/articles/28/02/2014/562949990697302.shtml> (Дата обращения: 16.01.2017)
5. Барахолка утроилась (фоторепортаж) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://news.ngs.ru/articles/50146853/> (Дата обращения: 02.02.2017)

Таблица №1.

Количество мероприятий, связанных с поликультурностью, в торговых центрах города Новосибирска за период 2014-2016 гг.

(по материалам анализа городских средств массовой информации)

№ п/п	Наименование торгового центра	Количество мероприятий	Масштаб	Тип объекта
1.	«Сибирский Молл»	14	Окружной	Торгово-развлекательный центр
2.	«Галерея Новосибирск»	10	Региональный	Торгово-развлекательный центр
3.	«Мега»	19	Региональный	Семейный
4.	«Сан-Сити»	15	Окружной	Многофункциональный комплекс
5.	«Большая Медведица»	0	Окружной	Торгово-выставочный комплекс
6.	«Роял Парк»	6	Окружной	Торгово-развлекательный центр
7.	«Версаль»	0	Районный	Торгово-развлекательный центр
8.	«FestivalGallery»	0	Районный	Торговый Центр
9.	«Голден Парк»	0	Районный	Торгово-развлекательный центр

10.	ТЦ «Академ-городка»	0	Районный	Торговый центр
11.	«НордСити-Молл»	2	Окружной	Торговый центр

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Н.Л. Лыткина

Университет управления «ТИСБИ», г. Набережные Челны

Г.М. Бахаева

Университет управления «ТИСБИ», г. Набережные Челны

В статье рассматриваются проблемы и подходы поликультурному образованию в высшей школе. Изучаются задачи образовательных процессов с позиций интеграции образования и культуры в системе обучения бакалавров и магистров. Представлен опыт создания поликультурного пространства в образовательном учреждении.

***Ключевые слова:** поликультурное образование, ценности поликультурного образования, гуманизация высшей школы, технологии диалога.*

Возрастание роли высшего образования в современном обществе обусловлено новыми задачами, встающими перед образованием в связи с нарастанием конфликтности в современном мире. Увеличение количества разрушительных локальных конфликтов угрожает перерасти в новые мировые войны на этнической и религиозной основе, рост других форм насилия приводит к массовой гибели людей. Усилия современных политиков перевести конфликты в русло мирного поиска урегулирования разногласий при помощи создания

поликультурного пространства в образовании становятся ключевым звеном в реализации мира на земле.

Поликультурное образование призвано обеспечивать интеллектуальную и нравственную подготовку к жизни новых поколений, способных овладеть ценностями и навыками мирных путей преодоления конфликтов и споров на всех уровнях - от межличностных до международных отношений. Так, М. Крозье утверждал, что хорошо образованного человека выделяет способность к эффективной коммуникации, к «человеческим отношениям», к сотрудничеству [3, с. 142].

Существенным фактором, который необходимо учитывать, рассматривая пути реализации идеи поликультурного образования, является серьезный кризис, который переживает современная система образования во многих странах. Высшее образование в XX веке сделало существенный рывок в своем развитии, названный «взрывом образования», но при этом не сумело удовлетворить потребности эпохи в «очеловечивании человека». Произошел перекося между информирующей и воспитывающей функциями образования в пользу первой, что привело к технократической рациональности и пренебрежению к гуманистическим ценностям.

Для решения задач выхода из кризиса образования необходимо сформулировать пути перехода от знаниецентрического образования к образованию культуросообразному, человекообразующему, гуманизирующему, инновационно-креативному. Собственно такое образование позволит человеку сделать ответственный выбор мысли и действия, направляющий его к сохранению жизни, культуры, природы.

За годы реформ в вузовской педагогике России воспитательная работа в основном носила формальный характер, что деформировало педагогический процесс. Во

многим учреждениям образования решали триединую образовательную задачу: обучение, развитие, воспитание будущих специалистов и граждан. В 90-е годы учебные заведения были ориентированы на передачу знаний и информации, и в обществе значительно увеличилось количество молодых людей с девиантным поведением, лишённых высоких гражданских качеств, характерных ранее для молодёжи нашей страны.

Поликультурное образование формирует в учебно-воспитательном процессе у подрастающего поколения гуманистические ценности и идеи мира, отказ от насилия в ходе разрешения конфликтов, толерантность и диалог, гражданственность и приоритеты демократии. В последние годы идет интенсивное обновление вузовской системы, происходит процесс гуманитаризации высшей школы. Поэтому поликультурное образование может стать единой платформой воспитания бакалавров и магистров новой формации, готовых ответить на вызовы новой эпохи.

Создание поликультурного пространства в образовании поможет новому поколению предотвращать и разрешать конфликты путем сотрудничества, научит локализовать и переводить их в мирное русло. Такие задачи могут быть поняты и приняты и как способ выживания человечества, и как программа развития общества. Такая работа займет не только многие годы и потребует немалых усилий, но и приведет к тому, что практика развития реальной демократии научит людей демократической политической культуре, уважению к закону, правам человека, терпимости и ненасилию.

Вузовская среда имеет все возможности для формирования прогрессивного стиля мышления и рационального поведения студентов, для новой генерации бакалавров и магистров, которым предстоит вносить коррективы в концепцию и стратегию реформирования

общества, обеспечивать его устойчивое и динамичное развитие [2]. Предстоит смена ценностных ориентаций молодежи, чтобы освоить технологии диалога, приобрести практические навыки эффективной коммуникации, заложенных в процесс обучения. Возрастает роль профессорско-преподавательского состава, поскольку преподаватель является примером толерантности, уважения студентов, умения переводить споры и конфликты в русло делового обсуждения проблемы. Возрастает роль прямого контакта между студентом и преподавателем и между самими студентами. Такое взаимодействие становится активным и решающим фактором, определяющим качество и результаты процесса обучения [1, с. 16]. Студенты, усвоив на практике в учебном процессе приоритеты поликультурного пространства и толерантных отношений, будут активными сторонниками продвижения в стране демократии, гражданского общества и цивилизованного рынка, правового государства. Компетенции в области технологий ведения переговоров, разрешения конфликтов, высокая деловая и общегуманитарная культура дают возможность выпускникам реализовать свои компетенции и в нашей стране, и за рубежом.

Современная учебная аудитория в вузах России представляет собой сплав культурного многообразия. Многие преподаватели вузов отмечают необходимость обновления содержания системы обучения и воспитания, отражающего знание и понимание других народов, их истории и культуры, осознания общности единства судеб человеческих сообществ.

Среди необходимых компетенций, формируемых в ходе профессиональной подготовки, должны быть такие, как открытость, солидарность и сопричастность, приоритет переговорных механизмов в регулировании споров,

неприятие и понимание опасности насилия, отчуждения, ненависти. Такие качества формируют выпускников как профессионалов, обеспечивают их конкурентоспособность.

Практика взаимодействия в поликультурном пространстве развивает деловую культуру, корректность, способность к эффективной коммуникации, которые особенно необходимы в маркетинге, менеджменте, в политике и других видах экономической деятельности и бизнесе.

Создание поликультурного пространства в образовании должно начинаться с обучения преподавателей и студентов различению симптомов нетерпимости на ранних стадиях и в неявных формах: оскорбительной и пренебрежительной лексики в адрес другой культуры, пола или религии, поведенческих выходов или изоляции, создания конфликтующих группировок, приводящих к созданию конфликтной среды и требующих настойчивой и умелой профилактики.

В процессе создания поликультурного пространства в Университете управления «ТИСБИ» и в практике работы со студентами мы опирались на три ключевые установки.

Первая - это многовековые традиции и опыт совместного мирного проживания многих народов разных культур, языков и религий в районе Волги и Урала. Этот опыт прошлых поколений питает и облагораживает культуру и отношения ныне живущих здесь людей. С огромным интересом изучают студенты курс истории Татарстана, в котором преподаватели акцентируют их внимание на примерах традиций межкультурного диалога и сотрудничества.

Вторая - нравственная привлекательность философии толерантности, уважения и внимания к национальному достоинству людей, которые работают, учатся, живут вместе. В учебных группах и на потоках, где преподаются

конфликтология, преподаватели целенаправленно создают психологическую атмосферу нравственного комфорта от ощущения национального мира. В такой атмосфере становятся практически невозможными проявления хамства, пренебрежения, унижающих тех людей, которые относятся к иной нации, культуре, вере. Недопустимы насмешки, использование негативных стереотипов. Увлеченно работают студенты над формулированием принципов и правил межнационального общения, исключающего конфликты. Первым принципом чаще всего называют следующий: истинное благополучие коренной («титальной») нации не может быть достигнуто за счет ущемления прав и свобод других национальностей.

Третья - права человека. Цивилизованная трактовка проблемы состоит в том, что права человека выше прав нации. Нормы и законодательство в области прав человека являются тем минимумом уважения к другим, ниже которых люди и общество встают на путь нетерпимости и нарушения прав человека.

Поликультурное пространство создает новую ментальность, и ее невозможно построить по приказу сверху, она «выращивается» по инициативе снизу, на себе и своих студентах, начиная с осознания необходимости смены старых стереотипов мышления и отживших ценностей. Нужна очень хорошо продуманная работа, опирающаяся на опыт и достижения педагогики, психологии, конфликтологии, чтобы убедить молодых людей в необходимости смены парадигм и стереотипов мышления, ненавязчиво, но умно - в расчете на здравый смысл юношей и девушек - показать преимущества и выгоды ненасильственного урегулирования конфликтов, компромисса и созидательного сотрудничества.

Система вузовского образования России не только сохранилась как одна из признанных, крупнейших в мире

образовательных систем, но по ряду направлений начала реализацию прогрессивных перемен: количественных и качественных, структурных и функциональных. В этом подтверждение наличия значительного потенциала, необходимого для успеха проведения модернизации системы.

Вузы России внимательно анализируют мировые тенденции в развитии всемирной системы высшего образования и пытаются направить процессы российских реформ в русло мировых тенденций. Динамично развивается интеграция российской системы высшего образования в мировую систему.

Высшая школа обрела опыт, адаптировалась к новым условиям, она учится на своих и чужих ошибках достойно жить и решать новые задачи. Появилось концептуальное видение основных направлений развития высшей школы России, положенное в основу крупных федеральных проектов.

Вузы России возвращаются к реализации своей традиционной миссии воспитания бакалавров и магистров, в чём видят возможность повышения их качества до мирового уровня. Нравственно-мировоззренческой основой этой работы всё чаще выступает концепция поликультурного образования, представляющая синтез общечеловеческих ценностей: мира, сотрудничества, ненасилия, толерантности, диалога.

Список литературы:

1. Бочкарева Т.Н., Бахаева Г.М., Бахаева Т.Н. Познавательная активность студентов как детерминанта профессиональной компетентности будущих специалистов // Научное обозрение. – 2014. – №9. – С.289-292.

2. Высшее образование в XXI веке. Подходы и практические меры. Всемирная конференция. На пути к

повестке дня на XXI век в области высшего образования. Рабочий документ. ЮНЕСКО. Париж, 1998 г. – С. 16.

3. Крозье М. Народное образование: бессилие системы / М.Крозье // Высшее образование в России. – 1998. – №2. – С.142-144.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ АТТРИБУТ ИСЛАМСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

И.С. Мавляутинов

Казанский федеральный университет, г. Казань

Проблема толерантности в рамках исламского мировоззрения имеет важное значение в формировании стабильных устойчивых отношений в современном поликонфессиональном обществе. Принципы толерантности в исламе как одной из мировых религий, являясь его атрибутами, были заложены еще на стадии становления вероучения. Еще при зарождении ислама основоположником применялась практика договоров и гарантий прав и свободы вероисповеданий.

***Ключевые слова:** религия, ислам, толерантность, договорная практика, свобода вероисповедания.*

Формирование устойчивых и гармоничных межкультурных и межэтнических отношений невозможно без осознания необходимости и четкого понимания значения такого социокультурного феномена, как толерантность. Важное значение толерантности, как одной из самых острых проблем современности, объясняется резким расслоением мировой цивилизации по экономическим, социальным, религиозным признакам и связанным с этим ростом нетерпимости.

Как и все мировые религии, ислам проповедует уважение к другим, призывает к справедливости,

совершению добра и блага. Веротерпимость и толерантность, - неотъемлемые атрибуты исламского мировоззрения. Согласно исламскому учению, терпимость как моральная необходимость помогает человеку продвигаться к поставленной цели - к спасению.

Идеи терпимости, принципы сострадания и мирного сосуществования с другими культурами и религиями являются главными ценностями ислама с самого начала его зарождения.

Документальным примером проявления веротерпимости являются договоры, заключенные пророком Мухаммедом с различными племенами. Первыми такими договорами в истории ислама являются Мединский договор (Мединская конституция) между мусульманами и иудеями и заключенный в 628 г. в долине ал-Худайбийе договор, определяющий основы взаимодействия мусульман и мекканских язычников.

Мединский договор устанавливал для всех религиозных общин Медины равенство прав и право на свободу вероисповедания. Будучи религиозным большинством в Медине, мусульмане гарантировали иудеям равенство в правах и обязанностях. Один из пунктов этого документа гласит: «Защита и покровительство Аллаха едины для каждого из верующих; если даже самый незначительный верующий пользуется этой защитой и этим покровительством, то это считается общим для всех, ибо все верующие, в отличие от других, являются братьями (друзьями)» [5, с. 112]. Следует особо отметить, что в Мединском договоре иудеи и мусульмане провозглашались одной общиной верующих в единого бога (ал-муминун), хотя и исповедующими различные вероисповедания (дин). «Евреи племени Бани Ауф вместе с верующими составляют одну группу. Религия евреев – своя, верующих – своя. Евреи останутся при своей,

мусульмане при своей религиях». В Коране особо обозначено и отношение к христианам: «Ты также непременно найдешь, что ближе всех в любви к верующим являются те, которые говорят: Мы – христиане» [2, 5:82].

О толерантности в исламе свидетельствуют не только аяты Корана, хадисы пророка Мухаммеда, об этом свидетельствуют и многочисленные исторические документы. Известные арабские биографы Мухаммада Ибн Исхак (Абу Абдаллах Мухаммед, VIII век) и Ибн Хишам (Абу-Мухаммад Абд аль-Малик Ибн-Аюб, IX век) [4, с. 122, 138], описывая встречу делегации христиан Наджрана с пророком Мухаммадом, свидетельствуют, что когда гости выразили желание помолиться в мечети по их христианской традиции, тот не возражал этому.

Известны слова Мухаммада: «Кто притеснил иноверца, или поправил его права, или возложил на него то, что свыше его сил, или взял у него что-либо без его сердечного согласия, то я буду выступать против того обвинителем в Судный День» [2]. Ислам приветствует многообразие народов и верований, свободу выбора, провозглашая религию делом совести каждого человека, отвергая любое насилие в этом отношении: «Нет принуждения в вере» [2, 2:256]; «Истина — от вашего Господа. Кто хочет, пусть верует, а кто не хочет, пусть не верует» [2, 18:29].

Терпимость (толерантность) в исламе подразумевает признание прав на существование и уважение веры и культуры другого человека. Учение ислама о толерантности построено на основе справедливости ко всем, без различий. В Коране говорится: «Воистину, Аллах повелевает блюсти справедливость, делать добро...» [2, 16:90].

В отличие от размытого «либерального» понятия толерантности, терпимость в исламе имеет четкие

критерии беспристрастности, благородства и добродетельности, которые распространяются на всех людей без исключения. «...Следуй прямым путем, как тебе было велено.... нам достанутся наши деяния, а вам — ваши деяния. Нет места доводам (дальнейшим спорам) между нами и вами...» [2, 42:15].

Вместе с этим, в исламе не признаётся толерантность к аморальности, оскорблению национальных и религиозных чувств, унижению или насилию. Неприятие насилия, опасность личности, семье, обществу, природе, государству – вот водораздел толерантности в исламе. «Аллах не запрещает вам быть добрыми и справедливыми с теми, которые не сражались с вами из-за религии и не изгоняли вас из ваших жилищ. Воистину, Аллах любит беспристрастных. Аллах запрещает вам дружить только с теми, которые сражались с вами из-за религии, выгоняли вас из ваших жилищ и способствовали вашему изгнанию. А те, которые берут их к себе в помощники и друзья, являются беззаконниками» [2, 60:8-9.]

О равенстве всех людей на земле, об их общем происхождении говорится в следующем аяте : «О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одного человека, сотворил из него пару ему и расселил много мужчин и женщин, произошедших от них обоих. И бойтесь разрывать родственные связи» [2, 4:1]. Разнообразие народов, цветов кожи и языков является в исламе дополнительным основанием для взаимного общения людей, для познания друг друга: «Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга...» [2, 49:13].

Ислам не различает людей по каким-то признакам. Все, и посланники, и пророки равны под единым Богом. «Мы не делаем различий между Его посланниками» [2, 2:285]. Толерантность как главная ценность во

взаимоотношениях между людьми, как необходимое условие выживания человечества должна стать социальной нормой современного общества. Ислам как социальная доктрина, как регулятор быта и поведения, этики и всего образа жизни мусульман призывает уважать последователей других вер и мировоззрений. «О те, которые уверовали! Будьте стойки ради Аллаха, свидетельствуя беспристрастно, и пусть ненависть людей не подтолкнет вас к несправедливости. Будьте справедливы, ибо это ближе к богобоязненности. Бойтесь Аллаха, ведь Аллах ведаёт о том, что вы совершаете» [2, 5:8].

Таким образом, закладывая в условия реализации веры установку на добродетельность и терпимость, ислам глубоко толерантен по своей сути. Чёткий идеологический посыл ислама однозначен: приверженец ислама будет настолько толерантен, насколько глубока его вера и праведен его путь к Богу.

Ислам призывает вести религиозные споры мудростью и увещанием: «Призывай к пути своего Господа мудростью и добрым увещанием и веди спор с немусульманами наилучшими словами» [2, 16:125]. А в суре "аль-Бакара" сказано: "Говорите людям приятное" [2, 2:83]. Аль-Газали описывает, как после похода на Мекку Мухаммад не заставил её население принять ислам после окончательной победы над ними, а отпустил их, сказав: «Идите, вы свободны!» [1, 118-120с.]. Ислам призывает к добродетели: «Отклоняй зло добром, и тогда, в скором времени, тот, с которым ты враждуешь, будет твоим близким другом» [2, 41:34].

Агрессивность в любом её проявлении категорически отрицается в исламе. Даже во имя борьбы за свою веру мусульманам дозволено лишь защищаться: «Тем, которые подвергаются нападению, дозволено сражаться» [2, 22:39].

«Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не преступайте (дозволенных границ). Поистине, Аллах не любит агрессивных» [2, 2:190]. Это указывает на то, что даже разрешая сражаться, чтобы защищаться, ислам не разрешает преступать дозволенные границы и совершать агрессию.

Таким образом, ислам констатирует и подтверждает факт сосуществования разных цивилизаций, религий, народов и культур и не только не призывает их уничтожить, но и требует относиться к ним с терпением, стремиться к диалогу и взаимообогащению, лишь постоянно напоминая, что истинной религией может быть только одна, и мусульмане должны пытаться мирным путем распространить ее во всем мире. Исламская версия толерантности выглядит более рациональной по сравнению с либеральной, так как предполагает ведение диалога, с сохранением собственного достоинства, добродетелью и мудрым увещанием. Толерантность ислама, основанная на его рационализме и философии, предполагает не ассимиляцию одной культуры другой, не параллельно-отстраненное существование, а взаимообогащение и развитие разных культур, познание и единение людей.

Список литературы:

1. Аль-Газали. Сто вопросов об исламе. Часть 1, Дар Сабит, 1983. - С. 118, 120.
2. Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка Мухаммада. Перевод с араб. Н.А. Гайнуллина. - М.: Умма, 2002. - С. 652.
3. Коран: Перевод смыслов Э.Р. Кулиева. - М., 2003. – 688 с.
4. Крымский А. Е. Источники для истории Мохаммеда и литература о нем. Т.1. - М., 1902. - С. 122, 138.

5. Мединская конституция: интернет-ресурс http://zikr.biz/publ/medinskaja_konstitucija/2-1-0-159; Харун Яхья. Ислам проклинает террор. – Астана: Культура Паблишинг, 2002. - 112 с.

**«КАК ЛЮДИ НА БЕЛОМ СВЕТЕ ЖИВУТ»:
ЕВРОПЕЙСКИЕ НАРОДЫ В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ
Е.Н. ВОДОВОЗОВОЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА**

Т.А. Магсумов

Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны

К.О. Мещеряков

Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны

В статье презентуются результаты источниковедческого и этнологического исследования энциклопедий крупного дошкольного педагога дореволюционной России Е.Н. Водозовой. Изучение двух энциклопедий – «Жизнь европейских народов» и «Как люди на белом свете живут» – сфокусировано на попытке показать их разнообразие, дать представление об их содержании, систематизировать энциклопедии для облегчения их использования и снабдить методикой работы с ними. Резюмируется одновременно популярный и научный характер этих изданий, сделавший их востребованными в широкой читательской аудитории.

Ключевые слова: образование; история; этнография; страноведение; Российская империя; Европа; энциклопедия; Е.Н. Водозова.

Автор одной из первых в России концепций дошкольного воспитания Елизавета Николаевна

Водовозова (1844-1923) была также популярной детской писательницей. Эти два аспекта ее деятельности подверглись достаточно полному изучению. Однако ее энциклопедические работы для детей и юношества не получили столь пристального внимания в педагогической науке и использовались в основном в работах историков, изучающих различные аспекты повседневности европейских стран и народов конца нового времени.

Речь идет о двух ее взаимосвязанных работах – «Жизнь европейских народов» и «Как люди на белом свете живут». Эти энциклопедии представляют особую важность своей репрезентацией образов больших и малых европейских наций в сознание российских детей, отражающей как общую характеристику внешней и национальной политики Российской империи в отношении европейских стран и народов, так и воззрения демократических элементов (в данном случае – автора энциклопедий) на эту проблему.

Первоначально были подготовлены три тома «Жизни европейских народов» (начавшие издаваться с 1875 г.), предназначенные для юношеской аудитории и состоявшие из книг с точными и лаконичными подзаголовками: Жители Юга, Жители Севера, Жители Средней Европы.

Необходимость издания таких книг она обусловила недостатками имеющихся работ. В частности, Е.Н. Водовозова сетует, что на момент написания книг отсутствовало сочинение, которое бы затрагивало не только чисто географическое или общественно-политическое положение, но и «общее, популярное изложение быта европейских народов во всех его разнообразных проявлениях», хотя существует множество изданий о народах Америки, Африки, Азии, или же об отдельных европейских странах [3, с. IV; 1, с. III]. Изначальная задумка автора, пройдя ряд серьезных

трансформаций, превратила работу Е.Н. Водовозовой в первую обобщающую этноисторическую энциклопедию европейских народов.

В самом начале предисловия автор раскрывает главную цель своего труда – «познакомить читающую публику с жизнью европейских народов» [1, с. III]. Такая постановка цели сразу же ориентирует читателей на научно-популярный характер работы. Говоря о более частных задачах этого труда, можно отметить, что, по мысли самой Е.Н. Водовозовой, особенное внимание она уделила таким аспектам, как «обычаи народа, нравы, верования, ... общественное и политическое устройство» [2, с. I]. Описание природы она затрагивала лишь в тех случаях, где она имела решительное влияние на уклад жизни общества: например, указывая, что голландцы боролись с морем путем построения новых плотин, шлюзов. Таким образом, работа имела не физико-географический характер, а, скорее, была трудом по социально-экономической географии, что во многом объяснялось ее популяризаторской направленностью.

Что же касается задачи сочинения, то она тоже присутствует в первом томе: «Главная задача нашего труда – дать по возможности полную и всестороннюю картину жизни каждого европейского народа, то есть познакомить читателей с наиболее распространенными обычаями того или другого народа, с его общественной и семейной жизнью, со степенью его умственного и нравственного развития, а также с его экономическим и политическим положением» [1, с. IV].

Именно эта задача породила план-схему всех томов: «мы подробно останавливались на различных обрядах народа, на описании одежды, пищи, на народных увеселениях и суевериях, песнях, жилищах, на домашней обстановке, на положении женщины, на отношении между

собой членов семьи, на положении земледельческого и фабричного населения, на занятиях народа и на главнейших предметах его промышленного производства, на жизни средних и высших классов общества, наконец на характере политической жизни» [1, с. IV].

В предисловиях к каждому тому автор давала его небольшую своеобразную картосхему, включающую причинную сводку того, что конкретно будет рассмотрено и почему. Например, говоря об Ирландии, она пишет, что прежде всего надо остановиться на прошлом этого народа, так как нынешние национальные достоинства ирландцев будут непонятны для человека, который не знаком с их прошлым [2, с. IV].

Колоссальный интерес представляет творческая лаборатория автора, своеобразие и трансформации в которой на протяжении долгих лет работы над книгами и их переработке при новых изданиях частично озвучены самим автором в предисловиях, а частично заметны при сравнении разных изданий книг, а также, естественно, открываются при прочтении и изучении ее работ.

Особенно сложным при изучении народов является соблюдение принципа объективности. Как отметила сама Е.Н. Водовозова, она старалась быть совершенно объективной и беспристрастной [2, с. IV]. То есть указывая на заслуги народа, она также говорила и о его недостатках. Так, описывая англичан, она говорит, что у них есть «до фанатизма доходящая ненависть к побежденным народам ..., всепожирающая страсть к деньгам и наживе», но в то же время они всегда готовы пожертвовать деньги на какое-нибудь гуманное дело [2, с. IV].

Раскрывая опыт работы над своим сочинением, Е.Н. Водовозова отмечает, что методика ее работы состояла в следующем. Изначально следуя заданной цели, по мере накопления материалов она стремилась к

выработке плана и необходимости твердого следования ему, «чтобы не увлечься подробностями и в тоже время не упустить ничего наиболее характерного» [3, с. IV]. Указывая при этом на многосложность своей задачи, она признавала, что такая методика усложняла работу: «приходилось по нескольку раз переделывать уже готовые статьи или оставлять без употребления уже обработанный материал лишь потому, что он несоразмерно увеличил бы объем книги» [3, с. IV]. Исследователь отмечала, что сбор материала отнял много времени и труда при том, что по отдельным вопросам она смогла воспользоваться сведениями из иностранных специальных сочинений. Большой же частью материал отбирался из различных статей и брошюр, а также сверялся между собой или отыскивался в капитальных трудах. Возможное не вполне удовлетворительное описание картины быта, которое мог встретить читатель, она объясняла крайним недостатком материала [3, с. IV].

Отдельно стоит сказать о наглядности в книге – не только о рисунках, но и тексте. Материалом для подготовленных художниками В.М. Васнецовым, Пановым, Голембиовским и Брожем иллюстраций, которыми богаты тома этого издания, по большей части послужили собранные Е.Н. Водовозовой фотокарточки, изображающие реальные лица из народа, снятые на месте их жительства [1, с. IV]. Наглядность отражена не только в рисунках – она постоянно присутствует в тексте посредством изображений. Автор отмечает, что «задавшись целью изобразить действительную жизнь каждого из европейских народов, мы давали и внешнее описание главнейших городов и вообще так называемых достопримечательностей, но настолько, насколько они выражают степень развития и характер народа» [1, с. III].

Популярный характер энциклопедии наложил

неизгладимый отпечаток на ее язык. Характерной чертой при описании европейских народов является то, что автор использует эпитеты, благодаря которым акцентирует внимание читателя на важных моментах жизни или качествах народов. Например, говоря о голландцах: «изумительные сооружения; их неустанная борьба с морем»; об ирландцах: «несчастный народ»; об англичанах: «замечательно комфортабельная, безумная роскошь» и т.д. [2, с. III-IV].

Нельзя не отметить пристальное внимание Е.Н. Водовозовой к славянам, «так как этот предмет, в высшей степени для нас интересный, еще не был у нас представлен в сколько-нибудь цельном и популярном изложении» [1, с. IV]. Автор особо подчеркивает, что не могла «опустить без внимания тяжелой, вековой борьбы между германскими и славянскими племенами, в которой одни из славянских племен изнемогают и делают быстрые успехи в германизации, ... другие – не только оказывают энергичное сопротивление онемечиванию и мадьяризации, но даже сами славянизируют немцев и мадьяр, которых судьба забросила между ними» [3, с. IV]. Подобное внимание к славянам в Российской империи не случайно. Национально-освободительная борьба славян на юго-востоке Европы шла полным ходом, и крайне важно было показать их бедственное положение в европейских странах. Более важен был и незримый с первого взгляда акцент на спасительной роли России в освобождении славянских народов из - под гнета европейских национальных государств.

Судя по всему, книга была очень популярной, и в публикации 1897 г. автор упоминает, что это уже пятое издание книги [1, с. IV]. Последнее обнаруженное нами издание – 1903 г. В среднем по четыре издания выдержала и другая энциклопедия Е.Н. Водовозовой – «Как люди на

белом свете живут», также посвященная описанию народов Европы.

Первый том этой энциклопедии появился в 1894 г., а последний переизданный том относится к 1917 г. Работу над книгами автор продолжила с теми же художниками. Вообще, стоит отметить, что иллюстрации мастера исторической и фольклорной живописи Виктора Васнецова придали книге особый колорит.

Эта энциклопедия стала своеобразным продолжением «Жизни европейских народов», что породило упреки в сторону Е.Н. Водовозой, состоявшие в том, что новая серия книжек – лишь перепечатка ее очерков из «Жизни европейских народов». В свою защиту автор написала: «в настоящем своем виде очерки в книжках под названием «Как люди на белом свете живут» представляют не простое сокращение, а полную переработку с новыми главами, которых нет в книгах «Жизнь европейских народов» [5, с. 3] «для иного круга читателей» [6, с. 1]. Автор уточняет и специфический читательский адрес этой энциклопедии: «я имела в виду всех тех, кто не может приобретать дорогих книг и не имеет досуга для чтения больших по объему сочинений, особенно же читателей, которые требуют общедоступного изложения» [6, с. 1], «чтобы по форме и содержанию книжки ... приноровить для большего круга читателей» [4, с. 2]. Действительно, по сравнению с «Жизнью европейских народов» очерки в «Как люди на белом свете живут» были сокращены примерно в два раза, написаны более простым и образным языком, в них добавлены новые главы, рисунки разбавлены новыми иллюстрациями. Так, даже постановка автором цели своего сочинения явно обращена к интересам простого народа: «эти книжки представляют описание наиболее замечательных народов западной Европы и знакомят читателей с их нравами и обычаями, их радостями и

невзгодами, с их трудами и заработком, с выдающимися чертами семейной и общественной жизни всех сословий, а также с образом правления...» [6, с. 1].

Все это, вкупе с информативностью издания, сделало серию из 10 книг «Как люди на белом свете живут» прекрасным образцом популярной энциклопедической литературы для широких слоев населения.

Обе энциклопедии Е.Н. Водовозовой стали первым опытом энциклопедического издания популярного характера в России по этнической и социально-экономической географии Европы. Не менее важно и то, что значительное внимание в этих изданиях уделено славянским народам, вызывавшим большой интерес у российского читателя. Была проделана колоссальная работа по изучению всех сторон жизни населения разных стран, без особого акцента на политических моментах. Энциклопедии пользовались популярностью и выдержали по несколько изданий. Все это не могло не способствовать адекватному и толерантному восприятию российскими детьми и широкими слоями населения образов европейских народов, содействуя диалогу культур России и Европы.

Список литературы:

1. Водовозова, Е.Н. Жизнь европейских народов. Т. 1. Жители юга / [Соч.] Е.Н. Водовозовой ; с 26 рис. худ. Васнецова. – 5-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : типографии «Балашев и Ко», «Эдуарда Гонне», 1897. – XII, 652 с., из них 2 с. объявл., 26 л. ил.

2. Водовозова, Е.Н. Жизнь европейских народов. Т. 2. Жители севера / Геогр. рассказы Е. Водовозовой ; с 24 рис. В.М. Васнецова (и Панова). – Санкт-Петербург : типографии Ф. Сущинского, Котомкина, 1878. – XVI, 545 с., 24 л. ил.

3. Водовозова, Е.Н. Жизнь европейских народов.

Т. 3. Жители Средней Европы / [Соч.] Е.Н. Водовозовой ; с 24 рисунками худ. Голембиовского, Панова и Брожа ; гравюры на дереве гг. Регульского, Хелмицкого, Адта и др. – Санкт-Петербург : типография Товарищества «Общественная польза», 1883. – 569 с.

4. Водовозова, Е.Н. Как люди на белом свете живут: Турки / [Соч.] Е. Водовозовой. – Санкт-Петербург : скл. изд. у автора, 1894. – [4], 158 с., [6] л. ил.

5. Водовозова, Е.Н. Как люди на белом свете живут: Чехи. Поляки. Русины / [Соч.] Е. Водовозовой; с 8 картинками худож. В.М. Васнецова и др. – Санкт-Петербург : тип. Балашева и К°, 1897. – [IV], 184 с., из них 3 с. объявл., [6] л. ил.

6. Водовозова, Е.Н. Как люди на белом свете живут : Швейцарцы / [Соч.] Е. Водовозовой; с 10-ю картинками худож. В.М. Васнецова и др. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Коммерческ. скоропеч. А. Гольдберга, 1904. – [4], 166 с., [8] л. ил.

РЕЛИГИОЗЫЙ ФАКТОР В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

В.А.Матвиенко

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
г. Елец

В статье рассматриваются отдельные методологические вопросы влияния религиозного фактора на межнациональные отношения. Автор определяет нарастающую актуальность данной исследовательской проблематики. В работе устанавливается, что влияние религиозного фактора на осуществление межнациональных отношений имеет многоаспектный характер. Автор подчеркивает особую необходимость

изучения межнациональных отношений для оптимизации и решения проблем национальной и конфессиональной консолидации общества с учетом этнокультурной и религиозной самобытности.

Ключевые слова: *межнациональные отношения, политика, религия, межнациональное взаимодействие, конфессии, идеология, мировоззрение.*

Анализ межнациональных отношений в современном мире сложно провести без обращения к политической традиции, на которую оказывали влияние и социально - экономические, собственно политические и исторические события.

Особую роль в построении межнациональных отношений сыграл религиозный фактор, который повлиял на становление в нашей стране национальной идентичности, обеспечил стабильность политической системы в сложных переходных условиях. К тому же, изменения конфессионального состава в нашей стране в прошлом были часто связаны с политическими трансформациями, будь то включение в состав государства новых территорий или, напротив, их утрату. В этих условиях религиозный фактор усиливает свое вмешательство в сферу национальной политики. Все эти позиции требуют постоянного осмысления механизмов стабилизации межнациональных отношений.

Но, в конечном счете, определяющим фактором была православная религия, так как именно она формировала социально - психологические установки и общекультурные ориентации людей, проживающих в ее ареале.

Исследование религиозного фактора в контексте межнациональных отношений всегда было актуальным в политической науке. Какую бы позицию по отношению к религии ни занимали народы, государства или отдельные люди, проблема разнопланового и разноуровневого

влияния религии на межнациональные отношения остаётся в центре исследовательского поля с глубоких исторических эпох. Так, в античности, когда религия еще не оформилась как социальный институт, да и само понятие и смысл государственного устройства претерпевали постоянные изменения, влияние религии на межнациональные отношения было минимальным. В период Средневековья религия завоёвывает главенствующие позиции во всех сферах общества, в том числе и в процессе межнационального взаимодействия. Духовная жизнь и менталитет феодального общества Западной Европы отличались глубокой религиозностью. Католическая церковь являлась могущественным феодальным институтом. Христианская мораль и этика внедряла в общественное сознание нравственные ценности, служившие основой межнационального общения, общечеловеческой культуры и европейской цивилизации. Следует также подчеркнуть позитивную роль христианства и католической церкви, просветительскую деятельность духовенства, социальную функцию защиты обездоленных, политических институтов, в оформлении семейно-брачных отношений и преодолении пережитков обычного права, кровной мести и произвола. История католицизма столь же противоречива, как и вся эпоха Средневековья. Христианство в Западной Европе утверждалось путем жесточайшего насилия над личностью. Беспощадная борьба с языческим культом и ересями сопровождалась истреблением десятков и сотен тысяч людей, видевших иное толкование Священного Писания. Христианский фанатизм достиг своего апогея в эпоху инквизиции. Гуманистическая идеология, соборное движение, а затем и Реформация привели к существенным изменениям в религиозной идеологии и организации религиозных общин.

В новое время интерес к данному вопросу не ослабевает, а напротив - переходит на новый исследовательский уровень. В европейских государствах в это время можно обнаружить отдельные элементы формирующегося научного дискурса по данной проблеме. Этот всплеск научной мысли был вполне объясним и закономерен. Эта историческая эпоха характеризуется кардинальной «перелицовкой» европейской политической карты, а также тщательной ревизией европейских межнациональных отношений, которые формировались европейскими континентальными империями с использованием религиозных идей.

XIX век в контексте межнациональных отношений стал апогеем предыдущих веков строительства межнациональной политики. Но вместе с тем именно в этот период были заложены предпосылки для возникновения и широкого распространения националистических движений, использующих религию в качестве идеологической основы своей деятельности.

На рубеже XIX-XX веков в научном сообществе возникло множество исследовательских школ, изучающих межнациональные отношения в свете проводимых преобразований в обществе с целью их гармонизации. Именно в это время сформировалось четкое представление о том, что нации и религии не могут существовать изолированно друг от друга. Религия выступает конфликтогенным фактором во многих волнениях, выступлениях, восстаниях, революциях и войнах прошлого.

Анализ межнациональных отношений осуществляется на основе комплексного исследования обозначенной проблемы, в двух исследовательских плоскостях:

- *первая* - социально-политические и экономические условия в том или ином государстве;

- *вторая* - конкретная специфика отдельных регионов, конфессиональной территории и уровень их взаимодействия.

Усложнение методологии религиозного фактора в межнациональных отношениях в ряде случаев происходит из-за того, что постоянно возникает необходимость в соотнесении методологических принципов, позволяющих изучать закономерности развития отдельных наций в связи с общественным развитием. Затем, по тому же принципу исследуются закономерности развития отдельных религий, и той же операции подвергается личность и ее влияния на общественный прогресс.

После всего, происходит сопоставление всех проработанных частей на основе деятельного принципа. При таком варианте построения методологии исследования религиозный фактор анализируется в процессе объединения или разъединения различных народов на территории одного государства и взаимодействия между рядом государств по основным вопросам политической жизни. В этом случае межнациональные отношения являются частью общественных отношений и сопряжены со всей системой этих отношений.

Такой подход к методологии исследования был частично позаимствован у Э. Дюркгейма, уделявшего особое внимание взаимодействию в малых традиционных обществах. В религии он видел связующее звено с природой общественных отношений [1, с.111]. Эту же функцию, по нашему мнению, должна выполнять, - и выполняет - религия, в соотношении с процессом гармонизации межнациональных отношений.

М. Вебер, в отличие от Э. Дюркгейма, осуществлял масштабные исследования существующих в мире религий,

направив своё внимание на основные моменты их взаимодействия и конфликты, причинами которых часто являются эти религии. В своих трудах он подробно характеризует влияние христианства на историю Западной Европы, а также на особенности взаимодействия христианства с другими мировыми религиями, в том числе в рамках межнациональной коммуникации.

Область изучения межнациональных отношений чрезвычайно широка. Это и особенности изменений внутри той или иной нации, в том числе тенденций в различных разноплановых направлениях; и соотношения традиционной и современной культур в отдельных нациях; проблемы границ межнационального пространства; а также роль религии в культурной дистанции; религиозные интересы и установки в межнациональном общении; межнациональные ориентации, национальная терпимость и нетерпимость, и социально-психологические основы межнациональных конфликтов и т.д.

При изучении психологии межнациональных отношений используется ряд социально - психологических теорий. Одна из них - теория личности, ей посвящена специальная литература [2, с. 236]. Согласно этой теории у личности, включенной в межнациональную организацию, мотивом для пребывания в этой группе может быть потребность в безопасности, целостности группы, солидарности, что в социологическом плане блестяще описано Э. Фроммом в книге «Бегство от свободы». Наконец, это потребности в справедливости, позитивном восприятии другими достижений коллектива.

Зарубежные ученые выделяют пять групп взаимосвязанных факторов, влияющих на межнациональные отношения: исторические, социальные, культурные, психологические, ситуативные.

Среди исторических факторов, влияющих на межнациональные отношения, безусловно, важное значение имеют три класса явлений:

- *первый* - это сам ход исторических событий, в результате которых исследуются отношения различных народов;

- *второй* - исторические события, которые становятся каким-то символом в ходе ныне развивающихся отношений;

- *третий* - особенности историко - социального развития народа, включенного в межнационального взаимодействия.

Политические факторы, влияющие на межнациональные отношения, включают в себя, по крайней мере, три класса явлений: принципы и формы государственного устройства, характер политической системы, тип национальной политики государства.

Среди группы социально - структурных факторов, влияющих на межнациональные отношения, можно выделить три стратификации:

- взаимосвязь социальной и этнической стратификации;

- влияние социально - структурных изменений;

- этнический фактор в социальной мобильности.

Культурные факторы, влияющие на межнациональные отношения, делятся на две группы: первая связана с просвещением и информированностью, а вторая - с традиционными нормами каждой нации.

К *первой группе факторов* относится пропаганда образцов межнационального общения через средства массовой информации. Особенно большое влияние оказывает телевидение и пресса.

Вторая группа культурных факторов связана с традиционными нормами поведения. Культурные

особенности менее подвержены изменениям, чем экономические и политические. Как считает С. Хантингтон, русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы - армянами [3, с.17]. При этом его ключевая идея такова: различия в культуре базовых ценностей и верований являются источником в борьбе за военную, экономическую и политическую власть.

Проблема влияния православия на формирование ценностей культуры, в том числе и межнациональных отношений, занимала русских религиозных философов Н. Бердяева, Л. Карсавина, Н. Лосского, С. Трубецкого, Г.Федотова и многих других. Более тщательный анализ этого процесса уместен в рамках другого, более детального исследования.

Итак, несмотря на плюрализм современных идей и концепций межнациональных отношений, сравнительный анализ их значительной части позволяет выявить у них несколько важных общих черт. Во - первых, в последние десятилетия значительно активизировались религиозно-политические исследовательские направления, к которым относятся все течения политической мысли, обосновывающие свои цели и способы их достижения религиозными учениями с учетом специфики межнационального взаимодействия. Предпосылкой их активизации и распространения стало усиление религиозного фактора и вовлечение в политику все более широких слоев верующих, религиозно мыслящих людей.

Список литературы:

1. Дюркгейм Э. Социология религии и теории познания. //Религия и общество: хрестоматия по социологии религии/ сост.: В.И. Гараджа, Е.Д. Рудкевич. - М., 1996.
2. Фромм Э. Иметь или быть? - М.: Айрис-пресс, 2004.

3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.
// ПОЛИС. - 1994. - №1.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТАТАРСКОГО НАРОДА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОВОЛЖЬЯ

К.М. Мурзакаева

Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны

Э.Д. Мухаметова

Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны

Формирование и функционирование общественной жизни народа зависит от многих факторов, к которым относится народное образование и культура. В XVI в. возможность развития образования татарского народа ограничивалась замкнутым пространством в рамках сельской общины и урезанной интеллектуальной базы. Общественная жизнь опиралась в основном на традиционные обычаи. Однако уже в конце XVIII века наметились перемены в общественной жизни. Духовная жизнь татарского народа стала более яркой и насыщенной. Данные изменения нашли свое отражение в участии татар в органах местного самоуправления, создании национальной системы народного образования, средств массовой информации и книгопечатания.

Говоря о развитии национального народного образования, можно констатировать следующее: в монографии «Татары», которая написана в XXI веке, можно увидеть материалы о духовной культуре татарского народа, где отмечается, что народное образование у татар представляло собой разветвлённую систему обучения и

воспитания. В XVIII в. возникают условия для восстановления и развития народного образования. Однако отсутствие национальных педагогических кадров, потеря местных традиций приводят к тому, что учебные заведения возрождались по типу среднеазиатских. Учебные заведения Бухарского типа к середине XIX века уже не удовлетворяли потребности татарского общества и зарождавшейся мелкой буржуазии. Эти школы необходимо было адаптировать под новые веяния эпохи.

Старометодная (кадимистическая) школа не отвечала новым требованиям времени и не могла оставаться в прежнем состоянии. Насущными задачами образования были необходимость изучения светской науки и практическая подготовка подрастающего поколения к жизни. Решение этих задач стало основополагающим моментом реформы системы национального народного образования. В связи с этим учебные заведения оказались в эпицентре жесткой борьбы за умы подрастающего поколения. Практически во всех регионах компактного проживания татар появились крупнейшие джадидские медресе, ставшие очагами татарской культуры: «Галия», «Усмания» (Уфа); «Буби» (д. Ижбобья) и др.

Для татар-мусульман открывались русско-татарские школы. Данные начальные школы функционировали на средства казны и частных пожертвований. Для подготовки национальных педагогических кадров в Казани была открыта первая татарская учительская школа. Однако татарское население проявило отрицательное отношение к русско-татарским школам.

Кроме того, татарская интеллигенция предпринимала энергичные меры, направленные на превращение русско-татарских школ в новометодные учебные заведения. Так, в Казани с 1870 по 1915 гг. открылось 14 русско-татарских школ и русских классов при медресе, которые находились

под покровительством татарских купцов. В целом можно сказать, что конец XIX – начало XX вв. ознаменовались выходом на общественную арену новых сил и качественным изменением общественного сознания.

Развитие капитализма в крае во второй половине XIX в. привело к формированию национального самосознания народа и вызвало к жизни национальное движение среди татар. Во второй половине XIX – начале XX века борьба за светское образование составляла часть общероссийской борьбы за демократическое преобразование в обществе. Кроме того, у татар она оказывалась также одним из элементов национально-освободительного движения.

В настоящее время имеется значительное количество литературы, посвященной истории татарской школы. Наиболее полно она освещена в работах по истории татарской школы, рассматривалась и в трудах историков, философов и литературоведов – исследователей истории развития татарского народа. В этих работах содержится богатый фактический материал, даётся анализ и оценка социально политического и экономического положения татарского народа. Особое значение данных исследований для нас заключается в постановке и рассмотрении проблем просветительства – джадидизма у татар, проблем, являющихся частью общего понятия «просветительство».

Татарское просветительское движение – джадидизм –, несмотря на его своеобразие, являлось частью общемирового процесса. Оно ставило и выдвигало задачи, решение которых во многих вопросах уже было найдено в мировой общественной мысли. Татарские просветители выступали за европеизацию школьного дела татар на основе достижений передовой русской культуры, убедительно показывая преимущества прогрессивной русской педагогической мысли. Они способствовали изменению не только содержания, но и форм и методов

обучения. Татарские просветители считали русский язык и русскую культуру важнейшими средствами просвещения татарского народа. Просветители хотели изменить строй, обрекающий народные массы на нищету, путем просвещения, воспитания людей. Они полагали, что распространение просвещения, основ светских знаний, ремесел избавит народ от нищеты, предрассудков и поможет ему поднять свое благосостояние [2].

Таким образом, в конце XIX – первые десятилетия XX вв. на основе завершающегося процесса формирования татарской нации с особой остротой высвечивалась проблема культурного развития народа. В связи с этим ставилось требование реформы образования народа. Однако степень радикализма этого требования была различной, по-разному определялись силы, способные уничтожить отставание татарского народа, обеспечить ему самостоятельность в дальнейшем развитии. Национальное движение за ликвидацию отсталости определяло одну из главных линий татарской общественной мысли в конце XIX – начала XX вв. – вопрос о создании системы светского образования, который был составной частью данного движения.

Школа находилась в то время в центре идейной жизни татар, имела непосредственную связь со всей совокупностью идеологических отношений, затрагивала проблемы миропонимания, морали, религии и оказывала влияние на политические отношения, - подчеркивает исследователь татарской мысли Я.Г. Абдуллин.

Можно проследить борьбу за светское образование на фоне основных социальных процессов, раскрыть связь ее с ходом освободительного в стране в целом, увидеть, как изменялась постановка требования светского образования в ходе развития общественной борьбы. Конечно же, народные массы, демократическая и прогрессивная

интеллигенция оказала особенную роль в становлении светского образования у татар.

Таким образом, история татарской школы уходит своими корнями в глубь веков. Мусульмане России, в том числе и татары, издавна занимались обучением детей. И всё же, к концу XIX века у татар существовала складывавшаяся веками традиционная система конфессионального образования: «Какими были медресе и мектебе триста лет тому назад, - писал в 1897 году инспектор Казанской татарской учительской школы И. Ахмеров, - буквально такими же остаются и новые.» В основе образования и воспитания татар лежала задача подготовки верного мусульманина, живущего по законам шариата. «Все, что получают шакирды от своего учения, - отмечала в 1907 году газета «Урал», - это религия, религия и религия».

Но надо отметить то, что педагогика просветительства сыграла значительную роль в развитии демократической культуры татарского народа, в пробуждении его от векового мрака средневековья и схоластики, в изменении организационных форм и методов обучения. В XIX-XX вв. татарская интеллектуальная элита знакомится с русской, западноевропейской культурой, а также педагогической мыслью данной эпохи. Происходит осознание татарскими мыслителями и представителями татарского народа необходимости выхода образования на современный уровень того времени. В первых рядах: Ш. Марджани, К. Насыйри, Х. Файзханов, З. Хади, Г. Баруди. Татарская педагогическая мысль приобретает свою самобытность и индивидуальность, что свидетельствует о достаточно высоком для своего места и времени развитии татарской культуры в данную эпоху. Жизнедеятельность татарских мыслителей – педагогов конца XVIII-XX вв., таких как А. Курсави, Ш. Марджани, Х. Файзханов, К.

Насыйри, Г. Баруди, навсегда останется крупным вкладом в историю не только татарской, но и всей педагогической мысли России.

Итак, история татарского народа охватывает весьма разнообразные по экономическим и социально-политическим условиям этапы развития национальной истории, истории развития педагогической мысли и образовательно-воспитательного дела [1].

Список литературы:

1. Педагогическое пространство поликультурного образования в Поволжье: история и современность: Учебно-методическое пособие / сост. Н.М. Асратян, Д.Ш. Гильманов, А.Г. Мухаметшин. – Набережные Челны: ФГБОУ ВО «НГПУ», 2016. – 132с.

2. Ханбиков Я.И. Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа (Из истории русско-татарских педагогических связей): пособие для студентов и преподавателей / Я.И. Ханбиков. – Казань, 1968. - С. 135.

ТАТАРСКОЕ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС: ПРОЕКТЫ ТАТАРСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.Р.Мухаметзянова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

В статье анализируется современная активность татарстанской молодежи, обращающейся к татарской культуре как ресурсу и активно продвигающей идею продуктивности билингвизма и мультикультурализма. Актуализированная позитивная этническая и региональная идентичность порождает этнокультурные проекты, направленные на популяризацию татарского языка и культуры. Рассматриваются типы, содержание этих проектов, мотивация их авторов. «Татарское»

рассматривается не только как интересное самим татарам, но как уникальный ресурс, который может быть интересен широкой аудитории.

Ключевые слова: *идентичность, билингвизм, социальная активность, молодежь, татары, Татарстан, татарский язык.*

«Этнический ренессанс», наблюдавшийся на рубеже советской и постсоветской эпохи, проходил в ситуации отделения союзных республик, обретения ими суверенитета, роста межнациональной напряженности. Высокая значимость этничности связывалась тогда с потенциальной угрозой целостности государства. Молодые татары и сегодня не забывают о своей этнической принадлежности [1]. Но их этнические чувства реализуются в других социально-политических условиях и имеют новый характер проявления. Озабоченность развитием татарской культуры и языка у молодых татар находит свое выражение в различных этнокультурных проектах, реализуемых ее активной частью [подробнее: 2]. Кроме этого, к татарской культуре, как уникальному ресурсу, обращаются представители других народов, проживающих в республике.

Крупным направлением частных проектов являются инициативы, направленные на усовершенствование различных форм изучения татарского языка. Создатели проектов предлагают использовать современные ИТ-технологии, приемы обучения иностранным языкам, разнообразные увлекательные формы – все то, что интересно молодому поколению. В части последних разработано несколько настольных игр, которые продвигают идею совершенствования языка в формате занимательного досуга: «Хэрэкэт», «Игезэклэр», «Татарча экиятлэр», «Түбэтэй». Эти проекты направлены на

расширение использования татарского языка, увеличение словарного запаса в игровой форме.

Еще одна инициатива связана с развитием мотивации к знанию татарского языка. В республике периодически возникают негативные послы со стороны представителей других национальностей о ненужности знания татарского языка. Азбука для взрослых «Панорамное звучание» Г. Гиззатуллиной пытается решить эту проблему, приводя нетрадиционные и интересные аргументы: *«азбука возвращает уже взрослого читателя в детство, показывая преимущества знания второго государственного языка республики Татарстан. Книгу можно представить как своеобразный катализатор, импульс для изучения татарского языка. Она будет одинаково полезна и тем, кто не знает или забыл родной язык, и также для представителей других наций»*. В небольшой брошюре графический дизайнер к каждой букве алфавита приводит цитату известной личности, которая может стать аргументом для изучения татарского языка. *«А – А что если ты живешь в Татарстане? Язык – это дорожная карта культуры. Он поведает, откуда пришли его люди и куда идут. Рита Мей Браун»* или *«К – Коммуникационные возможности. Знание татарского языка дает возможность общаться со всеми представителями тюркских народов»*. Автор пытается разработать наглядную систему мотивации, раскрывая бонусы знания татарского языка.

Татарский язык как уникальный ресурс используется в стрит-арт (с англ. street art – уличное искусство). Проект графического дизайнера В. Цинк «Девочка Тамара» представляет собой стикеры с изображением девочки, которая на татарском языке комментирует различные ситуации на улицах города. На наклейках используются простые татарские слова и выражения: «Матур» (с тат. -

красиво), «Бу нэрсэ?» (с тат. - что это?). Дизайнер отмечает, что татарские наклейки внесли на улицу оригинальность и сейчас являются визуализацией интеграции народов в Татарстане. Наклейки с изображением «Девочка Тамара» продаются в магазинах Казани, и молодые люди включают их в свои фотографии, которые потом выкладываются в социальных сетях.

В последние годы в Татарстане появились разнообразные частные образовательные инициативы, направленные на распространение знаний о татарах и «татарском». Научно-популярный интернет-проект «Гыйлем» (<http://giylem.tatar/>) (с тат. – знание, просвещение) представляет собой современный мультимедийный ресурс, который содержит статьи, видеоматериалы, аудиоматериалы, книги по истории, языкознанию, изобразительному искусству, квантовой физике, вирусологии. Главная цель авторов – сделать знания из разных научных областей доступными на татарском языке. Современный дизайн сайта, активное использование изображений, инфографики – все вместе делает портал привлекательным для посетителей.

Еще один образовательный проект, выбравший другую актуальную форму подачи материала – «Элбэттэ» (<http://elbette.ru/>). Он стремится познакомить зрителей с татарской наукой путем размещения видео-лекций современных ученых и специалистов в области татарской истории, языкознания, литературы, искусства и фольклора. По его оценкам, наиболее интересны аудитории лекции по истории татар и языкознанию.

Молодое поколение активно развивают сферу татарской городской культуры и делает все, чтобы культурные продукты были привлекательны не только для самих татар. В последние годы среди татарской молодежи появляется новое поколение музыкантов – авторов и

исполнителей татарской музыки. Неудовлетворённость качеством современной татарской эстрады приводит к тому, что городская молодежь становится производителем и потребителем новой альтернативной⁶ татарской музыкальной культуры.

К числу культурных проектов можно отнести деятельность молодых дизайнеров и модельеров, которые выпускают открытки, постеры, одежду в национальной тематике. Особый масштаб в своем развитии среди молодежи получил тренд визуализации традиционной татарской культуры в одежде и аксессуарах. Проекты *Tatarcha casual*, *MIRA RAHMAT*, *Abau*, *Милли изю*, *Matur*, *Bizek*, *Ekiyat* стремятся внести в современную городскую среду элементы татарской одежды и украшений: стиль, орнамент, вышивку, крой. Татарская этнография стала использоваться при декорировании квартир и домов: изготавливаются панно с татарскими узорами, настенные календари, постеры, текстиль для дома. В 2016 г. начал работать интернет-портал (<http://www.rukami.tatar/>), объединивший татарских дизайнеров и представляющий их работы. Авторы сосредоточены на использовании элементов народной культуры. Дизайн-студия «*Mardesign*» ориентирована на внедрение татарских орнаментов в повседневную жизнь не только татар, но и всех, кому интересна традиционная культура. Начав свою деятельность с выпуска открыток, студия постепенно переключилась на одежду, аксессуары, оформление помещений.

Культурные проекты, разрабатываемые молодежью, формируют сообщество, интересующееся «татарским». Их креативность и новизна привлекают не только самих татар,

⁶ В данном случае понятие «альтернативная музыка» означает не характеристику жанра, а новый взгляд на татарскую музыку.

но и всех, кому интересно этническое. Успех будет зависеть от того, насколько они будут «...стильные, (они – А.М.) должны быть крутые. Это звучит по-татарски – это звучит круто! Современный человек говорит по-татарски – это класс, потому что очень важны носители, очень важна и обертка, и носители, содержание, если совпадает и с татарским языком еще» - подчеркивает директор ТРМОФ «Сэлэт» Т. Сулейманов. Музыкальные проекты, опираясь на татарскую музыку, язык, ищут новые жанры, отличные от фольклорной манеры исполнения. Развлекательные, как самые популярные проекты, набирают наибольшую аудиторию.

Таким образом, среди современной татарстанской молодежи наблюдается сектор активистов, который является производителем различных проектов, призванных поддержать «татарскость», растиражировать знания о нем, сохранить татарский язык и культуру и включить его в современное городское пространство. Эти проекты, по форме соответствуя современным образцам культуры, наполняются уникальным татарским содержанием. Использование различных современных технологий, доступность, креативность – основные особенности существующих «татарских проектов».

Большинство проектов связаны с татарским языком. В Татарстане инициативы направлены на расширение сфер его применения, вывод его за пределы семейно-бытового средства коммуникации. Также активисты видят проблему низкой мотивации к его изучению и прикладывают усилия по разработке нетрадиционной аргументации. К татарскому языку обращаются представители нетитульной национальности в Республике и используют его как источник творчества.

Популярность набирают культурно-досуговые проекты, которые предлагают современные, отличные от

фольклорного стиля продукты (прежде всего музыкальные). Активно развивается сфера визуальной репрезентации татарского: в одежде, аксессуарах, элементах интерьера. Создаются современные продукты, понятные и воспринимаемые не только татарской, но и общерегиональной, общероссийской аудиторией.

Список литературы:

1. Габдрахманова Г.Ф., Мухаметзянова А.Р. Этническая идентичность татарской молодежи // Этническая идентичность татар в региональных. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. - С.29-53.

2. Мухаметзянова А.Р. Этнокультурные проекты современной татарской молодежи в контексте поддержания этнической идентичности // Историческая этнология. Т.1. 2016. - №2. - С. 293-312.

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ПРОЦЕССЕ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

П.А.Новочук

Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С.В. Рахманинова, г. Тамбов

В статье рассматривается влияние авто- и гетеростереотипов на процесс этнической идентификации и формирование различных видов этнической идентичности. Теоретические положения подтверждаются результатами проведенного констатирующего эксперимента.

***Ключевые слова:** этнические стереотипы, этническая идентичность, этническая самоидентификация.*

Для современного общества характерна проблема напряженности в межэтнических взаимоотношениях, основанных на непонимании и отрицании ценностей и норм другой культуры. При этом часто основой представлений о другом народе служат сложившиеся на протяжении определенного времени предрассудки и стереотипы. Именно поэтому большой интерес для научного сообщества особенно в последнее время представляет изучение этнических стереотипов и выявление их роли в формировании этнической самоидентичности.

Этнические образы и стереотипы поведения в явной или скрытой форме существуют во всех областях жизнедеятельности этносов и в каждую конкретную эпоху воспринимаются этносом как единственно возможный способ сосуществования с другими этносами. Как и любой другой вид социальных стереотипов, этнический стереотип может быть по своему характеру автостереотипом или гетеростереотипом. Особенностью автостереотипов является стремление этнической общности внести в их содержание черты идеала собственного этноса, подчеркнуть наиболее самобытные качества национального характера [3].

Этнические стереотипы редко проявляются на поведенческом уровне при отсутствии явной враждебности в отношениях между группами, но в условиях напряженности или конфликта они начинают играть доминирующую роль в реальном поведении индивидов, вплоть до откровенной враждебности.

подавляющее большинство этнических авто- и гетеростереотипов, национальных обычаев трудно для вербального и инокультурного усвоения. Это объясняется тем, что они не представлены в виде текстов, законов, правил, а транслируются через неофициальные

традиционные каналы передачи информации, через «социальные представления» и т.п., что непосредственно влияет на глубину, направленность и характер процессов межэтнического общения [1].

Сознание этноса представляет собой сложный конструкт, сочетающий в себе как положительные, так и отрицательные авто- и гетеростереотипы. Однако доминирование тех или иных стереотипов в различных сочетаниях, по нашему мнению, дает возможность выделить ряд положительных или отрицательных типов этнической идентичности: позитивная, этноцентрическая, этнодоминирующая, этнический фанатизм, этническая индифферентность, этнонигилизм, амбивалентная (см. схему).

Какое значение этнические стереотипы имеют для процесса формирования этнической идентичности современной молодежи и как влияют на отношение к другим народам, мы установили в ходе проведенного социологического исследования. Эксперимент проводился на базе ВУЗов, средних специальных и средних профессиональных учебных заведений, общеобразовательных школ и среди рабочей молодежи г.

Москвы, г. Тамбова, г. Тулы, г. Узловая (Тульская обл.), г. Саратова и г. Балашова (Саратовская обл.).

Для изучения этнических автостереотипов и гетеростереотипов современной молодежи мы использовали несколько методик. Одна из них - методика приписывания качеств. Респондентам необходимо было отметить, насколько характерны предложенные качества для своего народа и для других наций. При анализе качества были разделены на положительные и отрицательные. По мнению современной молодежи, положительные качества в большей степени характерны для своего народа (59,6 %), нежели для других национальностей (35,9 %), а отрицательные, наоборот, более свойственны другим нациям (41,5 %), чем своей (35,9 %). Процесс этнической самоидентичности заключается не только в осознании принадлежности к конкретному этносу («мы»), но и в противопоставлении другим этническим общностям («они»). При этом представления о последних не всегда объективны и полны. Что и подтверждают полученные результаты.

Важно отметить, что отношение к разным государствам и народам не одинаково. Это подтверждает данное исследование: «Психосемантический анализ этнических стереотипов», проведенное коллективом сотрудников факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством В.Ф. Петренко. Результаты исследования показывают, что ряд стран воспринимается в сознании российских граждан как дружественные (Франция, Болгария, Индия, Финляндия и др.), а другие - как враждебные (Афганистан, Албания): стран, близких по духу к России, не так много, - это в основном страны бывшего «социалистического лагеря», а также Израиль (где большое количество бывших сограждан) [2].

Устойчивые представления относительно того или иного народа находят отражение в различных видах народного творчества. Для изучения этнических стереотипов современной молодежи мы в своем исследовании обратились к такому виду устного народного творчества, как пословицы. Отличаясь лаконичностью, этот жанр порой в очень острой форме выражает отношение к определенной проблеме или ситуации. Респондентам было предложено оценить по пятибалльной системе десять пословиц, напрямую отражающих автостереотипы русского народа (см. таблицу).

Таблица 1

Показатели уровня согласия с содержанием пословиц

Пословицы	Средний бал
1. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится	4,1
2. Русский любит авось, да небось, да как-нибудь	3,9
3. Руси есть веселие пити, не может без него быти	3,9
4. Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит	3,8
5. Наши миряне – родом дворяне: работать не любят, а погулять не прочь	3,8
6. В каком народе живешь, того обычая и держись	3,7
7. Русский молодец ста басурманам конец	3,7
8. Русский мужик задним умом крепок	3,5
9. За морем – веселье да чужое, а у нас – горе да свое	3,4
10. На Руси, слава Богу, дураков на сто лет запасено	3,3

Современная молодежь готова признать, что русских отличает беспечность (1-ая и 2-ая пословицы) в сочетании с недалёковидностью (8-ая пословица) и в то же время решительностью (4-ая пословица). Сочетание противоположных черт является отличительной чертой русского национального характера. Подтверждением тому служат получившие одинаковое количество баллов 6-ая и 7-ая пословицы, которые явно противоречат друг другу. Если в одной делается акцент на терпимость в межнациональных отношениях, то другая воспекает удальство, воинственность и выражает национальную неприязнь. Согласно современной молодежи и с такими пороками русского народа, как пьянство и лень (3-я и 5-ая пословицы). А вот явно негативная оценка, данная русскому человеку в 10-ой пословице, получила наименьшую поддержку.

Результаты констатирующего эксперимента подтверждают, что процесс этнической самоидентификации заключается в противопоставлении своего народа другим этническим общностям, причем сложившиеся этнические стереотипы относительно последних чаще всего необъективны и могут носить негативный характер. Тем не менее, далека от идеализации и оценка молодежи своего народа. Это свойственно только для традиционного национального образа. В целом же респонденты готовы признать отрицательные черты, характерные для своего этноса.

Таким образом, данные, полученные в ходе эксперимента, подтверждают, что этнические стереотипы играют немаловажную роль в процессе формирования этнической самоидентичности. Это послужило основой для создания педагогической модели формирования положительной этнической самоидентичности современной молодежи.

Список литературы:

1. Платонов Ю.П. Основы этнической психологии. – СПб., 2003.
2. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости / под общ. ред. А. Асмолова // <http://www.tolerance.ru/psihovospr.php?PrPage=etno>;
3. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. – М., 2000.

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Р.В.Нуруллина

Центр исламоведческих исследований АН РТ, г. Казань

На примере вторичного анализа материалов массовых опросов и опросов целевых групп исследуются аспекты взаимодействия численно преобладающих этнических и конфессиональных сообществ в Татарстане (татары и русские, мусульмане и православные). Рассматривается интеграционный и дезинтеграционный потенциал религии в контексте формирования межэтнического и межконфессионального согласия и толерантности в регионе. Выявляются проблемы, которые могут стать источником конфликтов в сфере межрелигиозных отношений.

Ключевые слова: *религиозная толерантность, народы и конфессии, православные, мусульмане, русские, татары, кряшены.*

В отношении Республики Татарстан существует устоявшаяся точка зрения, согласно которой – это один из наиболее благополучных регионов России в контексте

межконфессионального взаимодействия, которое характеризуется высоким уровнем религиозной толерантности. Исследователи считают, что татары и русские, мусульмане и православные в Татарстане воспринимают друг друга как достаточно близкие народы и конфессии. По данным опроса 2011 года, 75,4% татар и 66,5% русских ответили, что чувствуют себя достаточно близко с представителями соседствующих конфессий – православными и мусульманами (в т.ч. 23,4% и 22,7% – очень близко). 57,9% русских на вопрос об отношении к исламу ответили «положительно», 37,9% – «скорее положительно». По отношению к православию аналогичные оценки были выявлены у 63,1% и 33,2% опрошенных татар. Лишь 4,2% русских и 3,7% татар признались в негативном отношении к религии этнического соседа [3, с. 58].

Вера как таковая не разделяет этнические группы. По данным исследований Р. Мусиной, в Татарстане в 1994-1997 гг. вера является, скорее, источником толерантности и согласия в республике. Результаты исследования 2011г. позволили ей заключить, что «верующие проявляют более высокий уровень толерантности по отношению к соседствующему этносу и его конфессии». Опрос показал, что к православию как религии (вере) положительно относятся 94,6% татар-мусульман, к исламу как религии (вере) положительно относятся 96,8% русских-православных (по сумме ответов «положительно и «скорее положительно») [Там же, с. 76-77]. Верующие, - как татары, так и русские, - менее агрессивны. Потенциал агрессивности в большей степени проявляется у неверующих русских и колеблющихся в вопросах веры татар [Там же, с. 59].

Опубликованные Е.А. Ходжаевой и Е.А. Шумиловой данные опросов целевых групп православных и

мусульманских священнослужителей Москвы и Казани также свидетельствуют, что для мусульман в целом и православных христиан в Казани характерна высокая степень толерантности к другой традиционной религии. Мусульмане признают самыми близкими по отношению к себе христиан, считают их равными (не в духовном и мировоззренческом плане, а по законодательству и значимости в обществе), готовы к сотрудничеству с ними. Православные лидеры в Казани, ощущая равенство с мусульманами, постулируемое идеологически и подкрепленное примерно равными темпами развития двух конфессий в республике, также готовы взаимодействовать и вести диалог с мусульманами на равных. Отмечается также, что как для православного, так и для мусульманского религиозного дискурса характерно достаточно терпимое отношение к представителям других традиционных для России конфессий: католицизму, некоторым направлениям протестантизма, иудаизму, буддизму.

Вместе с тем, авторы исследования приходят к выводу, что в большинстве случаев можно говорить о среднем или низком уровне толерантности, когда констатируется более значимый статус своей религии, однако обозначается либо готовность к взаимодействию и сотрудничеству с представителями этих конфессий, либо нейтральное признание возможности мирного, бесконфликтного сосуществования. Еще меньший уровень толерантности наблюдается в отношении так называемых сект и новых религиозных движений, в таких религиозных направлениях и течениях в большинстве случаев проявляется низкая степень толерантности, т.е. пассивное принятие [9, с. 125-130].

В отношении разноконфессиональных групп внутри одного этноса проявляется дезинтеграционная функция

религии. К примеру, это проявляется и во взаимоотношениях татар-мусульман и татар-кряшен – относительно небольшой группы, которая относится к этноконфессиональной группе (или субконфессиональной общности) волго-уральских татар. Исследования 1990-х гг. фиксируют увеличение культурно-психологической дистанции между этими группами. Материалы Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов выявили значительную долю кряшен (в 2002 году 25 тыс. в РФ и 18,76 тыс. в РТ; в 2010 году 34,8 тыс. в РФ и 29,96 тыс. в РТ), самоопределившуюся как отдельный этнос. В то же время наблюдается меньшая, в сравнении с татарами-мусульманами, дистанцированность татар-кряшен от русских, что можно рассматривать как проявление интеграционной роли общей православной религии. Однако среди кряшенской интеллигенции на пике подъема национальных движений 1990-х гг. существовало мнение о необходимости вывода кряшенских церквей (т.е. православных церквей, где службы идут на кряшенском наречии татарского языка) из-под подчинения РПЦ, что помогло бы кряшенам избежать русификации [3, с. 54].

Можно выявить ряд проблем, которые могут стать источником конфликтов в сфере межрелигиозных отношений. На примере опроса учащихся медресе можно рассмотреть сложности, с которыми сталкиваются в своей повседневной жизни мусульмане республики. В большинстве своем они связаны с доминированием в обществе светского образа жизни. На первом месте – отсутствие возможности последовательно выполнять предписания ислама. Молодых людей беспокоит армия, т. к. там не созданы условия для мусульман (нет халяльной пищи, нет возможности совершать намаз и т. д.), девушки сетуют на то, что нельзя фотографироваться в платках, что дресс-код на многих предприятиях противоречит хиджабу.

На работе мусульмане зачастую не имеют возможности совершать в положенное время намаз, в общественных местах нет мест для молитвы (вокзалы) и пр. На втором месте недостаточно уважительное, предвзятое отношение к мусульманам, непонимание, чрезмерная подозрительность со стороны общества в целом. Пятая часть (около 20%) шакирдов указали, что в течение своей жизни сталкивались с несправедливым отношением по отношению к себе, связанным с их религиозными убеждениями [6, с. 153].

Что касается православных в Татарстане, артикулируемые ими проблемы в равной степени связаны как с необходимостью жить в светском обществе, так и вынужденным соседством с мусульманами. В декабре 2013 года в Москве состоялось заседание круглого стола Правозащитного центра Всемирного русского народного собора. В работе мероприятия приняли участие чиновники Аппарата Президента Татарстана, курирующие внутреннюю политику в республике, православное духовенство, лидеры общественных организаций православных народов республики. Среди проблем, озвученных в выступлениях, преобладали следующие: так называемый «кряшенский вопрос» (ассимиляция и исламизация кряшен, перспектива потери ими своей этноконфессиональной идентичности); диспропорция в численности мусульманских и православных организаций в республике (к примеру, в количестве храмов); реальная возможность изучать в школе только двух модулей из шести («Основы светской этики» и «Основы мировых религий»); нежелание руководства республики признавать проблему ваххабизма [7].

Мусульмане республики в большинстве своем сунниты, придерживающиеся ханафитского мазхаба. «Татарскому исламу, который принадлежит к ханафитскому толку (мазхабу), присуща высокая степень

толерантности» [5, с. 7]. Религиозные деятели также неоднократно подчеркивали, что ислам ханафитского толка, традиционно распространенный в Поволжском регионе, отличается сравнительной гибкостью, терпимостью и миролюбием, что подтверждается многовековой историей взаимодействия мусульман с представителями других конфессий на данной территории. Среди исследователей нет единой точки зрения об общем числе сторонников радикальных течений в регионе и степени их опасности для общества. К примеру, эксперт Российского института стратегических исследований (РИСИ) Р. Сулейманов прокомментировал отставку в 2013 году муфтия И. Файзова, зарекомендовавшего себя как активного борца с радикальными течениями в исламе: «Власти Татарстана фактически капитулировали перед ваххабитами»⁷. С другой стороны, материалы социологического исследования, проводимого Центром исламоведческих исследований АН РТ среди имамов республики, данную точку зрения не подтверждают. Несмотря на актуальность темы и ее широкий резонанс, лишь немногие респонденты (1,7% выборочной совокупности) включили идеологические противоречия в число практических проблем, с которыми они сталкиваются в своей практической деятельности [8, с. 160-167].

Данное обстоятельство можно объяснить несколькими причинами. С одной стороны, существует мнение, что масштабы распространения радикальных течений в республике преувеличиваются в средствах массовой информации. К примеру, Р.М. Гибадуллин опубликованы результаты контент-анализа материалов

⁷ Аналитический портал «Спектр»: [веб-сайт]. 2013. 2 июня. URL: <http://sp-analytic.ru/popularity/171...hhabitami.html>

периодического издания «Электронная версия газеты – на сайте internet.ru», которое выходит как общереспубликанское приложение (вкладыш) ко всем городским и районным газетам Республики Татарстан. В её информационной деятельности исследователь выявляет признаки, свидетельствующие о подверженности влиянию социально-психологических стереотипов, которые он определяет как антиисламские, и делает вывод: «В совокупности проанализированные нами материалы газеты не могут не укрепить в мусульманах убеждение в своей информационной дискриминированности, а в среде немусульман – ощущение исходящей от ислама нарастающей опасности, и в итоге и с той, и с другой стороны – чувство взаимного недоверия» [2, с. 522].

В своем интервью для информационного портала «Большой Кавказ» известный российский исламовед А.В. Малашенко отметил неоднозначность сложившихся подходов к «традиционным» и «нетрадиционным» течениям в исламе: «Можно ли говорить о внемазхабном исламе? Ведь, с одной стороны, - это нетрадиционный ислам, а с другой – он существовал всегда. Сейчас идет переосмысление всех этих понятий... Ведь, собственно говоря, речь идет о разных, но легитимных направлениях... Термин «борьба» здесь неуместен, нужно задавать другую систему координат» [4]. Предлагаемая исследователем новая система координат рассматривает в иной плоскости явления, связанные с религиозным экстремизмом, и разводит понятия «ислам» и «политика». «Говоря о террористах, экстремистах и так далее, ни в коем случае нельзя все это смешивать с богословием. Нельзя утверждать, что суфийский ислам, тарикатисты – это хорошо или, наоборот, - это плохо. Это ислам. Он един в своем многообразии» [Там же]. В то же время анализ публикаций последних лет показывает, что данный подход

не получил широкого распространения, большинство исламоведов напрямую связывают деятельность экстремистских групп с определенными идеологическими направлениями в исламе и видят в них угрозу общественной безопасности. «В XX веке в мусульманском мире появляются радикальные группы и организации, далекие в своих воззрениях от традиционных понятий ислама. Религиозные течения и группы в исламе продолжают играть важную роль в жизни современных мусульман, влияют на их мировоззрение и поведение» [10, с. 6]. «Конечная цель исламского фундаментализма, особенно некоторых радикальных форм политического ислама, а именно – построение «истинного» исламского государства, изначально не может быть адаптирована к потребностям российского гражданского общества» [1, с. 15].

Таким образом, опубликованные в последние годы материалы массовых опросов и опросов целевых групп позволяют охарактеризовать межконфессиональные отношения в Татарстане как в целом гармоничные и благоприятные. Представители основных конфессиональных групп – мусульмане и православные – воспринимают друг друга как достаточно близкие конфессии, выражают готовность взаимодействовать и вести диалог. Как для православного, так и для мусульманского религиозного дискурса характерно достаточно терпимое отношение к представителям других традиционных для России конфессий. В то же время, в ряде случаев речь может идти лишь о проявлении низкой степени толерантности, т.е. пассивного принятия другого. Помимо этого существует культурно-психологическая дистанция между этноконфессиональными группами татар-мусульман и крышен, а также в отношении представителей новых религиозных движений и сект.

Сосуществование различных религиозных групп в условиях общества с преимущественно секулярным образом жизни сопряжено с наличием проблем, которые при неблагоприятных условиях могут стать источником межконфессиональных конфликтов в регионе. Достаточно актуальной остается и проблема религиозного экстремизма.

Список литературы:

1. Аликберов А. К. Салафитский вызов России: объективный этап в эволюции ислама или попытка его революционного обновления? // Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Т. Г. Туманян. - СПб., 2013. - С. 5-16.

2. Гибадуллин Р.М. Исламская тематика в СМИ Татарстана: влияние антиисламских стереотипов // Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти: Международная научно-практическая конференция, Казань, 29-30 мая 2015 г.: сборник материалов / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. - С. 515-524.

3. Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской Академии Наук. Выпуск № 6. 2012. Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН, 2012. // Официальный сайт Института социологии РАН: [веб-сайт]. 2014. 15 апреля. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_06.html.

4. Малашенко А.В. Ваххабизм надо оставить в покое // Большой Кавказ [информационный портал]. URL: // <http://www.bigcaucasus.com/events/topday/07-01-2013/82007-malashenko-0/> (дата обращения: 07.01.2013).

5. Малашенко А.В. Предисловие // Мухаметшин Р. М. Ислам в Татарстане. - М.: Логос, 2006.

6. Мухаметшин Р.М., Гарипов Я.З., Нуруллина Р.В. Молодые мусульмане Татарстана: идентичность и социализация / Рафик Мухаметшин, Ягфар Гарипов, Роза Нуруллина. - М.: Academia, 2012. - 192 с.

7. Николаев С., Откуда исходит угроза православию в Татарстане. // Агентство политических новостей: [веб-сайт]. 2014. 28 мая. URL: <http://www.apn.ru/publications/article30858.htm>

8. Нуруллина Р.В. Проблемы и перспективы возрождения мусульманских общин глазами имамов Татарстана // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1 [119] Январь-Февраль. С. 160-167.

9. Ходжаева Е. А., Шумилова Е. А. Проблема толерантности и конструирование «Мы» и «Они» идентичностей в современном религиозном дискурсе // Тезисы и материалы Международной научно-практической конференции «Толерантность как фактор межэтнического и межконфессионального взаимодействия и сближения культур в условиях глобализации», Казань 16-18 ноября 2010 г. Казань: Изд-в КГУ, 2011. С. 125-130.

10. Шагавиев Д.А. Исламские течения и группы: Учебное пособие / Дамир Шагавиев. - Казань, 2015. - 336 с.

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ТАТАРСТАНЕ (ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ПРОЕКТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ)

Г.Р.Столярова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань

Н.В.Рычкова

Казанский национальный исследовательский
технологический университет, г. Казань

С.Ю.Рычков

Казанский инновационный университет им.
В.Г.Тимирязова, г. Казань

В статье на примере проектов, выполненных учеными казанских ВУЗов, показаны некоторые результаты изучения народов многонационального Татарстана. Проекты носят этнологический характер и затрагивают как исторические сюжеты, так и современные процессы развития народов Волго-Уралья и их взаимодействия. Особое внимание уделено возможностям реализации научных проектов с участием студентов, а также использования результатов в учебном процессе с образовательными и воспитательными целями.

Ключевые слова: *научные проекты; Республика Татарстан; этносы Волго-Уралья; культура; взаимодействие; образовательное пространство.*

Татарстан – полиэтничная республика, мультикультурный ландшафт которой складывался длительное время и приобрел свои устойчивые особенности. Среди них – традиции мирного

сосуществования и активного диалога различных по генезису культур, языков, религий. Подобный феномен давно обратил на себя внимание исследователей. В XVII – XVIII веках о культурном многообразии народов Поволжья писали иностранные путешественники [3] и первые российские академики [2]. С основанием Казанского университета (1804 г.), и в особенности Общества археологии, истории и этнографии (1878 г.) и кафедры географии и этнографии (1884 г.) этнографическое изучение поволжских народов приобрело систематический характер [1]. Эти научные традиции сохраняются до сих пор. Авторы данной статьи – преподаватели казанских ВУЗов, воспитанники и последователи этнографической школы Казанского университета, входят в научный коллектив, исследующий проблемы, связанные с изучением народов Татарстана. Цель данной статьи – представить некоторые результаты научного изучения процессов межэтнического взаимодействия в Татарстане, а также связь научной и образовательной практик, возможности использования полученных знаний в образовательном процессе.

С начала 2010 г. научно-исследовательским коллективом при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда было выполнено несколько проектов: «Традиционализм и модернизационные процессы в сфере потребительского поведения этносов Волго-Уралья (пример Республики Татарстан)» (2011); «Этнические модели потребительских практик: пример Республики Татарстан» (2012 – 2014); «Этнокультурный ландшафт русских сельских поселений Республики Татарстан: от прошлого к будущему» (2015); в настоящее время идет подготовка к реализации проекта «Религиозные детерминанты в культуре питания (на примере татар и таджиков г. Казани)» (2016 – 2018). При внешней

тематической разнице все эти проекты имеют единое этнографическое поле – Республику Татарстан и общий объект – народы Татарстана. Кроме того, в контексте формулируемых научных проблем, их цели и задач присутствуют определенные константы. Прежде всего, это представление о том, что самая отличительная черта региона, в составе которого находится Республика Татарстан – пограничье, складывающееся из нескольких составляющих:

- природно-географического: – здесь проходит граница двух природно-географических зон – южной тайги и лесостепи;

- физико-антропологического: – в регионе пролегают периферии двух больших рас (рас первого порядка), а наличие у всех местных народов значительной доли представителей лапоноидной (волжско-камской) расы создает известную однородность антропологического облика населения;

- конфессионального: – соседство двух мировых религий – ислама и христианства - сочетается с традиционными верованиями («язычеством») в хорошо сохраненных формах;

- культурного: – с давних пор соседствуют традиции оседлого лесного и земледельческого населения, с одной стороны, и кочевого скотоводческого, - с другой;

- этногеографического: – пересечение этнических ареалов и совместное расселение различных по языку и культуре народов.

Любое пограничье предполагает контакты разнородных объектов. В полной мере мы наблюдаем это в средневожском регионе. Длительное сосуществование различных народов привело к формированию явлений объективного и субъективного порядков. К объективному ряду принадлежит, в первую очередь, региональный

(волго-уральский) слой культуры, компоненты которого включены в культуры всех поволжских народов. Подобные элементы наблюдаются в материальной, соционормативной и духовной культуре, а их появление частью конвергентно (самостоятельно), частью связано с заимствованиями, ассимиляционными процессами и т.п. В субъективный ряд включается представление о близкой ментальности поволжских этносов, о незначительной между ними культурной дистанции. Представители всех поволжских народов включают друг друга в «ближний» круг общения во всех сферах: производственной, соседской, дружеской, брачно-семейной. Различия в языках преодолеваются наличием языка (языков) межэтнического общения; в условиях Татарстана таковыми чаще выступают русский и татарский языки. Конфессиональные отличия не имеют антагонистической направленности в силу известной автономии религиозных общин и, главное, из-за миролюбивого характера самих вероучений. В таких условиях интенсивность поликультурного диалога народов Татарстана достаточно высока, о чем свидетельствуют, в числе прочего, результаты наших исследований.

В течение ряда лет нами производилось изучение потребительского поведения в РТ. При том, что само явление относится, скорее, к разделу социально-экономических наук, в нем имеется ряд характеристик, развиваемых в рамках экономической антропологии. На основе анализа эмпирических данных исследования, проведенного авторами, были выявлены некоторые особенности потребительского поведения русских и татар. Они связаны с целями и мотивацией приобретения новых вещей, оценкой воздействия рекламы и других маркетинговых инструментов на образ жизни, систему ценностей членов семьи и т.д. Особое внимание было

уделено характеристикам такого потребительского поведения, как «следование традициям» [8; 9; 11]. Между тем, в потребительском поведении русских и татар очень много общего, определенного не только едиными, в целом, экономическими основаниями существования социумов, но и тем обстоятельством, что представители крупнейших в Татарстане этнических групп проживают бок о бок рядом, нередко в рамках одного семейного коллектива, и модели общего поведения, включая и потребительскую его составляющую, складываются весьма близкие, - как по форме, так и по содержанию.

При изучении этнокультурного потенциала русских сельских поселений Республики Татарстан вопросы этнокультурных контактов и взаимодействия вставали как сами собой разумеющиеся. Практически повсеместно русские селяне соседствуют с людьми других национальностей в рамках административного поселения или одного населенного пункта. В недавнем прошлом это были еще и единые многонациональные хозяйственно-экономические подразделения: соседская община в дореволюционной деревне; колхозы и совхозы – в советской. Совместное проживание и трудовая деятельность давно минимизировали дистанцию между «мы» и «они», приучили к взаимопомощи, облегчили контакты всех форм. В настоящее время взаимодействие и диалоги наиболее рельефно проявляются в заключении межэтнических браков, функционировании этнически-смешанных семей, совместном участии в общественных мероприятиях, включая фестивали и праздники [10].

Запланированный проект по выявлению детерминированности культуры питания религиозными факторами на примере ислама также предполагает изучение результатов взаимодействия. Генеральная гипотеза исследования формулируется так: при наличии

канонической модели системы питания, изложенной в исламских источниках, существуют ее варианты, реализуемые в различных мусульманских общинах (в нашем проекте в качестве примеров будут представлены татары и таджики г. Казани); общие и особенные черты в этих вариантах формируются различными путями, в том числе и в результате взаимодействия.

Конкретный фактический материал, полученный нами в ходе реализации проектов, широко используется в учебном процессе при чтении лекционных курсов (например, «Этнология и антропология», «Этнология народов Волго-Уралья», «Общие проблемы этнологии народов России», «Маркетинг», «Менеджмент», «Управление территориями», «Управление персоналом» и другие), проведении семинарских занятий и тренингов. Помимо учебных целей, введение материалов о единых основах человеческого общежития, плюсах культурного диалога и взаимообмена имеет определенное воспитательное значение, формируя стандарты толерантного поведения в межэтнической и межконфессиональной среде. Студенческая аудитория в целом позитивно реагирует на подобный материал. Одновременно мы привлекаем студентов к выполнению проектов, когда они, отрабатывая свой сегмент, приобретают навыки работы в «поле», находя информаторов и опрашивая их; обрабатывая полученные данные и участвуя в их интерпретации. Итоги подобной практики реализуются в научных статьях и докладах на конференциях, нередко совместно с научными руководителями [4-9], в курсовых проектах, итоговых квалификационных работах бакалавров и магистрантов. Мы считаем, что подобные формы работы и ее результаты оптимальны в условиях современной высшей школы, сочетают интересы, как преподавателей, так и

обучающихся, работают на выполнение актуальных задач науки и образования.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00285 «Религиозные детерминанты в культуре питания (на примере татар и таджиков г. Казани)».

Список литературы:

1. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография в Казанском университете. - Казань, 2002. - 220 с.

2. Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). - Ижевск, 2006. - 324 с.

3. Миллер Г. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. - СПб., 1791.

4. Рычкова Н.В., Баранова В.В., Герасимова Д.В. Халяль на рынке медицинских услуг // IX-я Международная научно-практическая конференция "Нугаевские чтения". - Казань, 2016. - С.206 – 208.

5. Рычкова Е.С., Рычков С.Ю. «Халяль» и «харам» в праздничной культуре питания современных городских татар // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре: сб. статей, посвященный 30-летию кафедры философии, истории и теории мировой культуры СГСПУ и 15-летию ГУСО «Дом дружбы народов». - Самара, 2016. - С.185 – 188.

6. Рычкова Н.В., Гидиатуллина Л.Р. Соотношение глобального и национального на рынке одежды г. Казани // Теория и практика управления инновационным развитием социально-экономических систем. IV Нугаевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 16-17 декабря 2011 г. - Казань: ВШЭ, 2011. - С. 191-194.

7. Рычкова Н.В., Колесникова Л.Л., Шалдыбина А.Е. Специфика потребительского поведения в межнациональных семьях// Теория и практика управления инновационным развитием социально-экономических систем. IV Нугаевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - Казань: ВШЭ, 2011. - С. 198 – 200.

8. Рычкова Н.В., Миниханова Л.Д., Хакимова Л.А. Этнический аттитюд как источник маркетинговых инноваций. // VII "Нугаевские чтения". - Казань: КНИТУ, ВШЭ, 2014. - С.292-294.

9. Рычкова Н.В., Мухамадиева Э.Р. Отношение к нанопродуктам в структуре потребительской культуры // Культура и образование. Ноябрь 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/11/2487> (Дата обращения 23.11.2015).

10. Рычкова Н.В., Рычков С.Ю. Этнические модели потребительских практик (пример Республики Татарстан). Часть 1. - Казань, 2012. - 96 с.

11. Рычкова Н.В., Рычков С.Ю. Этнические модели потребительских практик (пример Республики Татарстан). Часть 2. - Казань, 2013. - 112 с.

12. Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. - Казань, 2004. - 315 с.

13. Rychkov S, Rychkova N., Stolyarova G., Ethnic Model of Consumer Practices Tatars and Russians of Republic of Tatarstan in the Period of Globalization // Review of European Studies. - Vol 7, No 3 (2015). – P. 298-304.

СВОЕОБРАЗИЕ ПОНИМАНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ТАТАРСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ФИЛОСОФИИ

А.Г.Сабиров

Елабужский институт (филиал) Казанского
(Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

В статье рассматривается понимание диалога культур татарской просветительской философией, выявляется своеобразие ее подхода к диалогу с арабомусульманской и русской культурой, обосновывается ее тезис о важности диалога культур как возможности обогащения и развития культуры татарского этноса.

Ключевые слова: диалог, культура, татарская просветительская философия, своеобразие, понимание.

Проблема диалога культур являлась важной и актуальной для татарской просветительской философии. Ей уделяли внимание такие представители татарской просветительской философии, как Ш.Марджани, К.Насыри, Г.Баязитов, М.Бигиев, Дж.Валиди, Р.Фахретдин, З.Камали, Ф.Карими и др. Ею также занимались представители современной татарской философии Я.Г. Абдуллин, Р.М. Амирханов, Т.К. Ибрагим, Р.М. Мухаметшин, А.Г. Сабиров, Ф.М. Султанов, А.Н. Юзеев, М.С. Юсупов и др. В работах данных философов подчеркивалось, что татарская философия формировалась и развивалась в результате активного диалога культур многих этносов, прежде всего, - диалога с арабомусульманской, западноевропейской и русской культурами. Вместе с тем, специфические аспекты диалога татарской просветительской философии с арабомусульманской, русской и западноевропейской культурами

изучены в недостаточной мере. Попытаемся решить указанную проблему.

Татарская просветительская философия – это важнейшее направление развития татарской философии, которая разрабатывала проблемы образования и воспитания, ориентировалась на просвещение народа и человека, на преобразование общественных отношений на основе современных научных знаний. Она оформилась во второй половине XIX века. Ее представляли Ш. Марджани, Г.Баязитов, Х.Фаизханов, К. Насыри, Ш. Культяси и др. Все они, являясь просветителями, не только пропагандировали знания, но и практическим образом распространяли их среди народа. В конце XIX – начале XX веков татарское просветительство реализовывало себя посредством философии джадидизма. Джадидизм представлял собой целостную совокупность идейно-философских и религиозных взглядов, в которых обосновывалась необходимость обновления различных социально-экономических и духовных сфер общества. Он также выступал как общественно-политическое движение, направленное на реализацию данных взглядов. Известными мыслителями и философами-джадидами были М.Акъегетзаде, Г.Баруди, М.Биги, З.Камали, Г.Буби, Г.Баязитов, Ш.Культяси, Р.Фахретдин, Д.Валиди, Ф.Карими и другие. В советский период татарская просветительская философия стала «университетской» (татарская философия в основном преподавалась в университетах, в которых работали преподаватели-философы) и продолжала дело просвещения татарского народа. Ее представляли такие философы, как М.Адрахманов, М.Булатов, З.Ишмухаметов, М.Садыков, Р.Амирханов, Я.Абдуллин, Р.Балтанов, Б.Галеев, К.Гизатов и другие. В настоящее время просветительскую деятельность татарская философия продолжает

осуществлять через «университетскую философию». Ее представляют такие философы, как Р.Абдеев, А.Ахтямов, Г.Балтанова, Н.Биккенин, Г.Гизатова, Э.Камалдинова, Д.Мухетдинов, Р. Нугаев, Р.Тагиров, Э.Тайсина, Л.Тухватуллина, А.Хайрутдинов, К.Хайруллин, Р.Хакимов, Э.Хакимов, А.Юзеев и другие. Кроме того, татарское просветительство реализуется также посредством развития теорий «татарского ислама» и «евроислама». Наиболее ярким представителем «татарского ислама» является Р.Сафин, «евроислама» – Р.Хакимов.

Татарская просветительская философия с момента своего возникновения уделяла большое внимание диалогу культур различных этносов. Своеобразие понимания ею диалога культур заключалась в следующем.

Татарская просветительская философия трактовала диалог культур, прежде всего, как взаимодействие, взаимовлияние, взаимопроникновение культур различных этносов, в процессе которых осуществлялось их обогащение и развитие. Понимание диалога культур как конфликта или отталкивания разных этнических культур не было присуще татарской просветительской философии. Она с момента своего возникновения относилась к диалогу культур позитивным образом, так как рассматривала его как важнейший фактор и возможность обогащения и развития татарской культуры. Татарская просветительская философия в значительной степени трактовала диалог культур как определенное заимствование татарской культурой духовных достижений более развитых этносов и обеспечение за счет этого развития культуры татарского народа. Татарские философы-просветители, как отметили А.Н. Юзеев и Д.В. Мухетдинов, «надеялись с помощью заимствований достижений Запада поднять культурный и социально–экономический уровень жизни татарского народа» [7]. Проблема обратного влияния татарской

культуры на другие культуры длительное время рассматривалась в меньшей степени.

Татарская просветительская философия рассматривала диалог культур как, прежде всего, диалог татарской культуры с арабо-мусульманской, русской и некоторыми западноевропейскими культурами (более подробно об этом диалоге см.: [3]). Наибольшее значение в диалоге культур представители татарской просветительской философии придавали диалогу татарской и арабо-мусульманской культур. Он активно происходил во время обучения представителей татарской просветительской философии в мусульманских образовательных учреждениях Бухары, в процессе изучения арабского языка, в процессе общения с арабскими учеными, деятелями культуры. Так, в Бухаре учились, например, А.Курсави, Г.Утыз-Имяни, Ш.Марджани и др. Там они усваивали арабо-мусульманскую философию непосредственно с языка оригинала, активно изучали арабский язык и знали его в совершенстве. Ш.Марджани был знаком и поддерживал тесные контакты с такими учеными арабского Востока, как Абу ас-Самарканди, Муниф-паша, Х.ал Каргали и многими другими. Специфика диалога татарских философов с арабо-мусульманской культурой заключалась в том, что они, как отмечает А.Н. Юзеев, отбирали «необходимые области арабо-мусульманской философии для своего развития» и развивали только данные философские проблемы [6, с. 42]. Большее значение в диалоге культур представители татарской просветительской философии придавали диалогу татарской и русской культур. Данный диалог активно происходил во время общения татарских философов-просветителей с представителями русской культуры, в процессе изучения русского языка, во время их путешествий по России. Так, Ш.Марджани активно

общался с И.Ф. Готвальдом, В. В. Радловым. В.В. Вельяминовым-Зерновым и шейхом ат-Тантави, О.С. Лебедевой, А.Бремом. Х.Фаизханов долгое время работал в Петербургском университете преподавателем татарского и турецкого языков. В Петербурге Х.Фаизханов был в дружеских отношениях с востоковедами В.В. Вельяминовым-Зерновым, Б.А. Дорном, П.И. Лерхом, шейхом ат-Тантави и др. Он также общался такими демократически настроенными общественными деятелями и выдающимися просветителями, как В.В. Стасов, Ч.Ч. Валиханов и Ибрагим Алтынсарин. К.Насыри близко общался или переписывался с русскими учеными В.В. Радловым, Н.Ф. Качаловым, И.И. Ильминским, Н.С. Саблуковым. Русский язык изучали и знали И.Хальфин, Х.Фаизханов, К.Насыри, З.Бигиев, М.Акъет-Заде и др. Ш.Марджани также активно изучал русский язык, даже написал книгу на русском языке. Диалог татарских философов-просветителей в основном шел с представителями просветительской русской культуры. Диалог с революционно-демократической культурой был ограничен. Я.Г. Абдуллин отмечал, что не приходится говорить о прямом воздействии на татарскую просветительскую философию философии русских революционных демократов [1, с. 33]. Возможно, знакомство татарских философов-просветителей с этой философией осуществлялось косвенным образом, в результате обмена мнениями с отдельными представителями передовых мыслителей России. Известно, например, что Х.Фаизханов общался с известным казахским демократом-просветителем Ч.Ч. Валихановым (1835 – 1865 годы), который в свою очередь был знаком и с Ф.М. Достоевским, и Н.Г. Чернышевским. Свообразно строился диалог татарских философов-просветителей с представителями марксистско-ленинской идеологии. Идеи

марксизма-ленинизма усваивались татарскими философами поверхностно, допускалась возможность его синтеза с некоторыми положениями ислама. На это обратил внимание Р.М. Мухаметшин. Он отметил, что «идеи большевизма, которые постепенно распространялись среди татарской интеллигенции, имели свой национально-религиозный оттенок: на первое место ими была выдвинута идея национального освобождения, большинство формул ортодоксального марксизма – классовая борьба, верховенство промышленного пролетариата, интернационализм если и не игнорировалось, то до конца не понималось. Национальные коммунисты были убеждены в том, что мусульманская культура и образ жизни, с одной стороны, и марксизм — с другой, не являются несовместимыми идеологиями» [2, с 36]. В советский период диалог татарских философов с представителями марксистско-ленинской идеологии стал более широким. Так, М.Абдрахманов, Р.Амирханов, Р.Балтанов, К.Фасеев активно заимствовали и развивали идеи диалектического и исторического материализма. Определенное значение в диалоге культур представители татарской просветительской философии придавали диалогу татарской и некоторых западноевропейских культур. Вместе с тем, он осуществлялся в основном опосредованно, прежде всего, через русскую и позже турецкую культуру. Как отметил А.Н. Юзеев, «уже в творчестве Насыри просматривается влияние турецкой общественной мысли, служившей своеобразным «мостом», наряду с русской, для проникновения в татарскую общественно-философскую мысль европейской культуры и науки. В начале XX в. турецкое влияние, в сравнении с русским, становится определяющим» [6, с. 145]. В настоящее время продолжает выстраиваться диалог татарских философов-просветителей

с арабо-турецкой культурой. Наиболее активно идет данный диалог в процессе развития идей «евроислама». Евроислам – это учение о месте ислама в современном обществе, о принципах его адаптации к ценностям западноевропейской цивилизации (см., подробнее: [5]). По своей сути, он представляет собой неодажидизм, который трактует ислам как культурное явление, соединяющее в себе и религиозные, и светские начала. Его сторонниками являются, прежде всего, Р.Мухаметшин, Р.Сафин, Ф.Султанов и Р.Хакимов.

Татарская просветительская философия рассматривала диалог культур не только как восприятие духовных достижений арабо-мусульманской, русской и западноевропейских культур, но и как определенным образом их обогащение ею указанных культур. Так, многие татарские философы распространяли свои взгляды в странах арабо-мусульманского мира в период своего обучения или пребывания в них, во время общения с учеными арабского мира. Например, Ш. Марджани более восьми лет преподавал в Бухаре и Самарканде. Его ученик Х. Фаизханов учил детей жителей Бухары. С.Максуди и М.Султан-Галиев оказывали определенное влияние на развитие национально-освободительного движения в некоторых странах мусульманского Востока. С. Максуди в начале 20 века, будучи одним из идеологов татарского национального движения, внес значительный вклад в идеологию туркизма в Турции. Идеи Султан-Галиева о некоторой общности идей ислама и социализма нашли воплощение в теории исламского социализма на мусульманском Востоке. В настоящее время идеи Р.Хакимова об «евроисламе» также нашли отклик у некоторых современных философов арабо-мусульманского мира. Многие татарские философы-просветители распространяли свои взгляды и в русском народе во время общения с

учеными России, во время преподавания в русских и татарских учебных заведениях. Например, Ш.Марджани преподавал исламское вероучение в Казанской татарской учительской школе, где готовили учителей русского языка. К.Насыри также решал важную задачу ознакомления русских людей с историей, культурой, обычаями татарского народа. Татарские философы-просветители выполняли важную цивилизаторскую миссию для многих тюркских народов России. Многие татарские философы и мыслители вели педагогическую работу среди тюркских народов Средней Азии. Они знакомили их не только с арабо-мусульманской культурой, но и с достижениями западной и русской цивилизаций. Особенно большой вклад в развитие мировой культуры был внесен татарскими философами-просветителями, которые разработали философию джадидизма. На это обратил внимание Р.С. Хакимов. Он отметил, что «если говорить о вкладе татар в мировую культуру, то, бесспорно, надо вести речь о джадидизме» [4, с. 408].

Татарские философы-просветители осознавали, что в процессе диалога культур ими воспринимались не только положительные духовные достижения арабо-мусульманской, русской и западноевропейской культур, но и некоторые их недостатки и ограниченности. Татарская просветительская философия под влиянием арабо-мусульманской философии восприняла такие духовные достижения, как философию объективного идеализма, философию ислама, философию антрополого-ориентированного характера. Под влиянием русской философии она стала преимущественно пантеистической, деистической (с отдельными вкраплениями естественнонаучного материализма) философией, приобрела просветительский, социально-ориентированный и антропологический характер. Вместе с тем, татарская

просветительская философия под воздействием арабо-мусульманской культуры приобрела такие ограниченности, как значительная подражательность, непоследовательность в решении основных философских проблем, значительное присутствие религиозной проблематики, некоторый утопизм в создании теорий справедливого общества и т.д. В свою очередь воздействие русской культуры способствовало появлению у татарской философии таких ограниченностей, как значительная идеологизированность и политизированность философии, преувеличение значимости просвещения в развитии общества и др. В настоящее время для татарской просветительской философии актуальна задача обеспечения дальнейшего развития татарской философии и культуры на базе продолжения диалога с различными культурами и использования собственных источников прогрессивного развития.

Таким образом, во-первых, диалог культур понимался татарской просветительской философией как взаимодействие культур, прежде всего татарского, русского и арабско-мусульманского этносов, в процессе которого осуществлялось творческое заимствование духовных достижений одного этноса от других этносов; во-вторых, отношение татарской просветительской философии к диалогу культур всегда было преимущественно позитивным; в-третьих, диалог культур рассматривался татарской просветительской философией как фактор и возможность обогащения и развития культуры татарского этноса.

Список литературы:

1. Абдуллин, Я.Г. Татарская просветительская мысль. Социальная природа и основная проблематика. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. – 236 с.
2. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и

политической жизни татар и Татарстана в XX веке. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 246 с.

3. Сабиров А.Г. Татарская философия: сущность, история, роль в духовном развитии татарского народа. Монография. – Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2012. – 158 с.

4. Татарский век глазами национальной элиты. 100 выдающихся татар. – Казань: Парадигма, 2005. – 656 с.

5. Хакимов Р.С. Где наша Мекка: (манифест евроислама). – Казань: Магариф, – 470 с.

6. Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII- XIX вв.– Казань: Таткнигоиздат, 2001. – 144 с.

7. Юзеев А.Н., Мухетдинов Д.В. Основные направления развития философской мысли татарского народа (X – XX вв.). – URL: www.idmedina.ru/books/scholar-books/2.1075 (дата обращения: 23.03.2017).

СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕНТАЛЬНОСТИ И МЕНТАЛИТЕТА

Л.А.Сабирова

Елабужский институт (филиал) Казанского
(Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

В статье рассматриваются понятия ментальность и менталитет, анализируются различные подходы к определению ментальности и менталитета в социофилософском ракурсе, выдвигаются авторские идеи по национальной самоидентификации человека. Ментальность и менталитет рассматриваются как сложно-структурные явления. В статье также анализируются различия между национализмом и патриотизмом.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, национальность.

Проблема разграничения ментальности и менталитета активно обсуждается в современной философии, этнологии, культурологии и социологии. Мы рассмотрим два основных подхода к понятиям «менталитет» и «ментальность»: 1) менталитет и ментальность являются однопорядковыми, однозначными понятиями [3]; 2) ментальность – это умонастроение конкретного человека, а менталитет – это умонастроение народа. Ментальность является составной частью менталитета [4].

По нашему мнению, более адекватным является второй подход. Обусловлено это тем, что аргументы, высказанные в пользу второго подхода, нам представляются более убедительными. Л.Н. Пушкарев считает, что менталитет имеет всеобщее, общечеловеческое значение, в то время как «ментальность» можно отнести к различным социальным группам, отдельному человеку и историческим периодам [4].

Менталитет – это этнокультурный атрибут для всех наций, а ментальность отражает культуру индивида-представителя отдельной нации. Менталитет представляет собой совокупность характерных свойств этнической общности, фундаментальный слой коллективного поведения, эмоционального реагирования на различные ситуации, присущие конкретному этносу. Национальный менталитет – это уровень психологического сознания и социально- поведенческих установок этноса, способность людей сохранять и передавать эти установки, а также социально-культурные ценности, сформированные под воздействием вероисповедания, культуры, традиций, под влиянием климата и окружающей среды. Национальный менталитет устойчив, он формируется на протяжении столетий и является ядром национальности как таковой. Важно отметить, что сегодня генетический

фактор не играет ведущей роли в идентификации своей национальности из-за смешения кровей и распространенности межэтнических браков. Национальность определяется менталитетом и этнической культурой, поэтому для грамотной самоидентификации себя как представителя какого-либо этноса человеку необходим психологический самоанализ своих черт характера и изучение национального менталитета. Мы предлагаем понимать под национальностью этническую и культурную самоидентификацию человека на основе менталитета, присущего той или иной национальности, а также этнической культуры. Национальный менталитет сложен и многогранен, и в зависимости от социально-экономической, политической и духовной ситуации те или иные качества выходят на активный план. Например, сегодня востребованы в России патриотизм и корпоративность. Эти качества присущи многим национальностям России. Патриотизм – духовное и нравственное чувство, а самое главное, - надо грамотно воспитывать патриотические чувства, а не идти на поводу сиюминутных эпатажных лозунгов. Воспитание патриотизма – серьезный и долгий процесс. Патриот настроен на грамотное созидание своей страны и обустройство своей жизни в ней не в ущерб другим жителям. Патриот не должен стремиться завоевать весь мир, так как он должен понимать, что чрезмерная гипертрофия государства, созданная путем насилия над другими народами, может привести к большим проблемам: нехватке материальных средств, межэтническим конфликтам, распространению экстремистских учений и росту сепаратистских настроений. Осознание этих проблем – еще одна черта, которая отличает патриота от националиста. Под корпоративностью следует иметь в виду объединение индивидов для осуществления

коллективными усилиями их личных целей, не осуществимых в одиночку и потому ставших на какое-то определённое время для них вынужденно общими или взаимно дополняющими, достижение которых представляется им возможным в течение ограниченных сроков — в пределах продолжительности жизни каждого из них.

Ментальность человека определяется менталитетом народа и зависит от него, потому что ментальность присуща индивиду, а индивид является неразрывным элементом народа. Под индивидом мы понимаем отдельного человека, как представителя общества или этнической группы.

Ментальность – это конкретное состояние индивидуального сознания человека, включающее в себя бессознательное, эмоциональное и рациональное. Е.А. Андреева полагает, что «ментальность – это рационально отрефлексированные, эмоционально-ценностные, интуитивные характеристики человека как личности» [1]. Ментальность характеризуется «набором нравственно-психологических чувств и выступает как социально-рассудочный феномен, базирующийся на соответствующих чувствах и настроении» [6, с.16].

Нами не поддерживается, во-первых, идея Е.А. Андреевой видеть сущность ментальности, прежде всего, в рациональном. Нами также не поддерживается идея Д.В. Полежаева видеть ее сущность во внесознательном. По нашему мнению, ментальность нельзя сводить только к отдельно бессознательным, отдельно чувственным и отдельно рациональным составляющим элементам. В связи с этим, правильнее понимать под ментальностью умонастроение человека [4].

Ментальность – это система различных установок, представлений и стереотипов человека, которые находятся

в сложном взаимодействии друг с другом. Она содержит в себе образ мышления и восприятия человеком окружающего мира, духовные ориентации, привычки, стереотипы, установки, настроенность, представления, автоматизмы, способы видения мира, склонности, приверженности, стремления к чему-либо [4].

Ментальность является системой иерархически соподчиненных элементов и их отношений между собой, обладает сложной структурой со своим ядром и периферией. Мы согласны с Д.В. Полежаевым в том, что ментальность содержит в себе ядро – «инертный, мало изменчивый блок, выполняет роль образующую, охранительную и восстановительную» и «внешнее», «оболочку» – витальный блок, подвижный и реагирующий на воздействия извне, и что «системообразующим элементом ментальности является установка» [6, с. 19]. Главными составными элементами ментальности, относящимися к ее ядру, являются установки, привычки и склонности. Именно они отражают сущностную сторону ментальности и определяют тип восприятия мира человеком, его готовность действовать определенным образом.

Ментальность – это духовный феномен, который сформировался под воздействием системы различных объективных и субъективных факторов. В.М. Соколов считал что «менталитет складывается на протяжении длительного времени существования народа в определенных социальных, климатических и географических условиях. Сложившись, он практически не меняется в своих сущностных характеристиках, хотя в каких-то отдельных своих проявлениях может своеобразно трансформироваться» [5].

Ментальность является определенным духовным состоянием человека, которое выражает его

приверженность к определенному типу поведения и действия. Ментальность человека влияет «на предрасположенность к усвоению определенных социокультурных ценностей и норм..., на специфику поведения людей, социальные отношения и культуру» [7, С.20].

В свою очередь А.Я. Гуревич также подметил, что оказывают ментальность как символы, культурные образцы, устойчивые стереотипы восприятия, нередко не осознанные полностью, потаенные от самих носителей, влияние на них самих, то есть не только человек обладает ментальностью, но и она им. Он писал, что «меня, признаться, мало волнует, что *mentalite* трудно определить. Дело в том, что не только человек обладает *mentalite*, не отдавая себе в этом отчета, но и она им «обладает» [2, С.50].

Ментальность человека обладает сложной структурой, иерархичностью, субординированностью, пограничностью состояния, устойчивостью, консерватизмом, активностью влияния. Ментальность содержит в себе целостную систему различных установок, которые находятся в сложном взаимодействии друг с другом, структурные компоненты, которые относятся к ее ядру и определяют другие компоненты, а также компоненты, относящиеся к ее периферии, внешней оболочке. Ментальность располагается на стыке бессознательного, чувственного и рационального, поэтому проявляется и в инстинктивных формах поведения, и в установках и стереотипах, которые рациональным образом не осознаются. Ментальность мало подвержена изменениям, основывается на традициях. Ментальность выступает важным фактором, обуславливающим определенные типы поведения и действия человека. Ментальность способствует пониманию человеком своей

общности с другим человеком, обладающим одинаковой с ним ментальностью, и наоборот, - своей непохожести с другим человеком, обладающим различной с ним ментальностью.

Список литературы:

1. Андреева, Е.А. О понятии ментальности / менталитета в современной России / Е. А. Андреева // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы 2-й Всерос. научно–практической Интернет–конфер. на сайте sib–subethnos.narod.ru. с 15 января по 1 ноября 2005 года / отв. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2006. – Вып. 2, кн. 1. – С. 22–32.

2. Гуревич, А.Я. Ментальность / А.Я.Гуревич // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1989. – 560 с.

3. Российская ментальность (Материалы «круглого стола»). Участники: Г.Д. Гачев, И.К. Пантин, А.С. Панарин, В.П. Макаренко, В.К. Кантор, А.Н. Ерыгин, А.П.Огурцов // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 25–53.

4. Сабирова Л.А. Своеобразие проявления русской ментальности в конкретно-историческом контексте общественного развития. Дисс... канд. филос. наук: 09.00.11 / Сабирова Л.А. Мордовский гос. ун-т им. Н.П.Огарева. – Саранск, 2014. – 164 с.

5. Соколов В.М. Природа и сущность российской ментальности [Электронный ресурс] / В.М. Соколов. – URL: <http://raznyestrany.com/1877-sokolov-v.-m.-quotpriroda-i-suschnost-rossiyskoj-mentalnostiquot.html> (дата обращения: 07.01.2014).

6. Полежаев, Д.В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: автореф. дис...докт. филос. наук: 09.00.11 / Полежаев Дмитрий Владимирович; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2011. – С.16.

7. Трофимов, В.К. Генезис и сущность русского национального менталитета: Монография / В.К. Трофимов. – Ижевск: РИО «Шеп» Ижевской ГСХА., 2000. – 286 с.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.Ш.Садриев

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского
(Приволжского) федерального университета,
г. Набережные Челны

Виртуализация культурной сферы жизни общества является одной из значимых проблем современности. Сформировалось определённое представление о постиндустриальном обществе как качестве социальных отношений и порождающих процессов, где подавляющая часть производимых ценностей создаётся на интеллектуальных технологиях. Культурная виртуализация общества в итоге предстаёт радикальной трансформацией способа существования цивилизации. Характеризуя серьёзные издержки информационной цивилизации и обусловливаемой её эффекты, требует выработки взвешенной позиции относительно настоящего и будущего.

Ключевые слова: *киберкультура, глобализация культуры, виртуализация культуры, компьютерная этика.*

Под инновацией в культуре понимаются механизмы формирования новых культурных моделей самого разного уровня, которые создают предпосылки для социокультурных изменений. Способность общества к адаптироваться к изменяющимся условиям делает возможным эффективное разрешение непосредственно стоящих перед обществом и человеком конкретных

проблем, и очень часто новые культурные формы, прежде чем стать общепринятыми, вырабатываются в тех видах культурной деятельности, в которых не реализуются насущные потребности конкретного общества. Киберкультура – направление в культуре, основанное на использовании возможностей компьютерных игр и технологий виртуальной реальности.

Культурная составляющая глобализации – быстрое, агрессивное вбрасывание западных норм, стандартов, ценностей в сферу духовной жизни, формирование иллюзий, символов, мифов массового общества. Глобализация культуры проявляется как тенденция диффузии культурных образцов западной цивилизации во всемирном масштабе. Культурное пространство превращается в арену противоборства различных групп интересов за влияние на коллективное и индивидуальное сознание путем рассредоточения каналов и субъектов воздействия. Основным проявлением культурной глобализации становится субъективация общественных отношений и поиск человеком и сообществами своей культурной идентичности перед лицом нового миропорядка. Кастель предсказывает: «Те силы, которые являются выразителями устремленной в будущее самобытности, направленной на изменение культурных кодексов и кодов, неизбежно должны выступать в качестве носителей символов. Они должны воздействовать на культуру виртуальной реальности, которая обеспечивает рамки коммуникаций в обществе сетевых структур, видоизменяя её в интересах альтернативных ценностей и вводя новые коды и кодексы...» [1, с. 200].

Автор выделяет две основные категории таких потенциальных сил. К первой категории относятся пророки. Это символические персоналии, роль которых заключается не в том, чтобы выступать в качестве

харизматических лидеров или тонких стратегов, а в том, чтобы олицетворять (при помощи своего истинного лица или маски) то недовольство, которое имеет символическое значение. Периоды крупномасштабных исторических преобразований, зачастую осуществлявшихся в условиях гибели институтов, всегда были временем появления пророков. В ещё большей степени это должно проявиться при переходе к информационному веку, другими словами, - к социальной структуре, организованной вокруг информационных потоков и манипуляции символами.

Сегодня сетевая логика вторгается в сферу культуры. Постмодернистская культура, творчество абстрагируются от исторических и географических корней – в ней господствует аудиовизуальный гипертекст. Субъект растворяется в мире знаков, не имеющих центра. «Медиакосмос, стоящий между индивидом и действительностью, взял на себя право не только интерпретировать события, но даже на сами события, на формирование личностной и цивилизационной идентичности» [2, с. 36]. Область технологических приёмов, направленных на «промывание мозгов», подавляет область культурных смыслов – происходит подмена духовного технологическим.

Интересен факт, что аналогии виртуализации культуры содержатся в утверждении соцреализма. Конструкции виртуального пространства, создаваемого искусством социалистического реализма, можно проиллюстрировать многочисленными примерами. Кинематограф и живопись, музыка и литература, плакатная пропаганда и декорации советских и (постсоветских) политических спектаклей демонстрируют удивительную закономерность, согласно которой виртуальные спектакли того времени являлись прямым предшественником постмодернизма.

В результате новой составляющей культуры становится такая область, как «компьютерная этика». Весьма сложная этическая проблема компьютеризации возникает в связи с тем, что операции компьютера в значительной мере остаются «невидимыми», несмотря на наличие визуализирующих диалоговых средств. Пользователь знает входную и исходную информацию, он может увидеть и результат переработки информации, однако он, как правило, не имеет ни малейшего представления о том, какие информационные процессы протекают «внутри» компьютера.

Помимо проблем общесоциального характера использование компьютерных технологий порождает множество частных проблем, таких как вторжение при помощи компьютера в личную жизнь, компьютерная преступность, право собственности на компьютерные программы, проблема ответственности за ошибки, допускаемые компьютером, изменение структуры и ценностных характеристик профессиональных этических кодексов (этика врача, инженера, учителя) и т. д.

Компьютерная этика – новая профессиональная этика, своим рождением определяемая развитием информационно-компьютерных технологий (ИКТ) и их взаимодействием с другими областями и результатами человеческой деятельности, которые уже регулируются выработанными ранее этическими нормативами. Она обозначает следующее: не воруй программы, не вмешивайся не в своё дело (скажем, в чужие банки данных), относись с уважением к интеллектуальной собственности, стремись не вваливать на компьютеры ответственность за решения, которые должен принимать именно ты. Компьютерная этика – становящаяся дисциплина, имеющая теоретический, практический и эвристический статус. Она носит пока по преимуществу

проблемный характер, поскольку человек ещё не накопил достаточного опыта. Компьютерная этика зависит от технологий и её интерпретаций. Но вместе с тем она должна быть нормативной дисциплиной.

С проблемой виртуальной реальности связана необходимость содержания кодексов чести составителей сайтов Интернета, средств массовой информации (СМИ), особенно телевидения. С точки зрения влияния на социальное поведение мир телевизионных и компьютерных образов может оказаться сильнее действительности.

Глобализация ставит перед мировыми и российскими СМИ сложные задачи. Наметившиеся положительные тенденции в информационной политике нуждаются в плюралистическом, консолидирующем обсуждении путей социального развития. В структуре общественности должно увеличиваться количество «адекватных граждан», ориентированных в вопросах глобального развития, способных к активной поддержке движения к единому, взаимосвязанному миру на демократических гуманистических основах. Реализацию такой информационной политики СМИ не осуществить без учёта геополитического аспекта, совершенствования информационной инфраструктуры, укрепления ответственности журналистских коллективов, анализа точек зрения, видения перспективы гуманитарно-ориентированного планетарного мышления.

Глобализация предполагает ценности выбора и конкуренции в среде СМИ, поэтому в обществе важна институционализация соответствующих гарантий: независимости, автономии, плюралистичности, беспристрастности, высокой культуры, профессионализма. Показатель развитости общества – реализация общественными СМИ демократического диалога.

Оцениваются специфические черты этики и механизмы поддержания высокой ответственности СМИ; рассматриваются предпосылки формирования института саморегулирования прессы, среди которых – наличие действующего законодательства, развитое общественное самосознание населения.

Итак, трансформация современной культуры происходит под «знаком» виртуализации. Виртуализация несёт в себе возможность не только вносить «нужные» символы в функционирование социальной системы, но и содержит опасность искусственного манипулирования ценностными смыслами, определяющими человеческое существование. Здесь – не только перспективы оптимизации и гуманитарного роста, но и трагедия манипуляции, дегуманизации, омассовления, стандартизации. Данные тенденции проявляются в функционировании различных отсеков культуры, проявляются как в понимании стратегических ориентаций культуры как таковой, так и в различных её отсеках – например, в сферах СМИ, образовании. Социально-философская рефлексия виртуализации культуры позволяет определить сложные, противоречивые характеристики современного состояния культуры, позволяет человеку с опорой на гуманитарный потенциал культуры определить для себя значимые векторы эволюции.

Список литературы:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606, [1] с.

2. Неклесса А. Конец цивилизации, или конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 3. – С. 35-40.

ТРАДИЦИИ ВЕРОТЕРПИМОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ КОМПЛИМЕНТАРНОСТИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Р.Г. Сайфуллин

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского
(Приволжского) федерального университета,
г. Набережные Челны

А.Р. Сайфуллина

Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны

В статье анализируется генезис традиций веротерпимости и толерантности на территории России. Выдвигается гипотеза, что эти традиции сформировались на основе положительной комплиментарности народов Евразии. С позиции этой гипотезы анализируются интеграционные процессы на всем евразийском пространстве.

Ключевые слова: *концепция Л.Н. Гумилева, комплиментарность, толерантность, веротерпимость.*

Традиции веротерпимости и толерантности на территории нашей страны имеют глубокие исторические корни. В эпоху раннего средневековья в Хазарском каганате сосуществовали мусульманские, иудейские и христианские общины. Полиэтнический и поликонфессиональный характер хазарского общества способствовал формированию в нем веротерпимости и толерантности. Традиции веротерпимости и толерантности унаследовали мусульманские государства, существовавшие в Волго-Уралье в эпоху средневековья – Булгарский эмират и Джучидский султанат.

Официальное принятие ислама Волжской Булгарией состоялось в 922 г. Секретарь багдадского посольства Ибн Фадлан упоминает о том, что болгары придерживались ислама ханафитского толка, тогда как сам Ибн Фадлан, как и халиф его времени, являлись представителями шафиитского толка. Как пишет Д. Шагавиев, попытка Ибн Фадлана убедить болгар исполнять религиозную практику в соответствии с мазхабом своего двора успеха не имела. Однако было найдено компромиссное решение: на молитву стали призывать одновременно два муэдзина, - один в соответствии с мазхабом имама Абу Ханифы, а второй – имама Шафии. По справедливому мнению Д. Шагавиева, это свидетельствовало о толерантности болгар [6, с. 102].

Веротерпимость и толерантность были унаследованы Джучидским султанатом. Первым из ханов Улуса Джучи принял ислам хан Берке в 1261 г. В правление хана Узбека в первой половине XIV в. произошло широкое распространение ислама среди населения страны. Судя по всему, в Улусе Джучи также был воспринят суннизм в его ханафитском толке [3].

Несмотря на статус ислама как государственной религии, свободно чувствовали себя в стране и представители иных конфессий. Как пишет, например, Г. Исхаки: «Все религии в Золотой Орде пользовались одинаковой свободой. По законам Чингиз-хана за оскорбление религии полагалась смертная казнь. Духовенство каждой религии было освобождено от уплаты налогов» [4, с. 17].

Привилегированным в Улусе Джучи было положение Русской православной церкви. Православное духовенство было не только освобождено от уплаты налогов, но и сохранило все свои земли. «В 1261 г. в Сарае усилиями Александра Невского и монгольских ханов было открыто подворье православного епископа. Он не подвергался

никаким гонениям. Никто не требовал от русских обращения в ислам» [2, с. 133-134].

Таким образом, веротерпимость, присущая мусульманским государствам, существовавшим на территории Волго-Уралья в эпоху средневековья, была связана в значительной мере с господством ханафитского мазхаба, в целом толерантно относившегося к традициям и культуре иных конфессиональных и этнических общностей, проживавших в этих государствах. Следует сказать, что конфессиональная ситуация в Османской империи, где также господствовал ханафитский мазхаб, характеризовалась в определенной степени терпимым отношением к покоренным балканским православным народам, которые предпочли подчиниться мусульманской Турции, а не католическому Западу.

С позиций теории этногенеза Л.Н. Гумилева взаимная веротерпимость и толерантность народов Евразии объясняется их положительной комплиментарностью по отношению друг к другу. «Положительная комплиментарность – это ощущение подсознательной взаимной симпатии членов этнических коллективов, определяющее деление на «своих» и «чужих». Комплиментарность в этнической системе порождает явление эндогамии. При этнических контактах положительная комплиментарность этнических систем может привести их к симбиозу» [5, с. 501]. Войны между некомплементарными (отрицательно комплементарными) суперэтническими общностями имеют истребительный характер.

В эпоху раннего средневековья начал формироваться единый евразийский суперэтнос. Составлявшие его восточнославянский и тюркские этносы были положительно комплементарны друг другу. Как пишет Л.Н. Гумилев, «наши предки дружили с половецкими

ханами, женились на «красных девках половецких», принимали крещеных половцев в свою среду» [1, с. 324]. По его мнению, половцев и русских связывало не только противостояние, но и союзнические отношения, проявившиеся в совместной борьбе против крестоносцев, сельджуков и монголов [1, с. 218]. Он высказывает мнение, что в результате похода Батыя установился направленный против католического Запада военно-политический союз Северо-Восточной Руси – будущей России и Золотой Орды [2, с. 134].

Формированию положительной комплиментарности народов Евразии способствовали общность и взаимосвязанность их исторической судьбы. Конкретизировав трактовку понятия «Евразия» с позиции своей теории этногенеза, Л.Н. Гумилев развил представление о Евразии не только как определенном историко-географическом макрорегионе, но и как культурно-историческом образовании с присущей ему пассионарной динамикой. Три витка этногенеза (хунно-тюркский, монгольский и российский) породили три преемственных суперэтноса, последовательно сменявших друг друга на евразийском пространстве. Хунны, тюрки, монголы создали не только яркие и самобытные культуры, но также обширные и могучие империи – Хуннскую державу, Великий Тюркский каганат, Монгольскую империю Чингисхана. С XVI в. их эстафету переняли великороссы, сумевшие сплотить в рамках России народы, населявшие огромные пространства Евразии – от Балтики и Карпат до Тихого океана, и от Ледовитого океана до гор Алтая. По Л.Н. Гумилеву, периоды интеграции и пространственного расширения Евразии были связаны с ростом пассионарности евразийских суперэтносов, тогда как этнополитическая и геополитическая дезинтеграция и сужение границ Евразии приходились на периоды спада их

пассионарности.

Несомненной актуальностью обладает мысль Л.Н. Гумилева о том, что залогом прочности современной российской государственности было и остается уникальное сочетание единства и многообразия культуры народов нашей страны, их многовековая дружба. В условиях стремительно меняющегося мира становится все более востребованной ключевая идея Л.Н. Гумилева – идея комплиментарности народов Евразии. В свете этой идеи глубоко закономерными представляются набравшие силу в последние годы интеграционные процессы на всем евразийском пространстве. Их развитие привело к заключению стратегических по своей значимости соглашений о создании Евразийского экономического сообщества, Организации Договора о коллективной безопасности, Таможенного союза и т.д. В связи с этим вспоминаются пророческие слова Л.Н. Гумилева, сказанные им в одном из своих последних интервью: «Если России суждено возродиться, то только через евразийство». Можно констатировать, что этот прогноз Л.Н. Гумилева сейчас обретает вполне реальные черты, воплощаясь в создании общеевразийских интеграционных объединений.

Присущие для истории и современности России традиции веротерпимости и толерантности сформировались во многом на основе положительной комплиментарности населяющих ее народов. Необходимо подчеркнуть, что этот вывод базируется на идейном наследии Л.Н. Гумилева. Его труды, посвященные осмыслению исторических судеб народов Евразии и других народов мира, несут в себе дух толерантности и наполнены подлинным гуманистическим содержанием. Все это свидетельствует о совершенно особой научной актуальности, международно-политической и практической значимости наследия Л.Н. Гумилева, об

устремленности его идей в будущее.

Список литературы:

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. - М., 1992.

2. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. - М., 1992.

3. Измайлов И. Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы историографии и источниковедения // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/mongol/15.php (дата обращения: 02.03.2017).

4. Исхаки Г. Идель-Урал. - Казань, 1991.

5. Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л.Н. Гумилева. Составитель В.А. Мичурин. Под ред. Л.Н. Гумилева // Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. - М., 1993. - С. 493-542.

6. Шагавиев Д. Приверженность мусульман Волго-Уральского региона ханафитскому толку ислама: история и современность // Минбар. - 2008. - № 2. - С. 101-110.

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ
КОНФЛИКТОВ НА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ
(ИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Н.Р. Исхакова

Технический колледж им. В.Д. Поташова,
г. Набережные Челны

Н.З. Сафиуллина

Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны

Л.М. Исхакова

Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны

Проблемы нравственной культуры современной молодежи в условиях кризиса являются актуальными, так как они приобретают приоритетный характер основных вопросов всего общества. Научная новизна данной работы состоит в том, что она представляет собой научное исследование и на основе эмпирических данных делается попытка определения новых методов регулирования социального поведения современной молодежи. Регулирование межконфессиональных отношений влияет на процессы формирования духовно-нравственных ценностей и культурных традиций многонациональных государств.

Ключевые слова: межконфессиональные отношения, молодежная среда, национальная политика, молодежная программа, конфессии, национальные интересы, мусульманская культура.

Состояние научных исследований на сегодняшний день по данной проблеме всесторонне не раскрывает сущность межконфессиональных отношений. Важным и определяющим сегодня является решение этой проблемы в условиях многонациональной России, реализующей идеи истинного федерализма, которые позволяют в рамках единой страны в полной мере учитывать национальные и региональные интересы народов разных конфессий.

Современное российское общество сегодня озадачено значительным распространением экстремистской и террористической активности. Ее распространение связано с широкой гаммой причин. Среди основных можно выделить:

- слабая поддержка развития молодежных программ;
- занятость молодежи;
- усиление расслоения общества на «богатых» и «бедных»;

- проблемы, связанные с получением качественного образования и т.д.;
- социально-политические факторы, такие как активность националистически настроенных партий и организаций, деятельность различных неформальных групп;
- в современном обществе намечаются страх, тревога, неуверенность в завтрашнем дне.

Все это влияет на внутреннюю культуру молодежи, на её нравственность, мораль и духовность. А это в свою очередь создает основу для активизации деятельности экстремистских организаций [6, с. 96].

На основе социологических исследований, проведенной авторами данной работы в 2016 году среди подростков г. Набережные Челны Республики Татарстан, были проанализированы вопросы, касающиеся современного экстремизма и терроризма в молодежной среде. Экстремистские взгляды в современном обществе наблюдаются в самых разнообразных сферах подростковой и молодежной культуры [3, с.124].

Одной из опасных и труднопрогнозируемых для общества крайних мер экстремистов является терроризм. В результате социологического опроса было выявлено, что около 50% респондентов дали литературно-грамотное определение термину «терроризм», отметив, что это – «устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения»; более 30 % опрошенных подразумевают под экстремизмом «незаконное право применения вооруженной силы одним государством против суверенитета другого государства»; около 20 % ответили, что терроризм, - это «открытое враждебное заявление о своих действиях и поступках». Исходя из анализа ответов респондентов нет оснований уравнивать уровень знаний об

экстремизме и терроризме, хотя определенная взаимосвязь между этими явлениями прослеживается [2, с.24-29].

Однако при ответе на следующий вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что настоящая дружба может быть между представителями только одной конфессии?» почти 95% респондентов дали ответ «нет», то есть выразили несогласие с данным утверждением. Этот факт мы объясняем тем, что среди их знакомых, друзей есть лица, являющиеся представителями других конфессий и с которыми они поддерживают дружественные отношения. Каждый десятый из опрошенных респондентов затруднился ответить на данный вопрос. На вопрос: «Знаете ли Вы причины конфликтной ситуации с другими конфессиями,» - 90% респондентов выбрало ответ: «неприятно». Таким образом, знание и уважение конфессиональных особенностей народов, их культурных традиций и обычаев являются чрезвычайно актуальными сегодня — в период становления правового гражданского общества. Они могут сыграть чрезвычайно важную роль сохранения и развития дружбы и сотрудничества между народами, проживающими на территории многоконфессиональной и многонациональной России. Эти направления находят отражение в современной национальной политике Российской Федерации [1, с. 163].

В современных условиях, когда происходит, пусть даже медленно, духовное обновление общества, существенно возрастает оценка культурного наследия прошлого народов, принадлежащих к разным конфессиям. Так, например, для изучения влияния элементов исламской культуры на формирование самосознания и самоидентификацию молодежи был задан вопрос: «Ощущаете ли вы себя носителем элементов мусульманской культуры?». Треть респондентов себя к таковым не отнесли. Таким образом, заметная часть

респондентов не считает себя носителем элементов исламской культуры. Исправить данную ситуацию могла бы популяризация национальной культуры именно среди молодежи, поскольку, как показал опрос, большинство респондентов, изучавших исламскую культуру (34%), ограничились лишь знаниями школьной программы. В то же время результаты анкетирования демонстрируют благоприятную ситуацию: в целом около 60% респондентов так или иначе изучали исламскую культуру [3, С.127].

Популяризация исламской культуры по возможности не должна быть навязчивой, поскольку сознательное желание изучать культуру ислама выразили лишь 37% респондентов, а навязывание каких-либо ценностей может вызвать неприятие, протест или отторжение.

Одна из наиболее важных ролей при изучении исламской культуры отводится материальной культуре и её визуальным проявлениям. Благодаря проведенному опросу можно установить распространенность знаний о различных визуальных элементах исламской культуры среди респондентов: например, основная часть опрошенных (88%) встречают элементы архитектуры исламской культуры в лице куполов и минаретов в повседневной жизни, в каллиграфии - 48%, арки и порталы - 37%, растительный орнамент - 34%, геометрический орнамент - 20%. 71% респондентов считает важным присутствие элементов исламской культуры в повседневной жизни, 52% опрошенных отмечает их исключительно положительное влияние на формирование духовно-нравственных основ молодежи; у 37% опрошенных вызывает интерес изучение национальных традиций и истории татарского народа; 28% респондентов изъявили повышенный интерес к культуре ислама, из них 26% считают, что присутствие элементов культуры ислама

повлияло на формирование их эстетического вкуса. Также важно отметить, что ни один из респондентов не высказал отрицательного отношения к мусульманской культуре.

Опрос показал, что свыше половины респондентов (57%) встречали представленные нами элементы исламской культуры за пределами республики Татарстан, и 66% из встречавших испытывали при этом положительные эмоции, как гордость (29%), радость (21%), ностальгию (16%), еще 29% респондентов отметили узнаваемость этих элементов. Причем соотношение замеченных респондентами объектов в повседневной жизни республики и за её пределами почти не различаются: вне республики так же чаще всего встречаются купола и минареты (63%) и каллиграфия (26%), чуть реже – арки и порталы характерной для мусульманской архитектуры формы, а геометрический и растительный орнамент респонденты встречали с одинаковой частотой (8,5%). Необходимо отметить, что почти половина опрошенных (46%), встречая данные визуальные элементы исламской культуры за пределами республики, воспринимает их как нечто знакомое, личное и родное, 60% респондентов в подобной ситуации ощущают свою причастность к культуре и народу Татарстана. Это очень важное наблюдение, если принять во внимание, что ранее только треть респондентов назвали себя носителями мусульманской культуры республики. Сравнив эти цифры, можно подчеркнуть, что большая часть молодежи не осознает в полной мере влияния на них традиционной национальной культуры, либо, находясь в этой среде большую часть жизни, настолько свыклась с ней, что свою принадлежность к мусульманской культуре они ярче воспринимает издалека, лишь покинув привычную среду. Этот вывод перекликается с идеей урбаниста Кевина Линча [4, с. 85], изучавшего формирование и восприятие места,

закрывающейся в том, что образ места складывается только тогда, когда человек его покидает.

Также необходимо отметить, что большое число респондентов (63%) считает, что наличие визуальных элементов исламской культуры в современной Республике Татарстан повлияло на их восприятие себя как части населения республики. При этом только 43% опрошенных исповедуют ислам, среди остальных оказалось 40% христиан и 8,5% атеистов. Таким образом, следует отметить, что визуальные элементы исламской культуры стали важной частью жизни народов Татарстана, независимо от их религиозной принадлежности, образовав в сочетании с другими существующими здесь культурными традициями единый культурный слой. Подобная поликультурная среда позволяет воспитывать людей толерантных, свободных, открытых новому и уважающих чьи бы то ни было конфессиональные и культурные традиции. Кроме того, визуальные элементы исламской культуры становятся важным инструментом самоидентификации молодежи, помогая формировать образ и осознание себя как жителя многокультурной и многонациональной республики и части богатой многовековой культуры народов Татарстана [5, с. 96].

Однако в работе по предупреждению конфликтов на конфессиональной почве невозможно использовать какие-либо быстродействующие средства. Данная работа не эпизодическая, не разовая, ее следует проводить системно и повседневно. Она требует терпения и в некоторой степени даже деликатности и осторожности. На наш взгляд, наиболее оправданным способом профилактики различного рода конфликтов является создание в семье, в организации, в обществе такой нравственно-психологической атмосферы, которая будет исключать возможность возникновения агрессивных и негативных

настроений, ведущих к тяжелым конфликтам и экстремизму.

Список литературы:

1. Исхакова, Н.Р., Сафиуллина, Н.З. К вопросу возрождения этнических традиций народов (на материалах Республики Татарстан) / Н.Р. Исхакова, Н.З. Сафиуллина. Дискриминация, терроризм и другие виды нетерпимости (Современный мир: единство и разнообразие): Учебно-методическое пособие //Под ред. С.А. Гончарова, В.Ю. Сморгуновой.- СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2010.

2. Исхакова, Н.Р., Сафиуллина, Н.З. Роль национальной культуры в формировании духовных ценностей молодежи (историко-социологический аспект) / Н.Р.Исхакова, Н.З.Сафиуллина // Роль ислама в стабилизации социальных процессов: сборник статей и тезисов Республиканской научно-практической конференцию 2 марта 2013 г./ под ред Р.И. Хазиева.- Набережные Челны: Ак мечеть, 2013.-С.24-29.

3. Исхакова Н.Р. и др. Морально-нравственный потенциал формирования духовной культуры молодежи (на материалах республики Татарстан) / Н.Р. Исхакова, Н.З. Сафиуллина, Л.М. Исхакова, Т.Г. Шарафутдинова // В мире научных открытий. - 2014. - № 5 (53).

4. Линч, К. Образ города. Перевод с англ. В.Л. Глазычева.- Москва: Стройиздат, 1982.

5. Сафиуллина Н.З., Исхакова Н.Р. Исторические аспекты развития национальной культуры народов России (на материалах республики Татарстан) / Н.З. Сафиуллина, Н.Р. Исхакова // Международный журнал экспериментального образования. - 2013. - № 11-2.

6. Чупров, В. И., Зубок, Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции /В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. - Москва: Изд-во «Академия», 2009.

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОСТИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ Г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ)

Н.Р. Исхакова

Технический колледж им. В.Д. Потапова,
г. Набережные Челны

Н.З. Сафиуллина

Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны

Л.М. Исхакова

Набережночелнинский государственный педагогический
университет, г. Набережные Челны

Данное исследование является составной частью исследовательского проекта, посвященного изучению проблем «Концепции дома будущего». На основе анализа результатов социологического опроса авторами были предложены рекомендации по проектированию современного дома для архитекторов и дизайнеров. В работе также рассматриваются вопросы противостояния природы и цивилизации, которые можно решить, создавая больше зон для взаимодействия людей.

Ключевые слова: *духовность, концепция, природа, цивилизация, архитектура, дизайнер, преемственность.*

В современных условиях, с повышением уровня благосостояния общества и развитием технологий изменяется отношение человека к природе, к окружающей среде и к своему дому. В жизни человека большую роль играет естественная среда: наличие водоемов, парковых зон, лесов, которые выполняют позитивную роль для

настроения жизни города и его жителей [1]. Более того, естественная природа выполняет в жизни общества не только экологическую функцию, но и духовно-нравственную, образуя одно целое с историей города, с его непосредственным названием. Проблема, рассматриваемая в этой работе, является актуальной.

«Технологии изменяют традиционные отношения между человеком и природой, влияя на изменения существующих норм образа жизни и жизненных ценностей» [3]. С изменением вектора окружающего нас мира в сторону «умных» технологий в профессиональной среде архитекторов и дизайнеров к дому предъявляются новые требования: применение новейших материалов и технологий, в том числе технологий ресурсо- и энергосбережения, интерактивность жилого пространства, мобильность, возможность динамической трансформации, духовно-нравственные и другие. Положительное влияние духовно-нравственных аспектов на общество широко освещалось и освещается в персидской, арабской и татарской литературе. Их роднит восхищение прелестью окружающего бытия, красотой реального мира и стремление эстетически обосновать человеческое право на земное счастье и поиск «человеческой меры вещей» во всем [4].

Авторами проведено социологическое исследование с целью выявления отношения общества к «перспективам духовно-нравственного развития через концепцию дома будущего», и на основе анализа результатов опроса были предложены рекомендации для архитекторов и дизайнеров по проектированию современного дома. Была также предпринята попытка выяснить ответы на вопросы: каким видят респонденты свой идеальный дом? Какие факторы при выборе дома они считают наиболее важными для духовно-нравственного развития?

Исследование проводилось в форме анкетирования в 2016 г. среди жителей разных возрастов города Набережные Челны Республики Татарстан. Выборка респондентов не репрезентативная. По результатам анкетирования все опрошенные проживают в квартирах многоэтажных домов, что доказывает существование проблемы частного малоэтажного строительства.

Ниже нами приведены результаты анкетирования по наиболее интересным с точки зрения дизайна и архитектуры вопросам: в детстве мечтали пожить «в домике на дереве - 36%; на необитаемом острове - 24%; средневековом замке - 12%; в лесном шалаше - 8%; в палатке на берегу реки - 4% и другой вариант ответа - 16%. В наше время технологии способствуют разрыву между человеком (особенно жителем города) и природой, но технологии могут и объединять. Яркий пример тому - Дом над водопадом (Fallingwater), который спроектировал американский архитектор Фрэнк Ллойд Райт (Frank Lloyd Wright) еще в 1935 году. Этот дом как симбиоз стихии и жилья стал верхней точкой в попытках архитектора гармонизировать человека с природой в духовно-нравственном развитии. Что касается общества отношения к окружающему пространству, результаты показывают важность организации пространства в жизни человека. Интересно, что мнения по этому вопросу разделились примерно поровну: 44% респондентов предпочитают просторные помещения и 40% любят камерные (компактные) пространства. Следовательно, при проектировании дома необходимо делить пространство на различные по величине объемы.

Примечательно, что примерно половина опрошенных (52%) делают выбор в сторону традиционности, что подтверждает существование конфликта между привычным миром настоящего и технологиями будущего.

Решение этой проблемы возможно средствами дизайна. На вопрос выбора места для строительства дома респонденты ответили следующим образом: выбирают красивую окружающую природу -40%; близкое расположение к городу - 20%; наличие транспортных путей -20%; наличие хороших соседей - 12% и по другим критериям - 8%.

Таким образом, результаты опроса показывают противостояние природы и цивилизации [2]. Частично эту проблему можно решить, если при проектировании создавать больше зон для взаимодействия людей (зоны отдыха, детские и спортивные площадки и т.д.

Примерно две трети опрошенных (64%) выступают за частную территорию возле дома, тогда как общую территорию для нескольких домов предпочли всего 16% респондентов. Тем не менее, общая территория необходима с точки зрения урбанистики, поэтому при проектировании следует комбинировать эти типы территорий.

Мобильное жилье – одно из направлений современной архитектуры, но интересуются им всего около трети опрошенных (36%). В современной России общество не так мобильно, как, например, в США. Возможно, мобильные дома, или сборно-разборные, перевозимые грузовым транспортом, частично помогли бы решить проблему миграции населения из города в город или проблему временных городов (нефтяников, шахтеров и т.п.), в том числе и для духовно-нравственного развития.

Больше трети опрошенных (40%) положительно относятся к идее «растущего дома», т. е. дома, который способен динамически трансформироваться, подстраиваясь под потребности человека (например, расширять площади с увеличением семьи). Примечательно, что все респонденты, не поддерживающие эту идею (4%), являются пенсионерами. Остальные 56% опрошенных

придерживаются традиционных взглядов в вопросе расширения площадей.

Анализ ответов респондентов показал в целом отрицательное отношение общества к инновациям, несмотря на то, что большая часть опрошенных (60%) – студенты. Люди предпочитают традиционность в формах и материалах. В их представлении инновации и уют не сочетаемы.

Также выявлен четко выраженный вектор в сторону экотехнологий, стремление респондентов быть поближе к природе.

Таким образом, можно сделать вывод, что при проектировании современного дома архитекторам и дизайнерам следует искать компромисс, некую грань между традиционностью и инновационностью, стремиться гармонизировать взаимоотношения природы и человека.

Список литературы:

1. Сафиуллина, Н.З. Духовно-нравственное развитие подрастающего поколения в условиях поликультурного общества (на примере озера «Лесное» в Боровецком лесу) // Сафиуллина Н.З., Исакова Н.Р. // Духовно-нравственное развитие подрастающего поколения как научно-теоретическая и прикладная проблема. Материалы Международной научно-практической конференции.- Сборник научных статей. - Том 2. - Набережные Челны, Казань, 2014.

2. Сафиуллина, Н.З. Морально-нравственный потенциал формирования духовной культуры молодежи (На материалах Республики Татарстан) / Сафиуллина Н.З., Исакова Н.Р., Л.М. Исакова, Т.Г. Шарафутдинова. - В мире научных открытий. - 2014. - №5 (53). - С. 164-169.

3. Сапрыкина Н. А. Основы динамического формообразования в архитектуре / Н.А. Сапрыкина / Учебник для вузов. - М.: «Архитектура-С», 2005.

4. Мухаметшин А.Г. История развития педагогической мысли, просвещения и образования татарского народа в ХУ1-начале ХХ вв.: учебное пособие. - Набережные Челны, 2012.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ

К.Л. Серебряков

Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны

Р.И. Сафиуллина

Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны

В статье раскрывается значение внедрения инклюзивного образования в поликультурной образовательной среде. Освещена тема взаимопроникновения межнационального, религиозного и общечеловеческого аспектов в поликультурном обществе путем практического взаимодействия и создания атмосферы и условий реализации таковых в сфере образовательного процесса. Инклюзивное образование позиционируется как объединяющий фактор в глобализации общечеловеческих ценностей будущих поколений.

***Ключевые слова:** поликультурная образовательная среда, инклюзивное образование, общечеловеческий аспект, целостность общества.*

В настоящем времени для системы образования характерно «усиление этнизации содержания образования»[1, 3]; возросла роль родного языка в обучении; значимо влияние религии на формирование

личности. Наряду с положительным аспектом – осознания уникальности своей культуры, - возникают негативные: этнокультурная изоляция, формирование психологии узкого национализма.

В современном обществе поликультурная образовательная среда противостоит многим негативным аспектам, приводящим к расколу, международным конфликтам, разобщенности культур и народов, дискриминации.

Главная цель поликультурного образования - формирование человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умениями жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас и верований [1, 5].

Поликультурное образование в России базируется на следующих педагогических принципах:

- воспитание человеческого достоинства и высоких нравственных качеств;
- воспитание для сосуществования социальных групп различных рас, религий, этносов;
- воспитание толерантности, готовности к взаимному сотрудничеству[2, с. 13-14].

Таким образом, анализ принципов поликультурного образования в России свидетельствует, что российские исследователи берут за основу, главным образом, философию гуманизма и кросскультурализма, предполагающую признание человека высшей ценностью, защиту его достоинства и гражданских прав, акцентирующую равенство, самоценность и многообразие культур, важность их интеграции, гуманных, толерантных отношений между представителями разных культур [3, с. 99].

Принцип гуманизма подтвержден Федеральным Законом «Об образовании в Российской Федерации» в отношении инвалидов, людей с ОВЗ. Инвалиды, люди с ограниченными возможностями здоровья образуют (формируют) свое сообщество и, как следствие, определяются социумом в отдельную страту. В свою очередь члены данной страты принадлежат к различным конфессиям, этносу, расам.

Таким образом, инвалиды, люди с ОВЗ являются носителями не только социальной, но и межкультурной коммуникации.

Создание условий, опытным педагогом-профессионалом в ходе которых, обучающийся (воспитанник) приобретает опыт решения проблем, связанных с особенностями взаимодействия в поликультурной образовательной среде дает обучающемуся возможность усвоить такие основные понятия и категории, как самобытность, уникальность, культурная традиция, духовная культура, этническая идентификация, национальное самосознание, российская культура, мировая культура, общие корни культур, многообразие культур, различия между культурами. взаимовлияние культур, культура межнационального общения, культура мира, ненасилие, толерантность. Именно непосредственный опыт стимулирует познавательную и эмоциональную активность ребенка в формировании культуры общения: стремление найти способы взаимодействия, желание сотрудничать с людьми, несмотря на имеющиеся различия. Учебно-воспитательный процесс, наполненный знаниями, близкими и понятными ребенку, имеющими личностные значимость и смысл, помогает выработать невосприимчивость к наихудшим проявлениям невежества: жестокости, бездуховности, цинизма.

В преемственности поликультурной образовательной среды заложена фундаментальная основа рефлексорного понятия гуманности и общечеловеческой основы будущих поколений, что обеспечит подготовку компетентных педагогических кадров в области инклюзивного образования и поликультурной образовательной среды без дополнительных затрат.

Включение инклюзивного образования в систему отечественного поликультурного образования гарантирует постановку и выполнение дополнительных целей и задач для педагогов в организации учебного процесса, но одновременно сопряженно взаимодействует с детьми-инвалидами, детьми с ОВЗ послужит объединяющим фактором сближения, поможет детям без ограничений здоровья уйти от крайности в суждениях и поступках, научиться взаимопониманию и солидарности, сотрудничеству; выявит общечеловеческий потенциал ребенка вне зависимости от того, какой он национальности и вероисповедания.

Таким образом, «объединение» - одно из важнейших понятий поликультурного образования, выделенное А.Н. Джуринским и лежащее в основе целостности общества [2, 13-14] - получит новую точку отсчета с внедрением инклюзивного образования.

Список литературы:

1. Макаев, В.В. Поликультурное образование - актуальная проблема современной школы/ В.В. Макаев, З.А. Малькова, Л.Л. Супрунова // Педагогика. - 1999. - №4. - С.3-10.
2. Джуринский, А.Н. Поликультурное воспитание в современном мире/ А.Н.Джуринский. - М.: Прометей, 2002.
3. Бессарабова И.С. Современные наукоемкие технологии. – 2008. – № 8. – С. 97-99.

ВОСПРИЯТИЕ ЦЕННОСТИ СВОБОДЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

О.А. Симоненко

Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск

Хуан Вэньцин

Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск

Политические институты утрачивают свою эффективность при переносе в другую среду, также и политические ценности меняют свое содержание часто до неузнаваемости. В представлении западных наблюдателей китайскому обществу чужда идея свободы, тогда как граждане Китая не чувствуют себя ущемленными, не замечают противоречия между классическими признаками демократии и характеристиками политического режима, при котором живут. Особое место ценности свободы отводится в концепции «Великой китайской мечты», которая формулируется как современная стратегия развития КНР.

Ключевые слова: *политическая культура, свобода, демократия, права человека, ценности конфуцианства, учение Сунь Ятсена, концепция «китайской мечты» Си Цзиньпина.*

Согласно трактовке, утвердившейся в политической науке после Второй мировой войны, под политической культурой понимают совокупность относительно устойчивых убеждений и моделей поведения индивидов и групп, которые проявляются в непосредственной

политической деятельности субъектов и определяют эволюцию политической жизни.

Развернувшиеся исследования корпоративистов, нередко предполагавшие сравнение азиатских политических систем с англо-саксонской или континентально-европейской, стремились ответить на вопрос, почему благополучное взаимодействие политических институтов при переносе на другую почву нарушается или вовсе разрушается. Вывод этих исследований не оставляет сомнений: политические институты функционируют эффективно, только если они включены в адекватный культурный контекст, при этом политические акторы обладают соответствующими культурными характеристиками [1, с. 106].

Политическая культура западного типа пронизана идеей свободы, под которой понимается отсутствие вмешательства в суверенитет человека, который при этом является определяющей причиной своих действий. Свобода – это возможность поступать, как хочется, у древнегреческих философов связанная с противопоставлением судьбе и политическому деспотизму, в средние века – с освобождением от греховности человеческой природы, а с начала Ренессанса – всегда связанная с волей и творчеством, беспрепятственным всесторонним развитием человеческой личности [6, с. 406]. Признание свободы высшей целью, высшим средством и высшим принципом человеческого общества всегда было сущностью либеральных течений.

В России отношение к свободе нельзя считать однозначным. Так, В. Даль определял ее как понятие «сравнительное»: здесь и отсутствие стеснения, рабства, подчинения чужой воле, и «полный необузданный произвол и самовольство» [2, с. 151].

В китайской культуре, отраженной в языке, нет термина «свобода» в значении независимости, противоположности рабству. Для китайца свобода понимается как возможность «следовать самому себе», «быть естественным», при этом постоянно нужно помнить и о другой стороне свободы – опасности распушенности и вседозволенности [4].

Согласно китайским философским учениям, задача отдельного человека состояла в том, чтобы в максимальной степени избавиться от собственного «я». Гармоничным человек становится, если ему удастся вписаться в сеть космических и социальных превращений. Цель индивида – не отстраниться от мира в своей личной автономии, а соучаствовать всем масштабным превращениям. Только в этом случае индивид становится «настоящим человеком» (в даосизме) и «достойным мужем» (в конфуцианстве) [7, с. 188].

На традиции предков опирался в разработке своего учения главный идеолог и практик республиканского строя в Китае – Сунь Ятсен (1866–1925). Его понимание свободы заметно отличается от западной традиции. Сунь Ятсен утверждал, что угнетение китайского народа никогда не было так велико, как в Европе, то есть простые китайцы всегда были более свободны, чем европейцы, поэтому призыв к свободе и освобождению человека в Китае лишен смысла.

Напротив, «Китаю нужна революция, потому что китайцы слишком свободны» ... и нужно «покончить с индивидуальной свободой», чтобы «создать крепкую общность», таким образом, свобода имеет смысл только в виде коллективной ценности, больше соответствуя принципу национализма, чем демократии [5]. Сунь Ятсен считал, что термин «свобода» не может применяться к отдельному индивиду, так как в таком случае образуется

лишь «горсть разрозненных песчинок», свободным может и должно быть только государство, чтобы стать процветающим и великим.

Сначала государство, потом я. Только такой подход к жизни преподносится в качестве верного современными идеологами. Сильное и стабильное государство может обеспечить счастливую жизнь всему народу и каждой семье. При этом индивидуальная свобода прямо противопоставляется благосостоянию. Популярны пугающие обращения к постсоветской истории России, когда чрезмерное увлечение свободой сопровождалось стремительным падением уровня жизни.

Впрочем, аналогичные рассуждения находят понимание и у россиян, которые нередко продолжают ассоциировать ценность свободы и либерализм с трагическими последствиями реформ постсоветского периода. Успешный опыт развития гражданского общества, ставшего условием приближения некоторых стран к идеалу социального государства, не часто обсуждается публично.

Современная концепция лидера страны Си Цзиньпина, известная под названием «китайской мечты о великом возрождении китайской нации», тесно переплетается с учением Конфуция, которое настойчиво рекомендуется к изучению всем гражданам. Следование традиционным ценностям предполагает, что «на каждом человеке лежит ответственность за судьбу страны» [8, с. 90]. Выдвижение в Китае программной концепции «китайской мечты», в основу которой заложена идея «великого возрождения китайской нации» в эпоху «огромных перемен», стала той национальной идеей и социально-психологической установкой, опираясь на которую заново отстраивается идеологическая работа государственных органов и институтов общественного

сознания [3, с. 218–219]. Безусловно, объективно существующее социальное неравенство не способствует укреплению социального согласия и политической стабильности. Оно также ставит перед властью правящей партии задачу легитимации такого противоречия: разрыв в показателях качества жизни и декларируемое коммунистическое равенство.

Идея достижения «китайской мечты» позволяет КНР заявлять о себе на международной арене, используя гораздо более приемлемые для мирового сообщества деидеологизированные тезисы, так как очевидно, что аргументы и риторика в коммунистическом стиле не устраивает не только иностранных наблюдателей, но и самих китайцев.

Одновременно «китайская мечта» становится препятствием на пути чуждых идеологий, предлагая свой привлекательный вариант социального развития, который может заинтересовать и другие народы, особенно в Юго-Восточной Азии. Кроме того, «китайская мечта» становится очередным символическим проектом, подчеркивающим величие и долговременность китайской цивилизации.

Всеобщая Декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., признается в КНР важным международным документом, который закладывает фундамент практического осуществления прав человека в мире. Но руководство КНР всегда утверждает, что соблюдение прав человека невозможно без учета исторических условий, культурных традиций, уровня экономического развития страны. Поэтому практические подходы к реализации прав и свобод человека существенно отличаются от тех, что считают беспорными западные критики политических и социальных реалий КНР.

Западные наблюдатели непрерывно говорят о нарушении прав и свобод человека в Китае, снимаются фильмы о бессердечии режима всевластия КПК, претендуя на объективность. В самом Китае гражданские активисты заявляют о многочисленных акциях социального протеста, связанных с несправедливым принудительным сносом строений и изъятием сельскохозяйственных земель, отсутствием социальных гарантий у значительной части населения. Однако такой риторикой удастся увлечь преимущественно западных читателей.

Для современного Китая вопросы определения сущности свободы продолжают относиться к разряду «чувствительных» тем. Но было бы несправедливо считать, что в КНР политические реформы не осуществлялись или запаздывали по отношению к экономическим. Без осуществления политических реформ развитие экономики было бы просто невозможно, однако темпы перемен, конечно, разнятся. До настоящего времени господствует представление о политике как о сфере деятельности элит, возможности политического участия для граждан ограничены. Граждане пользуются значительной индивидуальной свободой во всех сферах, кроме политической.

Современные китайские студенты и магистранты, знакомясь с признаками демократического политического режима (такими как свобода слова, собраний, политического выбора), не видят в них критики существующей в КНР ситуации, поэтому, в противовес западным оценкам, на вопрос о наличии демократии в своей стране уверенно отвечают утвердительно.

Как в КНР, так и за ее пределами (например, на Тайване) есть некоторое число сторонников демократизации политической жизни Китая по западному образцу, с введением всеобщих прямых выборов главы

государства и парламента страны, усилением роли т. н. «демократических партий» и с разрешением деятельности действительно оппозиционных организаций. Однако, радикальные для КНР рецепты реформирования политической системы не находят поддержки ни в массах, ни в среде высокопоставленных руководителей. Уход КПК со своих позиций можно было бы рассматривать как явление, близкое к революционному, то есть непредсказуемому. Нет никаких оснований утверждать, что отстранение партийных структур, имеющих колоссальный опыт управления, от принятия решений приведет к позитивным последствиям. Очевидно, экономические проблемы и политическая нестабильность в Китае невыгодны никому из его соседей, в особенности России.

Список литературы:

1. Баталов Э. . Человек, мир, политика / Э.Я. Баталов. – М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2008. – 330 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4: Р – V / В. Даль. – М. : Русский язык, 1980. – 683 с.
3. Исаев А.С. Институты формирования общественного сознания КНР и вопросы сотрудничества СМИ России и Китая / А.С. Исаев // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2016. – Т. 21. – С. 218–233.
4. Константинов А. Китайская мечта. Как Поднебесная создавала свою утопию и как эта утопия создавала Поднебесную / А. Константинов // Русский репортер [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/article/2014/09/25/kitajskaya-mechta> (дата обращения 26.03.2017).

5. Кочешков Г. Народовластие Сунь Ятсена или демократия по-китайски / Г. Кочешков // Nezapad.ru. Дальний и Ближний Восток [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: http://nezapad.ru/%D1%81hinese_demosaqasy/ (дата обращения 07.02.2017).

6. Краткая философская энциклопедия / сост. Губский Е.Ф., Кораблева Г.В., Лутченко В.А. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – 576 с.

7. Малявин В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин. – М. : Астрель, 2000. – 192 с.

8. Тавровский Ю. В. Си Цзиньпин : По ступеням китайской мечты / Ю. В. Тавровский. – М. : Эксмо, 2015. – 272 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И НАУЧНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛАХ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА)

Л.Л. Хонёрская

Институт философии, политологии и права им.
А.Баховаддинова Академии наук Республики
Таджикистан, г. Душанбе

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению образовательной и научной интеграции постсоветских государств как инструментов диалога культур, способов формирования и взаимодействия элит, ценностные и политические ориентации которых предполагают межэтническое согласие и сотрудничество, отказ от националистической идеологии и практики.

Ключевые слова: *межгосударственное сотрудничество стран СНГ, диалог культур, образовательная и научная интеграция, совместные образовательные проекты, международный трансфер*

знаний, обмен научной информацией, диссертационные советы.

В Концепции внешней политики Российской Федерации определено, что приоритетными направлениями её внешней политики «являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами - участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием» [1].

Эффективными формами реализации этих приоритетов выступают образовательная и научная интеграция как современная форма диалога культур. По мнению автора, если в сфере экономики вопрос о евразийской интеграции, о вступлении в ЕАЭС для некоторых постсоветских государств, в частности для Таджикистана, остается дискуссионным, то участие в образовательной и научной интеграции является необходимым условием развития национальной системы образования и науки.

Это признает и Президент Таджикистана Э. Рахмон, который на церемонии вручения звания Почётного профессора Уфимского государственного нефтяного технического университета заявил, что значимым и устойчивым каналом российско-таджикского взаимодействия являются «непосредственные контакты между научными и образовательными учреждениями двух стран как важное условие сохранения единого культурно-информационного и образовательного пространства с Россией» [3].

Здесь следует обратить особое внимание на отличие интеграции в научно-образовательной сфере от экономической и политической интеграции. Дело в том, что экономическое и политическое межгосударственное

сотрудничество основывается, прежде всего, на институциональном взаимодействии сторон, а образовательная и научная интеграция базируется на культурном диалоге представителей элит. Именно в образовательном и научном сообществах личные профессиональные контакты могут и зачастую превращаются в институционализированные каналы межгосударственного сотрудничества, в рамках которого проводятся совместные научные исследования, реализуются образовательные программы, осуществляется подготовка высококвалифицированных кадров, происходит обмен учеными и научной информацией, обсуждаются перспективные направления развития современной науки и образования.

Образовательная и научная интеграция в современных условиях выполняет ряд весьма значимых функций, поскольку представители научного и образовательного сообщества в персонифицированной форме:

- способны четко выразить доминирующие приоритеты, ценности и национальные интересы России и Таджикистана;
- обладают определенными статусными возможностями в процессе принятия политических решений;
- предоставляют примеры межэтнического диалога, основанного на принципах взаимоуважения и согласия;
- являются одним из гарантов светского пути развития государств, что для Таджикистана имеет особую актуальность в условиях роста угрозы распространения исламского экстремизма;
- содействуют целенаправленной реализации евразийского интеграционного проекта.

Именно представители научно-образовательных элит, ориентированных на позитивное сотрудничество, сразу же после распада СССР в условиях роста этнонационализма подготовили проекты и настояли на подписании государствами-участниками СНГ ряда очень важных документов. К ним относятся: Соглашение о сотрудничестве в области образования (1992); Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств (1997); Соглашение о порядке создания и функционирования филиалов высших учебных заведений в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (2001); Соглашение об обеспечении гражданам государств-участников Содружества Независимых Государств доступа в общеобразовательные учреждения на условиях, предоставленных гражданам этих государств, а также о социальной защите обучающихся и педагогических работников общеобразовательных учреждений (2004).

Для Таджикистана эти соглашения получили практическую реализацию и стали основой при учреждении Российско-Таджикского (Славянского) университета [8] и создании филиалов высших учебных заведений Российской Федерации на территории республики [4]. Их практическое функционирование выступает примером образовательной интеграции. В свою очередь, ее целью выступает подготовка национальной элиты, ориентированной на расширение межгосударственного диалога и углубление евразийских интеграционных процессов. Преподавание в филиалах ведут, в основном, сотрудники головных вузов, т. е. представители российской научно-образовательной элиты.

Самым крупным совместным образовательным проектом является Российско-Таджикский (Славянский)

университет (РТСУ), в котором обучаются более 5886 студентов, в филиале МГУ им. М. В. Ломоносова обучается 592 человека, в филиале Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» – 996 человек, в филиале Московского энергетического института – 191 человек [9; С. 254]. Подготовка специалистов в филиалах российских вузов осуществляется в соответствии с приоритетными направлениями Национальной стратегии развития образования Республики Таджикистан.

Президент России В. В. Путин поставил перед этими ВУЗами две главные цели: подготовка квалифицированных специалистов для Таджикистана и укрепление присутствия Российской Федерации в образовательном пространстве республики.

Другим механизмом подготовки пророссийски ориентированной национальной элиты является ежегодное предоставление Министерством образования и науки РФ квот гражданам Таджикистана для обучения в российских вузах и колледжах. Квоты ежегодно увеличиваются в полтора раза. Общая численность таджикских граждан, обучающихся за счет образовательных квот в 2015–2016 учебном году в вузах России, составила 6281 человек (для сравнения: в Казахстане обучаются 712 чел., в Китае – 650 чел., в Иране – 452 чел., в США – 12 чел.). За счет стипендии Президента РТ в России проходят обучение 254 человека (всего – 340) [9; С. 295-296]. География их обучения весьма обширна: 54 города РФ, наибольшее количество таджикских студентов обучаются в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Нальчике и Уфе. Вопрос об увеличении образовательных квот для граждан РТ будет рассмотрен на очередном заседании Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству РТ и РФ.

Образовательная интеграция Таджикистана и России отвечает запросам населения республики, поскольку обучение в российских вузах дает возможность получить качественное высшее образование и создать базу для личностного роста и обеспечения социального статуса молодых людей.

Не менее значимой, чем образовательная, является научная интеграция, т. е. институциональное объединение усилий ученых разных стран с целью повышения результативности научной деятельности, увеличения вклада науки в экономическое развитие государств, роста собственного научного авторитета и потенциала. Россия и Таджикистан осуществляют «сотрудничество между соответствующими ведомствами, научными, научно-производственными объединениями, научно-исследовательскими институтами, организациями и лабораториями» на основе межправительственного соглашения, подписанного в 1995 г. [7].

На современном этапе международное научное сотрудничество России и Таджикистана осуществляется по следующим основным направлениям:

1) *проведение совместных исследований* в областях, представляющих интерес для нескольких научных организаций обоих государств. Интерес каждого государства-участника в части реализации совместных международных исследовательских проектов заключается, прежде всего, в приобретении передового опыта организации и проведения исследований, в обсуждении научных гипотез, в совместном решении важных научных задач.

Надо сказать, что финансирование совместных научных проектов в современных условиях довольно проблематично, тем не менее есть и такие примеры. Так, в сфере фундаментальной науки - это российско-таджикский

Международный научно-исследовательский центр «Памир-Чакалтая», который был учрежден 29 августа 2008 г. правительствами РФ и РТ [5, с. 66]. Центр проводит совместные ядерно- и астрофизические исследования космических лучей сверхвысоких энергий. По инициативе РАН и АН РТ создана международная школа молодых ученых государств-участников СНГ по изучению смежных проблем физики и астрофизики частиц сверхвысоких энергий.

Еще один пример – научная интеграция в сфере прикладной науки. Институты Отделения физико-математических, химических, геологических и технических наук АН РТ в 2011–2015 гг. совместно с российскими научно-исследовательскими институтами выполняли исследования, направленные на разработку и применение математических моделей оптимизации работы ГЭС с водохранилищем. Выполненные исследования призваны способствовать конструктивному диалогу стран региона в поиске решений по оптимизации совместного и эффективного использования водно-энергетических ресурсов трансграничных рек Центральной Азии [2];

2) *международный трансфер знаний*, основными формами которого выступают:

– обмен научной информацией, участие ученых обеих стран в международных конференциях, симпозиумах, исследовательских проектах и издании совместных публикаций;

– международные обмены учеными, которые предполагают приглашение известных зарубежных ученых для чтения лекций в высших учебных заведениях или руководства научными исследованиями, академический обмен и стажировки таджикских студентов, преподавателей и научных сотрудников в российских учебных и научных заведениях;

- международные обмены аспирантами и докторантами, выезжающими для сбора целевой научной информации при написании своих диссертационных работ в соответствии с межправительственными соглашениями;
- защита диссертаций гражданами постсоветских государств в российских диссертационных советах;
- оппонирование диссертаций учеными, имеющими российскую научную степень, в диссертационных советах постсоветских государств (например, Казахстана и Киргизии).

Самой востребованной формой трансфера знаний выступает создание диссертационных советов, взаимодействие в области аттестации научных кадров высшей квалификации, так как Таджикистан по-прежнему входит в юрисдикцию ВАК РФ. В Соглашении между РФ и РТ о сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации установлено, что «уполномоченным органом от Российской Стороны является Государственный высший аттестационный комитет Российской Федерации, а от Таджикистанской Стороны – Академия наук Республики Таджикистан»[6]. Диссертационные советы, действующие при различных высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах РТ, созданы приказами ВАК Минобразования РФ, соискатели после защиты диссертаций получают российские дипломы о присуждении ученых степеней кандидата и доктора наук.

В 2016 г. в республике действовали 22 диссертационных совета, созданных приказами ВАК Минобразования РФ. По 44 научным специальностям в 2015 г. было успешно защищено 38 докторских и 315 кандидатских диссертаций.

В заключение следует сказать, что образовательная и научная интеграция: обмен ведущими учеными с целью

проведения консультаций и ознакомления с результатами научных исследований, обучение национальной элиты, участие российских специалистов в подготовке и аттестации аспирантов и докторантов из Таджикистана, содействие повышению квалификации таджикских ученых, участие научных работников в конгрессах, симпозиумах и семинарах, проводимых в обеих странах, – выступают инструментами и внешней, и внутренней политики РФ, нацеленной на обеспечение межгосударственного сотрудничества, межкультурного диалога и межэтнического согласия.

Список литературы:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ В. В. Путина №640 от 30 ноября 2016 г. // URL: [http:// www. mid.ru/ foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/ 2542248](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248)

2. Отчет о деятельности Академии наук Республики Таджикистан в 2015 году. – Душанбе, 2015.

3. Речь Эмомали Рахмона на церемонии вручения звания Почётного профессора Уфимского государственного нефтяного технического университета (08.07.2015) // URL: <http://khovar.tj/rus/content>

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о порядке создания и функционирования филиалов высших учебных заведений Российской Федерации на территории Республики Таджикистан и филиалов высших учебных заведений Республики Таджикистан на территории Российской Федерации. Москва, 14 декабря 2009 г. // Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 10.

5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о создании и деятельности Международного научно-

исследовательского центра «Памир-Чакалтая» от 29.08.2008 г. // Бюллетень международных договоров. – 2008. – № 12. – С. 66.

6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации (Душанбе, 12 февраля 1997 г.) // URL: [http:// www.conventions.ru/view_base.php?id=1534](http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1534)

7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма (Душанбе, 19 сентября 1995 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1996. – № 6.

8. Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Российской Федерации об условиях учреждения и деятельности в городе Душанбе Российско-Таджикского (Славянского) университета. Москва, 10 июня 1997 г. // URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/3D27CF0D41D6511743257FE10046A89

9. Статистический сборник сферы образования Республики Таджикистан на 2014–2015 учебный год. – Душанбе, 2015

ВНУТРЕННИЙ МИР ТАТАРСКОГО НАРОДА: ЭТНОСТЕРЕОТИПЫ РУССКИХ И ЧУВАШЕЙ

Р.Р. Хуснутдинова

Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны

Рассматривается этническая идентичность трёх национальностей, живущих в условиях российской социальной и политической трансформации. Исследование

обнаруживает взаимную толерантность наций и устойчивость межэтнических отношений, которые сокращают расстояние между культурами и делают возможным этническое сосуществование без конфликтов.

Ключевые слова: *межэтническое взаимодействие, этническая идентичность, этнический стереотип, гетеростереотип, титульные народы Татарстана: русские, татары, чувашки.*

Трансформация российского социально-политического ландшафта продолжается уже более десяти лет. За это время сменились границы страны, режим, лидеры и цели. Изменения затронули не только политические институты, но и прошли через внутренний мир граждан. Всем поколениям (а не только тем, кто впервые входит в политическую жизнь) пришлось адаптироваться к изменившейся среде. Человек, попавший в такие условия, как правило, теряет ориентировку до тех пор, пока не найдет себя в новой обстановке. Этническая идентичность как элемент более широкой гражданской идентичности нередко служит опорой индивида при потере многих других привычных ориентиров в обществе. Знание особенностей этноменталитета и поведения людей в условиях конкретной географической среды и социально-политической ситуации необходимо для управления многонациональным государством.

Этнические стереотипы выполняют важную функцию, определяя поведение человека в различных социальных ситуациях, составляя неперемный атрибут этнокультурной социализации, влияя на этнические симпатии-антипатии, на национальные установки, определяющие межэтническое взаимодействие людей. Содержание этнического стереотипа основано на «знании» общечеловеческих качеств этнофором, который склонен оценивать другие народы через призму ценностей своей

этнической группы. На возникающие перцептивные искажения влияют: образованность этнофора, род занятий, принадлежность к определенной социальной группе, что видно из результатов нашего обследования русских, чувашей и татар разных социальных слоев Татарстана, проведенного на выборке в 504 человека (204 русских, 200 татар, 100 чувашей) по апробированной анкете [3].

При рассмотрении результатов исследования видно, что большинство татар в представителях русской национальности указывают на доброту, щедрость (хлебосольство) и открытость. У представителей своей национальности во главу угла ставят трудолюбие (33%), чистоплотность (27%) и гостеприимство (36%). К неpreferred чертам характера татарского народа чуваша и русские относят национализм и хитрость (38%). Русские, в свою очередь, татар видят трудолюбивыми и гостеприимными, но большинство респондентов указывают на клановость (общинность). В автостереотипах русских приоритетными характеристиками национальных особенностей являются доброта и открытость, хотя упрекают себя за излишнее пристрастие к спиртным напиткам (30%) и 31% указывают на лень; полученные данные также подтверждаются в гетеростереотипах, указанных представителями чувашской и татарской национальности. Чувашский народ предстает в глазах русских и татар очень трудолюбивым, более 70% этнофоров отмечают данное качество в числе первостепенных. Также подчеркивается упорство чувашей, честность, добродушие и неряшливость, - необходимо отметить, что данные согласуются с их автостереотипом.

У татар по числу упоминаний на первом и втором местах встречаются: гостеприимство, трудолюбие, чистоплотность, хитрость, общинность (клановость, семейственность), а также национализм, на котором

хотелось остановиться подробнее. Ретроспективный взгляд на историю позволяет увидеть исторические корни версий татарского национализма, которые находят отражение в этнических стереотипах. Проблемы развития национальной культуры, стоявшие в начале прошлого века перед татарским народом, не были своевременно решены: пришедший на смену монархии большевизм заморозил их, и в 90-х годах, с падением режима, они вновь обрели свое звучание. Прежде всего это вопросы, связанные с религией (исламом), культурой и образованием.

Несколько выделяется из общего списка этнических стереотипов представителей татарской национальности такая черта, как «общинность», «клановость» или «семейственность» (по обозначению в анкетных данных). Объясняется это рядом причин. Во-первых, поволжские татары в большинстве своем - выходцы из сельской местности [4]. Как известно, жителям сельской местности присущ общинный уклад жизни. Он складывался как необходимая форма выживания в суровых климатических условиях Евразии. Во-вторых, татары географически намного ближе к своим родным местам и к родственникам, чем русские, приехавшие в Татарстан чаще всего издалека.

Во всем спектре качеств человека у представителей *чувашиской национальности* наиболее ярко проступают – трудолюбие, высокая работоспособность, характерна выносливость в труде. Ранговые места в этностереотипах чувашей также занимают: упорство, добродушие, скромность, доверчивость и неряшливость. Современные чуваша исповедуют православие, которое в 16-м веке зачастую насаждалось насильственным путем, поэтому народы Волго-Камского региона, в том числе и чуваша, принимая православие, продолжали придерживаться своих древних обрядов и верований. Из языческих верований наибольшее распространение имеют аграрные культы, в

которых воспитывается особое благоговейное отношение к земле, природе, окружающей среде, что, безусловно, влияет на формирование национальных особенностей чувашского этноса.

Известный исследователь чувашской нации Г. Б. Матвеев отмечает, что для подавляющего большинства чувашей этнический стереотип — это прежде всего стремление жить своим трудом. Чувашский народ ест хлеб, выращенный им самим. Бережно относится к средствам труда. Значительное внимание уделяет домашнему хозяйству. Чувашская семья привязана к земле.

В гетеростереотипах русских, проживающих в Среднем Поволжье, присутствуют признаки, наиболее часто встречающиеся в других описаниях этого многочисленного этноса: доброжелательность, душевность, радушие, гостеприимство, сердечность, хлебосольство, милосердие. Безусловно, на формирование и функционирование психологии русского и чувашского народа оказало и оказывает влияние православие. Православие всегда воспитывало у людей смирение, повиновение, подчинение, стремление к избавлению от отрицательных привычек в поведении. В православии Господь предстает сострадающим, любящим и милующим. Путь спасения для православного человека состоит, прежде всего, в любви – к Богу и ближним [2].

Многие ученые утверждают, что положительные качества являются как бы обратной стороной отрицательных, поэтому они не отделимы от последних. Вместе с тем, положительные черты психологии русских понимаются не как качества, компенсирующие недостатки, а как их продолжение, что узаконивает место негативных характеристик в структуре русского национального характера и снимает все попытки с ними бороться, так как

уничтожение их, по логике, является и уничтожением достоинств русских [1].

Наглядным примером данного обстоятельства, отраженного в этнических стереотипах, является широта души, щедрость русского человека и такая черта, как расчет на «авось» или несобранность, бесшабашность, неумение довести начатое дело до конца. «Широта души» - это как бы другая, обратная, но светлая сторона русского «авось». За «широтой души», порожденной необъятными пространствами, подчас скрывается отсутствие глубокого рационального «просчета» житейской или политической ситуации. Когда земли много и она богата, и ее богатства кажутся неисчерпаемыми – ее «не жалко». Не случайно «безалаберность» и «бесшабашность» сопровождают исконное «трудолюбие».

Мы попытались раскрыть тенденции влияния природных, психологических и социально-экономических условий и факторов на некоторые особенности раскрытых этностереотипов в поведении основных народов Татарстана. Показанные в исследовании тенденции в поведении этнофоров ставят формирование каждой из конкретных характеристик в зависимость от ситуативных детерминант мышления и поведения, т. е. условий и факторов жизнедеятельности, проявляя те или иные качества в зависимости от конкретных условий и обстоятельств: характера социально-экономической обстановки, от этнических традиций и норм, от уровня социального развития, от экстремальности создавшейся ситуации и многих других причин.

Возможно, изменения, происходящие в современном мире как с точки зрения политики, экономики, так и с позиции экологии, приведут к перестройке психологических особенностей этносов, населяющих нашу Землю. К примеру, жесткая регламентированность

трудового кодекса может привести к уменьшению проявления «общинности», «семейственности» у татар. Модернизация условий труда, улучшение качества жизни, прогнозируемое «глобальное потепление» повлекут за собой снижение склонности к употреблению спиртных напитков у русского населения. Немыслимо настолько тесное единение чувашей с природой, землей, что является фундаментом чувашского трудолюбия, если уйдут в прошлое их языческие обряды и верования. Однако, перестройка этностереотипов - сложный и долговременный процесс, который должен вначале произойти в поведении людей, а затем в сознании этнофоров.

При тщательном анализе результатов исследования можно обнаружить сходство авто- и гетеростереотипов каждого из народов. Это сходство свидетельствует о близости оценок и самооценок каждого из титульных народов Татарстана, - во-первых, а во-вторых - о достаточно позитивном взаимном образе своих иноплеменных соседей. В целом, не было отмечено случая, чтобы представителям своей национальности давались лишь положительные оценки, а представителям другой лишь отрицательные. Чаще всего в ответах присутствовали как положительные, так и отрицательные черты, приписываемые своей и другой национальности (табл. 1).

Таблица 1

Данные по распределению негативных и позитивных оценок в этностереотипах (в %)

	<i>% негативных оценок в этностереотипах</i>	<i>% позитивных оценок в этностереотипах</i>
	В отношении татар	
татары	20,9	79,1
русские	36,2	63,8

чуваша	29,4	70,6
	В отношении русских	
татары	32,3	67,7
русские	26,6	73,4
чуваша	16,5	83,5
	В отношении чувашей	
татары	32,2	67,8
русские	28	72
чуваша	16,5	83,5

Наличие большого количества схожих оценок в представлениях о себе с мнением представителей другой национальности позволяет сделать вывод об адекватности образов, представлений друг о друге людей трех рассматриваемых национальностей. Различия между автостереотипом и гетеростереотипом отражают уровень взаимопонимания между народами и степень их психологической тождественности. Это очень важное измерение, так как чем больше степень этой тождественности, тем меньше возможностей роста этнической нетерпимости, данный факт подтверждается результатами исследования. Более того, подобная согласованность позволяет сделать вывод об истинности существующих этнических стереотипов и об их вполне точном и «корректном» отражении действительности. Некоторые различия в сложившихся стереотипах у разных социальных слоев населения обусловлены разной частотой контактов двух этносов в их общественных отношениях и профессиональной деятельности.

Соотнося взаимные представления трех соседствующих в Татарстане этносов, можно констатировать их комплиментарность, сокращающую

этнокультурную дистанцию. События, происходящие в России в последние годы, подтвердили взаимную толерантность народов и устойчивость межэтнических отношений в полиэтничном регионе Среднего Поволжья, которые обусловлены геополитическими факторами и выверены историческими испытаниями.

Список литературы:

1. Аксютин Ю.М. Макросоциальная гражданская идентичность молодежи (социологическое измерение) / Ю.М. Аксютин // В мире научных открытий. - 2014. - № 11 (59). - С. 379-392.

2. Бублик М.М. Семантические пространства этнической идентичности молодежи / М.М. Бублик // Вестник Самарского государственного университета. - 2013.-№ 2 (103). - С. 181-187.

3. Додина Р.Р. Этнопсихологическое взаимодействие русских, татар и чувашей Татарстана: автореф. ...канд. псих. наук/ Р. Р. Додина // ЯрГУ, 2008.- 24 с.

4. Чукмарова Л.Ф. Развитие брачно-семейных отношений в «Молодом городе» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - 2007. Т. 13. - № 2.- С. 49-54.

Содержание

Арефьева С.М., Васильева Т.В., Национально-региональный компонент в процессе обучения дизайну	3
Асратян З.Д., Лингвокультурный концепт толерантности в современной британской литературе	7
Асратян Н.М., Межэтнический диалог в контексте социальной динамики	13
Бушев А.Б., Диалог культур в деятельности копирайтера	20
Гарифзянова А.Р., Музыкальная сцена как пространство этнокультурной коммуникации молодежи	36
Гибадуллин Р.М., Тема второй мировой войны в постсоветском сознании: столкновение националистического и гуманистического дискурсов	46
Денисов А.Н., Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан на современном этапе	62
Есикова Ю.В., Фабрика «Липецкие узоры» в этнокультурном пространстве региона	74
Замахова Е.Д., Фомина Т.Ю., Диалог как способ профессионального самоопределения учащихся	82
Ковтунова А.Н., Япония: бизнес-культура и деловая этика	89
Лапин Д.В., Представление межэтнических практик на площадках торговых центров города Новосибирска	102
Лыткина Н.Л., Бахаева Г.М., Образовательное пространство и поликультурное образование	108
Мавляутдинов И.С., Толерантность как важнейший атрибут исламского мировоззрения	115

Магсумов Т.А., Мещеряков К.О., «Как люди на белом свете живут»: европейские народы в энциклопедиях Е.Н. Водовозовой для детей и юношества	121
Матвиенко В.А., Религиозый фактор в осуществлении межнациональных отношений: вопросы методологии	129
Мурзакаева К.М., Мухаметова Э.Д., Формирование национального образования татарского народа в поликультурном пространстве поволжья	137
Мухаметзянова А.Р., Татарское как этнокультурный ресурс: проекты татарстанской молодежи	142
Новчук П.А., Роль этнических стереотипов в процессе этнической самоидентификации современной молодежи	148
Нуруллина Р.В., Межрелигиозные отношения в Республике Татарстан (по материалам социологических исследований).....	154
Столярова Г.Р., Рычкова Н.В., Рычков С.Ю., Поликультурный диалог в Татарстане (опыт реализации научных проектов в образовательном пространстве)	164
Сабиров А.Г., Своеобразие понимания диалога культур в татарской просветительской философии.....	172
Сабирова Л.А., Социальные характеристики ментальности и менталитета	181
Садриев А.Ш., Компьютерные технологии и инновации в культуре современного общества.....	188
Сайфуллин Р.Г., Сайфуллина А.Р., Традиции веротерпимости и толерантности как проявление положительной комплиментарности народов Евразии....	194
Исхакова Н.Р., Сафиуллина Н.З., Исхакова Л.М., Диалог культур по предупреждению конфликтов на	

конфессиональной почве (из социологического исследования).....	199
Исхакова Н.Р., Сафиуллина Н.З., Исхакова Л.М., Проблемы духовности общества в условиях развития современных технологий (на примере г. Набережные Челны).....	207
Серебряков К.Л., Сафиуллина Р.И., Инклюзивное образование в поликультурной образовательной.....	212
Симоненко О.А., Хуан Вэньцин, Восприятие ценности свободы в политической культуре Китая.....	216
Хопёрская Л.Л., Образовательная и научная интеграция как современная форма диалога культур (на материалах России и Таджикистана).....	223
Хуснутдинова Р.Р., Внутренний мир татарского народа: этностереотипы русских и чувашей.....	232

**Этничность
Межэтнические процессы
Диалог культур**

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции

Представленные материалы печатаются без изменений в авторской редакции. Авторы несут ответственность за достоверность сведений, изложенных в своих трудах

Сдано в печать 15.11.2016.
Гарнитура «Times New Roman».
Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 200 экз.

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Набережночелнинский
государственный педагогический университет»
423806, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28